ВОСТОЧНАЯ АНАЛИТИКА
Т. 17, № 3 (2026)

EASTERN ANALYTICS
Vol. 17, No. 3 (2026)

ISSN 2227-5568 (Print)
DOI: 10.31696/2227-5568-2026-03

EASTERN ANALYTICS

Vol. 17, No. 3 (2026)

Information about the journal

The journal *Eastern Analytics* is a print peer-reviewed academic journal
The Journal is being published since 2010. Since 2015 it has annually 4 issues.

Form of distribution – print media, journal.
Registration number and decision date on registration with the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media (Roskomnadzor):
PI No. FS77-82197 dated October 26, 2021.

Registered in the ISSN National Centre of the Russian Federation, Russian Book Chamber:
ISSN 2227-5568 (Print). Dated December 14, 2015. Title proper: Vostočnaâ analitika.
Parallel title: Eastern Analytics.

The media founder & Publisher

The Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences
Address: 12, Rozhdestvenka str., Moscow, 107031, Russian Federation
Website: *www.ivran.ru*

Address of the Editorial Office

The Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences
12, Rozhdestvenka str., Moscow, 107031, Russian Federation
Website: *https://analitika.ivran.ru*. E-mail: *analitika@ivran.ru*

The journal articles do not necessarily reflect the official views of the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, the editorial board and the editorial staff of the journal. The editorial staff is not responsible for the accuracy and reliability of the information provided by the authors.

The articles published in the journal "Eastern Analytics" have passed the procedure of anonymous peer review and expert selection.

© "Eastern analytics", 2026
© IOS RAS, 2026

ISSN 2227-5568 (Print)
DOI: 10.31696/2227-5568-2026-03

ВОСТОЧНАЯ АНАЛИТИКА

Т. 17, № 3 (2026)

Информация об издании

Рецензируемый научный академический журнал.
Печатное средство массовой информации (СМИ), журнал.
Издается с 2010 г., с 2015 г. – 4 раза в год.

Регистрационный номер и дата принятия решения о регистрации
в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций (Роскомнадзор): ПИ № ФС 77-82197 от 26.10.2021 г.

Журнал зарегистрирован в Национальном центре ISSN Российской Федерации:
ISSN 2227-5568 (Print). От 14.12.2015 г. : Vostočnaâ analitika.
Параллельное название: Eastern Analytics.

Учредитель, Издатель

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт востоковедения Российской академии наук (ФГБУН ИВ РАН).
Адрес: 107031, Российская Федерация, г. Москва, ул. Рождественка, д. 12.
Веб-сайт: *www.ivran.ru*

Редакция

107031, Российская Федерация, г. Москва, ул. Рождественка, д. 12, ком. 408.
Веб-сайт: *https://analitika.ivran.ru*. E-mail: *analitika@ivran.ru*

Мнения авторов могут не совпадать с точкой зрения Института востоковедения РАН, редколлегии и редакции журнала. Редакция не несет ответственности за точность и достоверность сведений, приводимых авторами.

Опубликованные в журнале «Восточная аналитика» статьи прошли процедуру анонимного рецензирования и экспертного отбора.

© «Восточная аналитика», 2026
© ФГБУН ИВ РАН, 2026

Editorial Staff

Akimov Alexander Vladimirovich – *Editor-in-Chief*, Doctor of Economics, Head of Department of Economic Research, Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation.

Fedulov Ilia Viktorovich – Deputy Chief Editor, Candidate of Technical Sciences, Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation.

Shchepilova Elena Feliksovna – Editorial Secretary, Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation.

Editorial Board

Naumkin Vitaly Vyacheslavovich – Chairman of the Editorial Board, Academician of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Historical Sciences, Professor, Scientific Director of the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences.

Belokremitsky Vyacheslav Yakovlevich – Deputy Chairman of the Editoral Board, Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of the Center for the Study of Near and Middle Eastern Countries, Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation.

Vorontsov Alexander Valentinovich – Candidate of Historical Sciences, Head of the Department of Korea and Mongolia, Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation.

Voskresensky Alexey Dmitrievich – Doctor of Political Science, Professor, Professor of the Department of Oriental Studies, Director of the Center for Integrated Chinese Studies and Regional Projects of the Moscow State Institute of International Relations (University) Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation.

Zvyagelskaya Irina Donovna – Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of the Center for Middle Eastern Studies of the E. M. Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation.

Isaev Vladimir Aleksandrovich – Doctor of Economics, Professor, Professor of the Department of International Economic Relations of Asia and Africa, Institute of Asian and African Countries, M.V. Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation.

Kuznetsov Vasily Aleksandrovich – Candidate of Historical Sciences, Head of the Center for Arab and Islamic Studies of the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, Associate Professor of the Faculty of World Politics of M.V. Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation.

Mamedova Nina Mikhailovna – Candidate of Economic Sciences, Head, Iranian Sector, Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation.

Melyantsev Vitaly Albertovich – Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Economics, Professor, Head of the Department of International Economic Relations of Asia and Africa, Institute of Asian and African Countries,M.V. Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation.

Mosyakov Dmitry Valentinovich – Doctor of Historical Sciences, Professor, Head, Center for the Study of Southeast Asia, Australia and Oceania, Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation.

Panarin Sergey Alekseevich – Candidate of Historical Sciences, Head, Center for the Study of General Problems of the Modern East, Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation.

Streltsov Dmitry Viktorovich – Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of the Department of Oriental Studies, Head of the laboratory "Center for Japanese, Korean and Mongolian Studies", Moscow State Institute of International Relations (University) Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation; Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation.

Ulchenko Natalia Yurievna – Doctor of Economics, Professor, Head of the Department of Economics and Economic Geography of Asia and Africa, M.V.Lomonosov Moscow State University; Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation.

Shaumyan Tatiana L'vovna – Candidate of Historical Sciences, Head, Center for Indian Studies, Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation.

Редакция

Акимов Александр Владимирович – главный редактор, д-р экон. наук, зав. отделом экономических исследований, Институт востоковедения РАН, г. Москва, Российская Федерация.

Федулов Илья Викторович – зам. гл. редактора, канд. техн. наук, Институт востоковедения РАН, г. Москва, Российская Федерация.

Щепилова Елена Феликсовна – отв. секретарь редакции, Институт востоковедения РАН, г. Москва, Российская Федерация.

Редакционная коллегия

Наумкин Виталий Вячеславович – председатель редакционной коллегии, академик Российской академии наук, д-р ист. наук, проф., научный руководитель Института востоковедения РАН.

Белокреницкий Вячеслав Яковлевич – заместитель председателя редакционной коллегии, д-р ист. наук, проф., заведующий Центром изучения стран Ближнего и Среднего Востока, Институт востоковедения РАН, г. Москва, Российская Федерация.

Воронцов Александр Валентинович – канд. ист. наук, заведующий отделом Кореи и Монголии, Институт востоковедения РАН, г. Москва, Российская Федерация.

Воскресенский Алексей Дмитриевич – д-р полит. наук, профессор кафедры востоковедения, директор Центра комплексного китаеведения и региональных проектов Московского государственного института международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации, г. Москва, Российская Федерация.

Звягельская Ирина Доновна – член-корр. Российской академии наук, д-р ист. наук, проф., руководитель Центра ближневосточных исследований Национального исследовательского института мировой экономики и международных отношений им. Е. М. Примакова РАН, г. Москва, Российская Федерация.

Исаев Владимир Александрович – д-р экон. наук, профессор кафедры международных экономических отношений стран Азии и Африки Института стран Азии и Африки МГУ им. М. В. Ломоносова, г. Москва, Российская Федерация.

Кузнецов Василий Александрович – канд. ист. наук, руководитель Центра арабских и исламских исследований Института востоковедения РАН, доцент факультета мировой политики Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, г. Москва, Российская Федерация.

Мамедова Нина Михайловна – канд. экон. наук, зав. сектором Ирана, Институт востоковедения РАН, г. Москва, Российская Федерация.

Мельянцев Виталий Альбертович – член-корр. Российской академии наук, д-р экон. наук, проф., заведующий кафедрой международных экономических отношений стран Азии и Африки Института стран Азии и Африки МГУ им. М.В. Ломоносова, г. Москва, Российская Федерация.

Мосяков Дмитрий Валентинович – д-р ист. наук, проф., зав. Центром изучения Юго-Восточной Азии, Австралии и Океании, Институт востоковедения РАН, г. Москва, Российская Федерация.

Панарин Сергей Алексеевич – канд. ист. наук, зав. Центром исследования общих проблем современного Востока, Институт востоковедения РАН, г. Москва, Российская Федерация.

Стрельцов Дмитрий Викторович – д-р ист. наук, проф., заведующий кафедрой востоковедения, руководитель лаборатории «Центр японских, корейских и монгольских исследований», Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации; Институт востоковедения РАН, г. Москва, Российская Федерация.

Ульченко Наталия Юрьевна – д-р экон. наук, проф., зав. кафедрой экономики и экономической географии стран Азии и Африки, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова; Институт востоковедения РАН, г. Москва, Российская Федерация.

Шаумян Татьяна Львовна – канд. ист. наук, зав. Центром индийских исследований, Институт востоковедения РАН, г. Москва, Российская Федерация.

CONTENTS

ECONOMICS

M. Q. T. Albewdh
Russian–Saudi Coordination within OPEC+ in 2022–2025:
Mechanisms, Resilience, and Limits of Oil Diplomacy 9

V. O. Dvoichenkov
Three Strategic Breakthroughs
of the Socialist Republic of Vietnam 24

N. N. Miklouho-Maclay Jr.
Papua New Guinea's Resource Wealth Paradox:
On the Path of Economic Reform 44

V. V. Panov
Russian Payment Systems
for International Payments in Response to Sanctions 61

N. K. Semenova
The Price of a Caribbean Alliance:
China's Cumulative Losses in Venezuela and the Limits
of Resource-Driven Cooperation Amid Regime Turbulence 75

A. N. Steblyanskaya
Long-Term Forecast for the Development
of China's Ice and Snow Economy until 2060:
Scenarios, Factors and Trajectories 94

POLITICS

V. V. Anchikov
Constructing the «Turkic World»
in Turkey's Foreign Policy Discourse under R. T. Erdoğan 116

V. Ya. Belokrenitsky
Role of Pakistan
in Contemporary International Relations 128

M. Yu. Ulyanova
Russia-China Cooperation in Commercial Space –
Wenchang as an Integration Hub 144

СОДЕРЖАНИЕ

ЭКОНОМИКА

М. К. Т. Аль-бауда
Российско-саудовская координация в ОПЕК+ в 2022–2025 гг.:
механизмы, устойчивость и пределы нефтяной дипломатии 9

В. О. Двойченков
Три стратегических прорыва
Социалистической Республики Вьетнам 24

Н. Н. Миклухо-Маклай
Парадокс ресурсного богатства
Папуа – Новой Гвинеи: по пути экономических реформ 44

В. В. Панов
Российские платежные системы
для международных расчетов
как ответ на санкционное давление 61

N. K. Semenova
The Price of a Caribbean Alliance:
China's Cumulative Losses in Venezuela and the Limits
of Resource-Driven Cooperation Amid Regime Turbulence 75

А. Н. Стеблянская
Долгосрочный прогноз развития
экономики льда и снега в Китае до 2060 года:
сценарии, факторы и траектории 94

ПОЛИТИКА

В. В. Анчиков
Конструирование «тюркского мира»
во внешнеполитическом дискурсе Турции при Р. Т. Эрдогане 116

В. Я. Белокреницкий
Роль Пакистана
в современных международных отношениях 128

М. Ю. Ульянова
Российско-китайское сотрудничество
в коммерческом космосе – Вэньчан как точка сборки 144

ЭКОНОМИКА

ECONOMICS

Научная статья. Экономические науки
УДК: 339
https://doi.org/10.31696/2227-5568-2026-03-009-023

РОССИЙСКО-САУДОВСКАЯ КООРДИНАЦИЯ В ОПЕК+ В 2022–2025 гг.: МЕХАНИЗМЫ, УСТОЙЧИВОСТЬ И ПРЕДЕЛЫ НЕФТЯНОЙ ДИПЛОМАТИИ

Мохаммед Касим Таджиль Аль-бауда

НИУ ВШЭ, Москва, Россия
malbewdh@edu.hse.ru, https://orcid.org/0009-0007-7827-5054

Аннотация. В статье исследуется эволюция механизмов российско-саудовской координации в рамках ОПЕК+ в 2022–2025 гг. Цель исследования – определить, как санкционное давление и изменения на мировом нефтяном рынке повлияли на устойчивость и инструменты взаимодействия Москвы и Эр-Рияда. Методологически работа опирается на качественный анализ официальных решений и пресс-релизов ОПЕК+, заявлений российских и саудовских государственных органов, а также академической литературы; используются элементы метода отслеживания процесса (process tracing). Анализ показывает, что после 2022 г. российско-саудовская координация сохранилась, но стала более гибкой. Наряду с общими уровнями добычи возросла роль добровольных корректировок группы восьми государств, регулярного мониторинга, компенсационных планов и гибких графиков возвращения объемов на рынок. Устойчивость взаимодействия объясняется сочетанием общих интересов в предотвращении резких дисбалансов предложения и различающихся функциональных возможностей сторон. Саудовская Аравия сохраняла оперативную гибкость благодаря резервным производственным мощностям и центральному положению внутри ОПЕК, тогда как Россия обладала значительным производственно-экспортным весом и оставалась одним из ключевых участников формата вне организации. Вместе с тем интересы сторон не были полностью идентичными, а эффективность ОПЕК+ ограничивалась неполным соблюдением обязательств отдельными участниками и воздействием внешних рыночных факторов. Российско-саудовскую координацию поэтому целесообразно рассматривать как устойчивое институционализированное отраслевое партнерство, а не как всеобъемлющий политический союз.

Ключевые слова: Россия, Саудовская Аравия, ОПЕК+, нефтяная дипломатия, санкции, добровольные корректировки, нефтяной рынок

Для цитирования: Аль-бауда М. К. Т. Российско-саудовская координация в ОПЕК+ в 2022–2025 гг.: механизмы, устойчивость и пределы нефтяной дипломатии. *Восточная аналитика*. 2026;17(3):9-23. https://doi.org/10.31696/2227-5568-2026-03-009-023

RUSSIAN–SAUDI COORDINATION WITHIN OPEC+ IN 2022–2025: MECHANISMS, RESILIENCE, AND LIMITS OF OIL DIPLOMACY

Mohammed Qasim Thajeel Albewdh

HSE University, Moscow, Russia
malbewdh@edu.hse.ru, https://orcid.org/0009-0007-7827-5054

Abstract. This article examines the evolution of Russian-Saudi coordination mechanisms within OPEC+ in 2022–2025. The study aims to determine how sanctions pressure and changes in

Контент доступен под лицензией Creative Commons «Attribution-ShareAlike» («Атрибуция-СохранениеУсловий») 4.0 Всемирная.

© Аль-бауда М. К. Т., 2026
© Восточная аналитика, 2026

the global oil market affected the resilience and instruments of interaction between Moscow and Riyadh. Methodologically, the research is based on a qualitative analysis of official OPEC+ decisions and press releases, statements by Russian and Saudi government bodies, and relevant academic literature; it also employs elements of process tracing. The analysis shows that Russian-Saudi coordination persisted after 2022 but became more flexible. Alongside common production levels, voluntary adjustments by the group of eight participating countries, regular monitoring, compensation plans, and flexible schedules for returning volumes to the market became increasingly important. The resilience of this interaction can be explained by a combination of shared interests in preventing sharp supply imbalances and the parties' differing functional capabilities. Saudi Arabia retained operational flexibility due to its spare production capacity and central position within OPEC, while Russia maintained substantial production and export weight and remained one of the key participants in the format outside the organization. At the same time, the interests of the two sides were not fully identical, while the effectiveness of OPEC+ continued to be constrained by incomplete compliance by some participants and by external market factors. Russian-Saudi coordination should therefore be understood as a resilient institutionalized sectoral partnership rather than a comprehensive political alliance.

Key words: Russia, Saudi Arabia, OPEC+, oil diplomacy, sanctions, voluntary adjustments, oil market

For citation: Albewdh M. Q. T. Russian–Saudi Coordination within OPEC+ in 2022–2025: Mechanisms, Resilience, and Limits of Oil Diplomacy. *Eastern Analytics*. 2026;17(3):9-23. (In Russ.) https://doi.org/10.31696/2227-5568-2026-03-09-023

Введение

События после февраля 2022 г. сформировали для ОПЕК+ новую политико-экономическую среду. Россия столкнулась с ограничениями, затронувшими экспорт, финансирование, страхование и морскую транспортировку нефти, включая европейское эмбарго и механизм ценового потолка[1]. Одновременно страны-потребители стремились ограничить нефтяные доходы России, не допуская резкого сокращения ее поставок и роста мировых цен[2]. Саудовская Аравия, в свою очередь, испытывала давление со стороны США, выступавших против сокращения предложения и предлагавших отложить октябрьское решение ОПЕК+

[1] Council Regulation (EU) 2022/879 of 3 June 2022 amending Regulation (EU) No 833/2014 concerning restrictive measures in view of Russia's actions destabilising the situation in Ukraine // EUR-Lex. 03.06.2022. URL: https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2022/879/oj/eng (accessed: 07.08.2026); Russian oil: EU agrees on level of price cap // Council of the European Union. 03.12.2022. URL: https://www.consilium.europa.eu/en/press/press-releases/2022/12/03/russian-oil-eu-agrees-on-level-of-price-cap/ (accessed: 07.08.2026).

[2] Russian oil: EU agrees on level of price cap // Council of the European Union. 03.12.2022. URL: https://www.consilium.europa.eu/en/press/press-releases/2022/12/03/russian-oil-eu-agrees-on-level-of-price-cap/ (accessed: 07.08.2026).; Council Regulation (EU) 2022/2367 of 3 December 2022 amending Regulation (EU) No 833/2014 concerning restrictive measures in view of Russia's actions destabilising the situation in Ukraine // EUR-Lex. 03.12.2022. URL: https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2022/2367/oj/eng (accessed: 07.08.2026)

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-ShareAlike 4.0 International (CC BY-SA 4.0).

© Albewdh M. Q. T., 2026
© Eastern Analytics, 2026

2022 г.[3] Тем не менее Эр-Рияд исходил прежде всего из собственных оценок рыночного баланса, бюджетных интересов и стремления сохранить внешнеполитическую автономию [Heibach, Cerioli, 2024, p. 670–683]. В этих условиях сохранение российско-саудовской координации не было предопределено. Россия оставалась одним из крупнейших участников ОПЕК+ вне самой организации и была вынуждена перестраивать географию нефтяного экспорта, тогда как Саудовская Аравия сохраняла значительные резервные производственные мощности и центральное положение внутри ОПЕК. При этом решения ОПЕК+ носят многосторонний характер и зависят не только от Москвы и Эр-Рияда, но и от позиций других участников Декларации о сотрудничестве. Существующая литература подробно рассматривает отдельные стороны этой проблематики. Истоки российско-саудовского взаимодействия в энергетической сфере и институционализацию ОПЕК+ анализируют политологические исследования [Гаспарян, Мелконян, 2024, с. 32–56; Bradshaw, Van de Graaf, Connolly, 2019]. Сохранение сотрудничества Эр-Рияда с Москвой после 2022 г. связывается с более широкой политикой внешнеполитической автономии Саудовской Аравии [Heibach, Cerioli, 2024, p. 670–683]. Экономические работы оценивают влияние ОПЕК+ на уровень и волатильность нефтяных цен [Almutairi, Pierru, Smith, 2023, p. 1–22; 2025, p. 1–10; Quint, Venditti, 2023, p. 173–186], а исследования санкций анализируют адаптацию российского нефтяного экспорта и его переориентацию на азиатские рынки [Kilian, Rapson, Schipper, 2024, p. 1–21; Shagina, 2021, p. 194–199]. Вместе с тем взаимосвязь между двусторонним политическим взаимодействием, различающимися возможностями России и Саудовской Аравии и конкретными механизмами реализации решений ОПЕК+ изучена недостаточно системно.

Исследовательский вопрос статьи заключается в следующем: каким образом санкционное давление и изменения мирового нефтяного рынка после 2022 г. повлияли на механизмы российско-саудовской координации в рамках ОПЕК+ и какие факторы определяли ее устойчивость и пределы эффективности? В основу исследования положена гипотеза о том, что внешнее давление не разрушило координацию, поскольку общая заинтересованность сторон в предотвращении резких дисбалансов предложения перевешивала краткосрочные расхождения, а устойчивость взаимодействия поддерживалась адаптацией институциональных инструментов ОПЕК+. Методологически исследование опирается на качественный

[3] Правительство Королевства выражает полное неприятие заявлений, сделанных в его адрес после решения ОПЕК+, и подтверждает, что решения группы принимаются на основе консенсуса государств-членов // Министерство иностранных дел Королевства Саудовская Аравия. 13.10.2022. URL: https://www.mofa.gov.sa/ar/ministry/statements/Pages/%D9%82%D8%B1%D8%A7%D8%B1-%D8%A3%D9%88%D8%A8%D9%83-%D8%A8%D9%84%D8%B3.aspx (дата обращения: 08.08.2026).

анализ документов и элементы метода отслеживания процесса (process tracing). Эмпирическую базу составляют официальные решения и пресс-релизы ОПЕК+, материалы JMMC, сообщения российских и саудовских государственных органов, а также академические исследования и количественные оценки деятельности альянса. Анализ охватывает четыре этапа: решение октября 2022 г., развитие дополнительных добровольных сокращений в 2023 г., усиление мониторинга и компенсационных механизмов в 2024 г. и переход к гибкому возвращению части объемов на рынок в 2025 г.

1. Предпосылки и логика российско-саудовской координации

Взаимодействие России и Саудовской Аравии в нефтяной сфере сформировалось задолго до 2022 г. Его институционализации способствовали изменения структуры мирового предложения после ценового спада 2014–2016 гг. и роста добычи сланцевой нефти в США. В этих условиях сокращение добычи внутри ОПЕК могло частично компенсироваться ростом производства за пределами организации. Принятая 10 декабря 2016 г. Декларация о сотрудничестве между ОПЕК и участвующими странами вне организации заложила основу регулярной координации, включая мониторинг выполнения договоренностей и их пересмотр на техническом и министерском уровнях[4]. Участие России и других крупных производителей вне ОПЕК расширило охват соглашения, тогда как Москва получила возможность участвовать в коллективной координации нефтяного рынка без формального вступления в организацию [Гаспарян, Мелконян, 2024, с. 32–56; Bradshaw, Van de Graaf, Connolly, 2019, p. 4–8]. Значение российско-саудовской координации связано с различиями в функциональных возможностях сторон. Саудовская Аравия располагает значительными резервными производственными мощностями, позволяющими сравнительно быстро изменять объем добычи [Claes, Goldthau, Livingston, 2016, p. 204–211]. Россия, не обладая сопоставимым объемом оперативно доступных резервных мощностей, сохраняет крупную производственную и экспортную базу и остается одним из ключевых участников соглашения среди государств вне ОПЕК. Эконометрические оценки показывают, что действия ОПЕК и стран-союзников оказывали различное воздействие на рынок: вклад союзников в большей степени проявлялся в поддержке уровня цен, тогда как основная часть эффекта снижения волатильности была связана с действиями самой ОПЕК [Almutairi, Pierru, Smith, 2023, p. 1–22]. К началу нового санкционного этапа Россия

[4] OPEC and non-OPEC Ministerial Meeting // Organization of the Petroleum Exporting Countries (OPEC). 10.12.2016. URL: https://www.opec.org/pr-detail/457-10-dec-2016.html (accessed: 09.08.2026).

уже располагала опытом адаптации нефтяного сектора к внешним ограничениям. После 2014 г. развивались импортозамещение, альтернативные финансовые механизмы и восточное направление энергетической политики, хотя ограничения сохраняли долгосрочные риски для доступа к технологиям и реализации сложных проектов [Shagina, 2021, p. 183–199]. Этот опыт сформировал часть предпосылок для последующей перестройки экспортных связей. При этом российско-саудовское взаимодействие не следует рассматривать как всеобъемлющий политический союз. Стратегические позиции сторон по ряду ближневосточных вопросов различаются, а российская региональная политика носит преимущественно гибкий и транзакционный характер [Wasser, 2019, p. 4–6]. ОПЕК+ позволил поддерживать отраслевую координацию без полного совпадения внешнеполитических позиций, опираясь на регулярные консультации, мониторинг и повторяющиеся производственные договоренности. Поэтому российско-саудовские отношения в нефтяной сфере корректнее характеризовать как прагматичное отраслевое партнерство [Шкваря, Айдрус, 2025, с. 505–521].

2. Санкционное давление и решение ОПЕК+ в 2022 г.

В 2022 г. внешняя среда нефтяного рынка резко изменилась. Ограничения против российского энергетического сектора наложились на неопределенность глобального спроса, ускорение инфляции и ужесточение денежно-кредитной политики крупнейших экономик. Первым значительным испытанием для ОПЕК+ в новых условиях стало заседание 5 октября 2022 г. Участники согласовали снижение совокупного требуемого уровня добычи на 2 млн барр./сут. по сравнению с целевыми показателями августа 2022 г. начиная с ноября. Одновременно действие Декларации о сотрудничестве было продлено до конца 2023 г., JMMC сохранил возможность созыва дополнительных заседаний, а период компенсации ранее допущенной избыточной добычи был продлен до марта 2023 г.[5] Сокращение на 2 млн барр./сут. относилось к установленным уровням добычи и не означало автоматического уменьшения фактического предложения на ту же величину, поскольку ряд участников уже добывал ниже своих целевых уровней [Маркелова, 2022, с. 813–816]. Тем не менее решение имело важный сигнальный эффект, показывая готовность альянса корректировать предложение в условиях внешнего давления. Саудовская сторона впоследствии официально подтвердила, что американская администрация предлагала отложить октябрьское решение ОПЕК+ на один

[5] 33rd OPEC and non-OPEC Ministerial Meeting // Organization of the Petroleum Exporting Countries (OPEC). 05.10.2022. URL: https://www.opec.org/pr-detail/73-05-oct-2022.html (accessed: 09.08.2026).

месяц[6]. Позиция Эр-Рияда при этом определялась не поддержкой России как таковой, а собственными национальными интересами: оценкой рыночного баланса, бюджетными потребностями и стремлением сохранить внешнеполитическую автономию [Heibach, Cerioli, 2024, p. 670–683]. Россия, в свою очередь, была заинтересована в предотвращении резкого падения нефтяных цен на фоне перестройки традиционных экспортных маршрутов. С 5 декабря 2022 г. для российской сырой нефти начал применяться ценовой потолок в размере 60 долл. за баррель, введенный ЕС в координации со странами «Группы семи» и другими участниками Price Cap Coalition[7]. Его целью было ограничение нефтяных доходов России без полного изъятия ее сырья с мирового рынка. Однако снижение экспортной стоимости российской нефти нельзя объяснять только действием потолка. По расчетам Л. Килиана, Д. Рэпсона и Б. Шиппера, к марту 2023 г. дисконт Urals относительно января 2022 г. достиг примерно 32 долл./барр.: около 15 долл. приходилось на дополнительные транспортные издержки, а порядка 17 долл. – на усиление переговорной позиции покупателей, прежде всего в Индии [Kilian, Rapson, Schipper, 2024, p. 1–2, 17–21]. Таким образом, санкции существенно изменили географию и издержки российского нефтяного экспорта, но не устранили российские объемы с мирового рынка. Москва и Эр-Рияд сохраняли общий интерес к предотвращению резких ценовых дисбалансов, хотя действовали в различных условиях: Саудовская Аравия не сталкивалась с сопоставимыми санкционными ограничениями, тогда как Россия несла дополнительные логистические и ценовые издержки. Решение октября 2022 г. продемонстрировало сохранение работоспособности ОПЕК+ в новой внешней среде, но не являлось результатом исключительно двустороннего российско-саудовского согласования.

3. Добровольные корректировки и контроль исполнения в 2023–2024 гг.

В 2023 г. внутри ОПЕК+ сформировался дополнительный механизм координации – добровольные сокращения отдельных участников сверх общих уровней добычи. В апреле несколько государств объявили дополнительные корректировки, общий объем которых с учетом российского сокращения составил около 1,66 млн барр./сут. Саудовская Аравия и Рос-

---

[6] A Foreign Ministry Official in the Kingdom of Saudi Arabia Stated that the Government of the Kingdom of Saudi Arabia has Viewed the Statements Issued about the Kingdom Following the OPEC+ Decision Announced on October 5, 2022 // Ministry of Foreign Affairs of the Kingdom of Saudi Arabia. 13.10.2022. URL: https://www.mofa.gov.sa/en/ministry/statements/Pages/A-Foreign-Ministry-Official-in-the-Kingdom-of-Saudi-Arabia-Stated-that-the-Government-of-the-Kingdom-of-Saudi-Arabia-has-Vi.aspx (accessed: 09.08.2026).

[7] Russian oil: EU agrees on level of price cap // Council of the European Union. 03.12.2022.

сия приняли на себя сокращения по 500 тыс. барр./сут.; российский показатель рассчитывался относительно уровня добычи февраля 2023 г. В официальном сообщении эти меры характеризовались как шаг предосторожности для поддержания стабильности нефтяного рынка[8]. 4 июня 2023 г. были утверждены требуемые уровни добычи на 2024 г., а Россия продлила добровольное сокращение на 500 тыс. барр./сут. до конца 2024 г.[9] Саудовская Аравия одновременно объявила дополнительное сокращение еще на 1 млн барр./сут. с июля, снизив плановый уровень добычи примерно до 9 млн барр./сут. Первоначально мера вводилась на один месяц с возможностью продления[10]. Этот эпизод показал различие возможностей сторон: резервные мощности позволяли Эр-Рияду относительно быстро изменять производство, тогда как российские обязательства реализовывались в условиях продолжающейся перестройки экспортной логистики.

В ноябре 2023 г. восемь государств объявили новый пакет добровольных сокращений объемом 2,2 млн барр./сут. на первый квартал 2024 г. Саудовская Аравия продлила сокращение добычи на 1 млн барр./сут., тогда как российское обязательство в 500 тыс. барр./сут. было привязано к экспорту и включало сокращение поставок сырой нефти на 300 тыс. барр./сут. и нефтепродуктов на 200 тыс. барр./сут. относительно средних показателей мая–июня 2023 г.[11] Различие показателей отражало гибкость добровольного формата, хотя экспортные обязательства были менее непосредственно сопоставимы с производственными уровнями других участников. В марте 2024 г. Россия объявила о поэтапном переходе от экспортных ограничений к сокращению добычи. В апреле корректировка составляла 350 тыс. барр./сут. по добыче и 121 тыс. по экспорту, в мае соответственно 400 тыс. и 71 тыс., а в июне все 471 тыс. барр./сут. приходились на добычу[12]. Одновременно Саудовская Аравия сохраняла дополнительное сокращение на 1 млн барр./сут. 2 июня 2024 г. восемь стран продлили доброволь-

---

[8] 48th Meeting of the Joint Ministerial Monitoring Committee // OPEC. 03.04.2023. URL: https://www.opec.org/pr-detail/63-03-apr-2023.html (accessed: 16.08.2026).

[9] 35th OPEC and non-OPEC Ministerial Meeting // OPEC. 04.06.2023. URL: https://www.opec.org/pr-detail/55-04-jun-2023.html (accessed: 16.08.2026).

[10] Ministry of Energy: Saudi Arabia Will Implement an Additional Voluntary Cut in Its Production of Crude Oil, Amounting to One Million Barrels per Day, Starting in July for a Month that Can Be Extended // Saudi Press Agency. 04.06.2023. URL: https://www.spa.gov.sa/en/ee2cec2d63c (accessed: 16.08.2026).

[11] Several OPEC+ Countries Announce Additional Voluntary Cuts to the Total of 2.2 Million Barrels per Day // OPEC. 30.11.2023. URL: https://www.opec.org/pr-detail/39-30-nov-2023.html (accessed: 16.08.2026).

[12] Several OPEC+ Countries Announce Extension of Additional Voluntary Cuts of 2.2 Million Barrels per Day for the Second Quarter of 2024 // OPEC. 03.03.2024. URL: https://www.opec.org/pr-detail/4-03-mar-2024.html (accessed: 16.08.2026).

ные сокращения объемом 1,65 млн барр./сут. до конца 2025 г., а дополнительный пакет в 2,2 млн барр./сут. – до конца сентября 2024 г. После этого предусматривалось постепенное возвращение части объемов на рынок с возможностью приостановить или обратить этот процесс в зависимости от рыночных условий[13]. На практике начало возвращения объемов в 2024 г. неоднократно переносилось[14]. Дополнительным инструментом поддержания дисциплины стали компенсационные планы. 24 июля 2024 г. Секретариат ОПЕК сообщил о получении таких планов от Ирака, Казахстана и России. Российское сверхпроизводство за январь–июнь 2024 г. оценивалось примерно в 480 тыс. барр./сут., а соответствующая компенсация должна была завершиться к сентябрю 2025 г.[15] Механизм не представлял собой юридическую санкцию: его функция состояла в переносе невыполненной части обязательств на последующие периоды. Тем самым устойчивость ОПЕК+ зависела не от полного отсутствия отклонений, а от способности участников корректировать их в рамках согласованных процедур. Количественные исследования также показывают, что влияние ОПЕК+ на рынок остается заметным, но ограниченным. По оценке Д. Квинта и Ф. Вендитти, без сокращений ОПЕК+ средняя цена нефти в 2017–2020 гг. была бы примерно на 6%, или около 4 долл./барр., ниже фактического уровня [Quint, Venditti, 2023, p. 173–186]. Это позволяет рассматривать добровольные корректировки и контроль исполнения как инструменты влияния на рыночный баланс, не приписывая российско-саудовской координации самостоятельного контроля над ценовой динамикой.

4. Перенастройка координации в 2025 г.

В 2025 г. задача ОПЕК+ сместилась от преимущественного сокращения предложения к управлению постепенным возвращением ранее выведенных объемов. Решениями от 5 декабря 2024 г. общие уровни добычи были продлены до конца 2026 г., а начало поэтапного возврата добровольного пакета в 2,2 млн барр./сут перенесено на апрель 2025 г. с сохранением возможности приостановить или обратить этот процесс в зависи-

---

[13] Saudi Arabia, Russia, Iraq, the United Arab Emirates, Kuwait, Kazakhstan, Algeria, and Oman Met in Person in Riyadh on the Sidelines of the 37th OPEC and non-OPEC Ministerial Meeting // OPEC. 02.06.2024. URL: https://www.opec.org/pr-detail/11-02-jun-2024.html (accessed: 16.08.2026).

[14] Saudi Arabia, Russia, Iraq, the United Arab Emirates, Kuwait, Kazakhstan, Algeria, and Oman Extend Voluntary Cuts // OPEC. 05.09.2024. URL: https://www.opec.org/pr-detail/17-05-sep-2024.html; Saudi Arabia, Russia, Iraq, the United Arab Emirates, Kuwait, Kazakhstan, Algeria, and Oman Extend the 2.2 mbd Voluntary Adjustments for One Month until End of December 2024 // OPEC. 03.11.2024. URL: https://www.opec.org/pr-detail/23-03-nov-2024.html (accessed: 16.08.2026).

[15] OPEC Secretariat Receives Compensation Plans from Iraq, Kazakhstan, and Russian Federation // OPEC. 24.07.2024. URL: https://www.opec.org/pr-detail/13-24-jul-2024.html (accessed: 16.08.2026).

мости от рыночных условий[16]. 3 марта 2025 г. восемь государств подтвердили начало постепенного и гибкого возвращения объемов с 1 апреля[17]. Уже 3 апреля группа ускорила первоначальный график, согласовав увеличение требуемого уровня добычи в мае на 411 тыс. барр./сут., что соответствовало трем ранее запланированным месячным шагам. Одновременно участники договорились проводить ежемесячные встречи для оценки рыночных условий, соблюдения обязательств и компенсации перепроизводства[18]. В последующие месяцы темп возврата оставался ускоренным: для июля было согласовано увеличение на 411 тыс. барр./сут., для августа – на 548 тыс., а для сентября – на 547 тыс. барр./сут.[19] После возвращения основной части пакета, объявленного в ноябре 2023 г., группа перешла к более осторожному сокращению ограничений апреля 2023 г. В сентябре было согласовано увеличение на 137 тыс. барр./сут. на октябрь; аналогичные шаги были продолжены осенью. В ноябре участники установили увеличение на 137 тыс. барр./сут. на декабрь и одновременно решили приостановить дальнейший рост добычи в январе–марте 2026 г. по сезонным причинам[20]. Таким образом, ускоренное увеличение добычи в 2025 г. не означало прекращения координации. Изменился ее предмет: вместо согласования новых сокращений участники все чаще определяли скорость и условия выхода из ранее принятых ограничений. Особое значение приобрела группа восьми государств, действовавшая внутри более широкого формата ОПЕК+ и регулярно пересматривавшая параметры добро-

---

[16] 38th OPEC and non-OPEC Ministerial Meeting // OPEC. 05.12.2024. URL: https://www.opec.org/pr-detail/28-05-dec-2024.html; Saudi Arabia, Russia, Iraq, United Arab Emirates, Kuwait, Kazakhstan, Algeria, and Oman held a virtual meeting on the sidelines of the 38th OPEC and non-OPEC Ministerial Meeting // OPEC. 05.12.2024. URL: https://www.opec.org/pr-detail/29-05-dec-2024.html (accessed: 16.08.2026).

[17] Saudi Arabia, Russia, Iraq, the United Arab Emirates, Kuwait, Kazakhstan, Algeria, and Oman reaffirm commitment to market stability on healthier oil market outlook // OPEC. 03.03.2025. URL: https://www.opec.org/pr-detail/518-03-march-2025.html (accessed: 16.08.2026).

[18] Saudi Arabia, Russia, Iraq, UAE, Kuwait, Kazakhstan, Algeria, and Oman reaffirm commitment to market stability on healthier oil market outlook and adjust production upward // OPEC . 03.04.2025. URL: https://www.opec.org/pr-detail/557-03-april-2025.html (accessed: 16.08.2026).

[19] Saudi Arabia, Russia, Iraq, UAE, Kuwait, Kazakhstan, Algeria, and Oman reaffirm commitment to market stability and adjust production // OPEC. 31.05.2025. URL: https://www.opec.org/pr-detail/566-31-may-2025.html; Saudi Arabia, Russia, Iraq, UAE, Kuwait, Kazakhstan, Algeria, and Oman reaffirm commitment to market stability and adjust production // OPEC. 05.07.2025. URL: https://www.opec.org/pr-detail/569-05-july-2025.html; Saudi Arabia, Russia, Iraq, UAE, Kuwait, Kazakhstan, Algeria, and Oman reaffirm commitment to market stability and adjust production // OPEC. 03.08.2025. URL: https://www.opec.org/pr-detail/572–03-august-2025.html (accessed: 16.08.2026).

[20] Saudi Arabia, Russia, Iraq, UAE, Kuwait, Kazakhstan, Algeria, and Oman reaffirm commitment to market stability and adjust production // OPEC. 07.09.2025. URL: https://www.opec.org/pr-detail/573-07-september-2025.html; Saudi Arabia, Russia, Iraq, UAE, Kuwait, Kazakhstan, Algeria, and Oman reaffirm commitment to market stability and adjust production // OPEC. 02.11.2025. URL: https://www.opec.org/pr-detail/1574579-02-november-2025.html (accessed: 16.08.2026).

вольных корректировок. Россия и Саудовская Аравия сохраняли центральное место в этой конфигурации, однако решения оставались многосторонними и зависели от позиций остальных участников.

5. Возможности и пределы российско-саудовской нефтяной дипломатии

Рассмотренные решения позволяют выделить три взаимосвязанных механизма устойчивости координации: регулярный политический и министерский диалог; добровольные корректировки группы восьми производителей, дополнявшие общие уровни добычи; а также мониторинг и компенсационные планы, позволявшие корректировать отклонения от принятых обязательств. При этом взаимодополняемость возможностей России и Саудовской Аравии не следует понимать как существование единого двустороннего механизма управления рынком. Саудовские резервные производственные мощности и российская способность сохранять экспортные объемы за счет переориентации поставок представляли собой самостоятельные национальные ресурсы. Имеющиеся источники подтверждают политическую координацию и параллельные действия в рамках ОПЕК+, но не позволяют утверждать, что эти возможности управлялись как единая оперативная система. Не следует также приписывать российско-саудовскому взаимодействию всю динамику нефтяных цен. Структурная модель Х. Аль-Мутаири, А. Пьеррю и Дж. Смита показывает, что без действий ОПЕК+ ценовая волатильность в феврале 2022 – сентябре 2024 г. могла быть примерно на 50% выше фактической. Однако модель относится к ОПЕК+ в целом и учитывает влияние других факторов, включая использование стратегических нефтяных резервов странами-потребителями [Almutairi, Pierru, Smith, 2025, p. 1–2, 8–10]. Поэтому эти оценки не позволяют изолировать самостоятельный эффект российско-саудовской координации.Наконец, интересы сторон не были идентичными. Саудовская Аравия обладала большей оперативной гибкостью в изменении добычи, тогда как Россия действовала в условиях санкционных и логистических ограничений и в 2024 г. допустила превышение согласованных производственных уровней, потребовавшее последующей компенсации[21]. Сохранение взаимодействия объясняется поэтому не отсутствием разногласий, а наличием процедур, позволявших согласовывать различающиеся интересы и корректировать выполнение обязательств. Таким образом, российско-саудовская координация являлась важным, но не самодостаточным элементом устойчивости ОПЕК+. Ее значение состояло в поддер-

[21] OPEC Secretariat Receives Compensation Plans from Iraq, Kazakhstan, and Russian Federation // OPEC. 24.07.2024. URL: https://www.opec.org/pr-detail/13–24-jul-2024.html (accessed: 16.08.2026).

жании взаимодействия между двумя ключевыми участниками формата, тогда как работоспособность всего механизма зависела также от позиций других производителей и внешних рыночных условий.

Заключение

Санкционное давление после 2022 г. не разрушило российско-саудовскую координацию в рамках ОПЕК+, но изменило условия ее осуществления и способствовало переходу к более гибким инструментам. Наряду с общими уровнями добычи возросла роль добровольных корректировок группы восьми стран, регулярного пересмотра графиков и компенсации избыточной добычи. Устойчивость взаимодействия обеспечивалась сочетанием общих интересов и различающихся возможностей сторон. Саудовская Аравия сохраняла оперативную гибкость благодаря резервным производственным мощностям, тогда как Россия оставалась одним из ключевых участников формата вне ОПЕК и сохраняла значительный производственно-экспортный вес. Эти возможности не образовывали единой оперативной системы и не устраняли различий в национальных стратегиях. Поэтому российско-саудовскую координацию целесообразно рассматривать как институционализированное отраслевое партнерство, а не как всеобъемлющий политический союз. Выдвинутая гипотеза получила частичное подтверждение. Общая заинтересованность сторон в предотвращении резких дисбалансов предложения способствовала сохранению взаимодействия, а институциональная гибкость ОПЕК+ позволяла адаптировать его инструменты к изменению рыночных условий. Вместе с тем эффективность координации ограничивалась неполным соблюдением обязательств отдельными участниками и внешними факторами нефтяного рынка. Таким образом, главным результатом российско-саудовского взаимодействия в 2022–2025 гг. стало не установление контроля над мировой ценовой динамикой, а сохранение способности ОПЕК+ адаптировать предложение к меняющимся условиям.

Литература / References

1. Гаспарян А. Ю., Мелконян Т. А. Международно-политические аспекты деятельности ОПЕК+ в контексте энергетической дипломатии России и Саудовской Аравии до и после начала СВО // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. 2024. Т. 16, № 2. С. 32–56. [Gasparyan A. Yu., Melkonyan T. A. International Political Aspects of OPEC+ Activities in the Context of Energy Diplomacy of Russia and Saudi Arabia before and after the Start of the Special Military Operation // Lomonosov World Politics Journal. 2024. Vol. 16, No. 2. P. 32–56. (In Russ.)]. DOI: 10.48015/2076-7404-2024-16-2-32-56.

2. Маркелова Э. А. Политика ОПЕК в условиях современного энергетического кризиса // Экономические отношения. 2022. Т. 12, № 4. С. 807–822. [Markelova E. A. OPEC Policy in the Current Energy Crisis // Journal of International Economic Affairs. 2022. Vol. 12. No. 4. P. 807–822. (In Russ.)]. DOI: 10.18334/eo.12.4.116844.

3. Шкваря Л. В., Айдрус И. А. З. Россия – Саудовская Аравия: взаимная торговля и «своевременное союзничество» в условиях глобальных трансформаций // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2025. Т. 25, № 3. С. 505–521. [Shkvarya L. V., Aidrous I. A. Z. Russia – Saudi Arabia: Mutual Trade and «Timely Alliance» in the Context of Global Transformations // Vestnik RUDN. International Relations. 2025. Vol. 25, No. 3. P. 505–521. (In Russ.)]. DOI: 10.22363/2313-0660-2025-25-3-505-521.

4. Almutairi H., Pierru A., Smith J. L. Oil Market Stabilization: The Performance of OPEC and Its Allies // The Energy Journal. 2023. Vol. 44, No. 6. P. 1–22. DOI: 10.5547/01956574.44.6.halm.

5. Almutairi H., Pierru A., Smith J. L. Pandemic, Ukraine, OPEC+ and Strategic Stockpiles: Taming the Oil Market in Turbulent Times // Energy Economics. 2025. Vol. 144. Art. 108319. DOI: 10.1016/j.eneco.2025.108319.

6. Bradshaw M., Van de Graaf T., Connolly R. Preparing for the New Oil Order? Saudi Arabia and Russia // Energy Strategy Reviews. 2019. Vol. 26. Art. 100374. DOI: 10.1016/j.esr.2019.100374.

7. Claes D. H., Goldthau A., Livingston D. Saudi Arabia: Harnessing the Oil Market // Connectivity Wars: Why Migration, Finance and Trade Are the Geo-Economic Battlegrounds of the Future / ed. by M. Leonard. London: European Council on Foreign Relations, 2016. Pp. 204–212.

8. Heibach J., Cerioli L. Saudi Arabia's Ambivalent Stance on the Russia-Ukraine conflict: Balancing Regime Stability and Equal Sovereignty // Contemporary Security Policy. 2024. Vol. 45, No. 4. P. 670–683. DOI: 10.1080/13523260.2024.2384006.

9. Kilian L., Rapson D., Schipper B. The Impact of the 2022 Oil Embargo and Price Cap on Russian Oil Prices // Federal Reserve Bank of Dallas Working Paper No. 2401. Dallas: Federal Reserve Bank of Dallas, 2024. DOI: 10.24149/wp2401.

10. Quint D., Venditti F. The Influence of OPEC+ on Oil Prices: A Quantitative Assessment // The Energy Journal. 2023. Vol. 44, No. 5. P. 173–186. DOI: 10.5547/01956574.44.4.dqui.

11. Shagina M. Sanctions and Moscow's Adaptation Strategy // Russian Energy Strategy in the Asia-Pacific: Implications for Australia / ed. by E. Buchanan. Canberra: ANU Press, 2021. P. 183–200. DOI: 10.22459/RESAP.2021.08.

12. Wasser B. The Limits of Russian Strategy in the Middle East. Santa Monica, CA: RAND Corporation, 2019. DOI: 10.7249/PE340.

Электронные ресурсы / Electronic sources

1. Министерство иностранных дел Королевства Саудовская Аравия. Правительство Королевства выражает полное неприятие заявлений, сделанных в его адрес после решения ОПЕК+, и подтверждает, что решения группы принимаются на основе консенсуса государств-членов // Официальный правитель-

ственный сайт Королевства Саудовская Аравия. 13.10.2022. URL: https://www.mofa.gov.sa/ar/ministry/statements/Pages/%D9%82%D8%B1%D8%A7%D8%B1-%D8%A3%D9%88%D8%A8%D9%83-%D8%A8%D9%84%D8%B3.aspx (дата обращения: 08.08.2026).

2. 33rd OPEC and non-OPEC Ministerial Meeting // Organization of the Petroleum Exporting Countries. 05.10.2022. URL: https://www.opec.org/pr-detail/73-05-oct-2022.html (accessed: 09.08.2026).
3. 35th OPEC and non-OPEC Ministerial Meeting // Organization of the Petroleum Exporting Countries. 04.06.2023. URL: https://www.opec.org/pr-detail/55-04-jun-2023.html (accessed: 16.08.2026).
4. 38th OPEC and non-OPEC Ministerial Meeting // Organization of the Petroleum Exporting Countries. 05.12.2024. URL: https://www.opec.org/pr-detail/28-05-dec-2024.html
5. 48th Meeting of the Joint Ministerial Monitoring Committee // Organization of the Petroleum Exporting Countries. 03.04.2023. URL: https://www.opec.org/pr-detail/63-03-apr-2023.html (accessed: 16.08.2026).
6. Council of the European Union. Russian oil: EU agrees on level of price cap // Consilium. 03.12.2022. URL: https://www.consilium.europa.eu/en/press/press-releases/2022/12/03/russian-oil-eu-agrees-on-level-of-price-cap/ (accessed: 07.08.2026).
7. Council Regulation (EU) 2022/879 of 3 June 2022 amending Regulation (EU) No 833/2014 concerning restrictive measures in view of Russia's actions destabilising the situation in Ukraine // EUR-Lex. 03.06.2022. URL: https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2022/879/oj/eng (accessed: 07.08.2026).
8. Council Regulation (EU) 2022/2367 of 3 December 2022 amending Regulation (EU) No 833/2014 concerning restrictive measures in view of Russia's actions destabilising the situation in Ukraine // EUR-Lex. 03.12.2022. URL: https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2022/2367/oj/eng (accessed: 07.08.2026).
9. Ministry of Foreign Affairs of the Kingdom of Saudi Arabia. A Foreign Ministry Official in the Kingdom of Saudi Arabia Stated that the Government of the Kingdom of Saudi Arabia has Viewed the Statements Issued about the Kingdom Following the OPEC+ Decision Announced on October 5, 2022 // Официальный правительственный сайт Королевства Саудовская Аравия. 13.10.2022. URL: https://www.mofa.gov.sa/en/ministry/statements/Pages/A-Foreign-Ministry-Official-in-the-Kingdom-of-Saudi-Arabia-Stated-that-the-Government-of-the-Kingdom-of-Saudi-Arabia-has-Vi.aspx (accessed: 09.08.2026).
10. OPEC and non-OPEC Ministerial Meeting // Organization of the Petroleum Exporting Countries. 10.12.2016. URL: https://www.opec.org/pr-detail/457–10-dec-2016.html (accessed: 09.08.2026).
11. OPEC Secretariat Receives Compensation Plans from Iraq, Kazakhstan, and Russian Federation // Organization of the Petroleum Exporting Countries. 24.07.2024. URL: https://www.opec.org/pr-detail/13–24-jul-2024.html (accessed: 16.08.2026).
12. Saudi Arabia, Russia, Iraq, the United Arab Emirates, Kuwait, Kazakhstan, Algeria, and Oman Met in Person in Riyadh on the Sidelines of the 37th OPEC and non-OPEC Ministerial Meeting // Organization of the Petroleum Exporting Countries. 02.06.2024. URL: https://www.opec.org/pr-detail/1-02-jun-2024.html (accessed: 16.08.2026).

13. Saudi Arabia, Russia, Iraq, the United Arab Emirates, Kuwait, Kazakhstan, Algeria, and Oman Extend Voluntary Cuts // Organization of the Petroleum Exporting Countries. 05.09.2024. URL: https://www.opec.org/pr-detail/17-05-sep-2024.html (accessed: 16.08.2026).

14. Saudi Arabia, Russia, Iraq, the United Arab Emirates, Kuwait, Kazakhstan, Algeria, and Oman Extend the 2.2 mbd Voluntary Adjustments for One Month until End of December 2024 // Organization of the Petroleum Exporting Countries. 03.11.2024. URL: https://www.opec.org/pr-detail/23-03-nov-2024.html (accessed: 16.08.2026).

15. Saudi Arabia, Russia, Iraq, the United Arab Emirates, Kuwait, Kazakhstan, Algeria, and Oman reaffirm commitment to market stability on healthier oil market outlook // Organization of the Petroleum Exporting Countries. 03.03.2025. URL: https://www.opec.org/pr-detail/518-03-march-2025.html (accessed: 16.08.2026).

16. Saudi Arabia, Russia, Iraq, UAE, Kuwait, Kazakhstan, Algeria, and Oman reaffirm commitment to market stability on healthier oil market outlook and adjust production upward // Organization of the Petroleum Exporting Countries. 03.04.2025. URL: https://www.opec.org/pr-detail/557-03-april-2025.html (accessed: 16.08.2026).

17. Saudi Arabia, Russia, Iraq, UAE, Kuwait, Kazakhstan, Algeria, and Oman reaffirm commitment to market stability and adjust production // Organization of the Petroleum Exporting Countries. 31.05.2025. URL: https://www.opec.org/pr-detail/566-31-may-2025.html (accessed: 16.08.2026).

18. Saudi Arabia, Russia, Iraq, UAE, Kuwait, Kazakhstan, Algeria, and Oman reaffirm commitment to market stability and adjust production // Organization of the Petroleum Exporting Countries. 05.07.2025. URL: https://www.opec.org/pr-detail/569-05-july-2025.html (accessed: 16.08.2026).

19. Saudi Arabia, Russia, Iraq, UAE, Kuwait, Kazakhstan, Algeria, and Oman reaffirm commitment to market stability and adjust production // Organization of the Petroleum Exporting Countries. 03.08.2025. URL: https://www.opec.org/pr-detail/572-03-august-2025.html (accessed: 16.08.2026).

20. Saudi Arabia, Russia, Iraq, UAE, Kuwait, Kazakhstan, Algeria, and Oman reaffirm commitment to market stability and adjust production // Organization of the Petroleum Exporting Countries. 07.09.2025. URL: https://www.opec.org/pr-detail/573-07-september-2025.html (accessed: 16.08.2026).

21. Saudi Arabia, Russia, Iraq, UAE, Kuwait, Kazakhstan, Algeria, and Oman reaffirm commitment to market stability and adjust production // Organization of the Petroleum Exporting Countries. 02.11.2025. URL: https://www.opec.org/pr-detail/1574579-02-november-2025.html (accessed: 16.08.2026).

22. Saudi Arabia, Russia, Iraq, United Arab Emirates, Kuwait, Kazakhstan, Algeria, and Oman held a virtual meeting on the sidelines of the 38th OPEC and non-OPEC Ministerial Meeting // Organization of the Petroleum Exporting Countries. 05.12.2024. URL: https://www.opec.org/pr-detail/29-05-dec-2024.html (accessed: 16.08.2026).

23. Saudi Press Agency. Ministry of Energy: Saudi Arabia Will Implement an Additional Voluntary Cut in Its Production of Crude Oil, Amounting to One Million Barrels per Day, Starting in July for a Month that Can Be Extended. 04.06.2023. URL: https://www.spa.gov.sa/en/ee2cec2d63c (accessed: 16.08.2026).

24. Several OPEC+ Countries Announce Additional Voluntary Cuts to the Total of 2.2 Million Barrels per Day // Organization of the Petroleum Exporting Countries. 30.11.2023. URL: https://www.opec.org/pr-detail/39-30-nov-2023.html (accessed: 16.08.2026).

25. Several OPEC+ Countries Announce Extension of Additional Voluntary Cuts of 2.2 Million Barrels per Day for the Second Quarter of 2024. 03.03.2024. URL: https://www.opec.org/pr-detail/4-03-mar-2024.html (accessed: 16.08.2026).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Аль-бауда Мохаммед Касим Таджиль – Магистрант образовательной программы «Международные отношения: европейские и азиатские исследования», Факультет мировой экономики и мировой политики, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ), Москва, Россия

Mohammed Qasim Thajeel Albewdh – Master's student, Master's Programme «International Relations: European and Asian Studies», Faculty of World Economy and International Affairs, HSE University, Moscow, Russian Federation

Раскрытие информации о конфликте интересов
Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Информация о статье
Поступила в редакцию: 17.08.2026.
Одобрена после рецензирования и принята к публикации: 21.08.2026.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Conflicts of Interest Disclosure
The author declares that there is no conflict of interest.

Article info
Submitted: 17.08.2026.
Approved after peer reviewing and accepted for publication: 21.08.2026.

The author has read and approved the final manuscript.

Научная статья. Экономические науки
УДК: 330.342 (597)
https://doi.org/10.31696/2227-5568-2026-03-024-043

ТРИ СТРАТЕГИЧЕСКИХ ПРОРЫВА СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕСПУБЛИКИ ВЬЕТНАМ

Вадим Олегович Двойченков

Институт востоковедения РАН, Москва, Россия
dvovad@bk.ru, https://orcid.org/0000-0003-3995-9000

Аннотация. В работе рассматриваются основные направления трансформации социально-экономической модели развития Социалистической Республики Вьетнам в условиях новой эпохи национального подъема. Особое внимание уделяется реализации трех стратегических прорывов, определенных Коммунистической партией Вьетнама в качестве ключевых инструментов долгосрочного развития: совершенствованию институтов, повышению качества человеческих ресурсов и модернизации инфраструктуры. На основе анализа стратегических документов и статистических данных рассматриваются достигнутые результаты, существующие возможности и задачи, возникающие перед Вьетнамом на данном этапе. Показано, что в последние годы в стране последовательно формируются предпосылки для совершенствования государственного управления, развития человеческого капитала и обновления инфраструктуры, укрепления научно-технологического и инновационного потенциала. Вместе с тем реализация поставленных целей сопряжена с рядом структурных особенностей, включая необходимость повышения эффективности институтов, более тесного соответствия подготовки кадров потребностям современной экономики, сокращения инфраструктурных дисбалансов и дальнейшего развития национальной инновационной экосистемы. Делается вывод о том, что современный Вьетнам находится в процессе постепенного формирования новых факторов экономического роста, сочетающих накопленный потенциал прежней модели развития с перспективными направлениями технологической и структурной модернизации.

Ключевые слова: Социалистическая Республика Вьетнам, стратегические прорывы, XIV съезд КПВ, институты, человеческие ресурсы, инфраструктура, экономическое развитие, цифровая трансформация, инновации, ловушка среднего дохода

Для цитирования: Двойченков В. О. Три стратегических прорыва Социалистической Республики Вьетнам. *Восточная аналитика*. 2026;17(3):24-43. https://doi.org/10.31696/2227-5568-2026-03-024-043

THREE STRATEGIC BREAKTHROUGHS OF THE SOCIALIST REPUBLIC OF VIETNAM

Vadim O. Dvoichenkov

Institute of Oriental Studies Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
dvovad@bk.ru, https://orcid.org/0000-0003-3995-9000

Abstract. The article examines the main directions of transformation of the socio-economic development model of the Socialist Republic of Vietnam amid a new era of national advancement. Particular attention is paid to the implementation of the three strategic breakthroughs identified by the Communist Party of Vietnam as key instruments of long-term development: institutional reform, enhancement of human capital, and infrastructure modernization. Draw-

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-ShareAlike 4.0 International (CC BY-SA 4.0).

© Dvoichenkov V. O., 2026
© Eastern Analytics, 2026

ing on an analysis of strategic policy documents and statistical data, the article examines the progress achieved, the opportunities available, and the challenges facing Vietnam at the current stage of its development. The analysis demonstrates that in recent years Vietnam has been steadily establishing the foundations for improving public administration, developing human capital, upgrading infrastructure, and strengthening its scientific, technological and innovation capacity. At the same time, achieving the stated objectives is associated with a number of structural challenges, including the need to enhance institutional effectiveness, ensure closer alignment between workforce skills and the requirements of the modern economy, reduce infrastructure disparities, and further develop the national innovation ecosystem. The paper concludes that contemporary Vietnam is undergoing a gradual formation of new drivers of economic growth that combine the accumulated potential of its previous development model with emerging opportunities for technological and structural modernization.

Keywords: Socialist Republic of Vietnam, strategic breakthroughs, 14th National Congress of the Communist Party of Vietnam, institutions, human resources, infrastructure, economic development, digital transformation, innovation, middle-income trap

For citation: Dvoichenkov V. O. Three Strategic Breakthroughs of the Socialist Republic of Vietnam. *Eastern Analytics*. 2026;17(3):24-43. (In Russ.) https://doi.org/10.31696/2227-5568-2026-03-024-043

Пока ведущие экономические сверхдержавы пытаются преодолеть «ловушку Фукидида» и сформировать новую модель отношений в условиях меняющегося мирового порядка, Социалистическая Республика Вьетнам (СРВ) прилагает усилия для предотвращения попадания в «ловушку среднего уровня доходов»[1]. Экстенсивная модель развития, обеспечивавшая экономический рост экономики Вьетнама с начала 1990-х годов, постепенно исчерпывает свой потенциал [Мазырин, 2023]. На XII съезде КПВ в качестве приоритетных направлений экономического развития СРВ определены индустриализация и модернизация, а также углубление международной интеграции при одновременном сохранении экономической самостоятельности [XII съезд…, 2016, с. 259–276].

Ключевым этапом в эволюции стратегии развития Вьетнама стало принятие Политбюро Центрального комитета КПВ Постановления № 57 от 22 декабря 2024 г. «О прорывном развитии науки, технологий, инноваций и национальной цифровой трансформации»[2], заложившего концеп-

[1] Толорая Г.Д., Пыльцина Е. С. Россия и Вьетнам в «новую эпоху»: итоги XIV съезда КПВ и возможность геополитического маневра на Востоке // РСМД. URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/rossiya-i-vetnam-v-novuyu-epokhu-itogi-khiv-sezda-kpv-i-vozmozhnost-geopoliticheskogo-manevra-na-vos (дата обращения: 15.02.2026).

[2] Постановление Политбюро ЦК КПВ № 57-NQ/TW от 22 декабря 2024 г. «О прорывном развитии науки, технологий, инноваций и национальной цифровой трансформации» // Система материалов и документов партии [Nghị quyết số 57-NQ/TW, ngày 22/12/2024 của Bộ Chính trị về đột phá phát triển khoa học, công nghệ, đổi mới sáng tạo và chuyển đổi số quốc gia // Hệ Thống Tư Liệu – Văn Kiện Đảng]. URL: https://tulieuvankien.dangcongsan.vn/he-thong-van-ban/van-ban-cua-dang/nghi-quyet-so-57-nqtw-ngay-22122024-cua-bo-chinh-tri-ve-dot-pha-phat-trien-khoa-hoc-cong-nghe-doi-moi-sang-tao-va-chuyen-11162 (accessed: 23.02.2025).

Контент доступен под лицензией Creative Commons «Attribution-ShareAlike» («Атрибуция-СохранениеУсловий») 4.0 Всемирная.

© Двойченков В. О., 2026
© Восточная аналитика, 2026

туальную основу Резолюции XIV съезда КПВ[3], принятой в 2026 г. В преамбуле документа подчеркивается, что развитие науки, технологий, инноваций (НТИ) и цифровая трансформация являются определяющими факторами национального развития, создающими важнейшие предпосылки и открывающими историческую возможность для превращения Вьетнама в богатую, сильную и процветающую страну в новую эпоху – эпоху национального подъема [Социально-экономическое развитие…, 2026, с. 181–245].

Сравнительный анализ стратегических прорывов, определенных на XIII (2021 г.) и XIV (2026 г.) съездах КПВ, выявляет существенную эволюцию стратегического мышления партии в условиях новой эпохи национального подъема. Хотя трехкомпонентная архитектура прорывов (институты, человеческие ресурсы, инфраструктура) сохраняет преемственность, ее содержательное наполнение на XIV съезде КПВ претерпело качественную трансформацию. Если XIII съезд КПВ акцентировал внимание на совершенствовании институтов развития, формировании высококачественных человеческих ресурсов и создании современной инфраструктуры как ключевых условий модернизации страны[4], то XIV съезд КПВ сместил акцент на повышение эффективности реализации государственной политики, интеграцию развития человеческого капитала с НТИ и цифровой трансформацией, а также использование инфраструктуры как основы новой модели экономического роста[5]. Тем самым стратегические прорывы эволюционировали от формирования базовых условий развития к обеспечению их практической результативности и ускорению структурной трансформации экономики.

Для оценки перспектив реализации намеченного курса развития СРВ необходимо проанализировать текущее состояние и существующий потенциал Вьетнама в каждой из сфер, обозначенных в качестве направлений прорыва.

Прорыв в области институтов

В 2025 г. во Вьетнаме была проведена беспрецедентная по масштабам административная реформа, охватившая всю систему государственного управления. В результате реорганизации было сокращено 34,9% централь-

---

[3] Полный текст Резолюции XIV съезда Коммунистической партии Вьетнама // Электронная газета правительства [Toàn văn Nghị quyết Đại hội đại biểu toàn quốc lần thứ XIV của Đảng // Báo Điện tử Chính phủ]. URL: https://xaydungchinhsach.chinhphu.vn/toan-van-nghi-quyet-dai-hoi-dai-bieu-toan-quoc-lan-thu-xiv-cua-dang-119260206221643667.htm (accessed: 15.07.2025).

[4] Полный текст Резолюции XIII съезда Коммунистической партии Вьетнама // Электронная газета правительства [Toàn văn Nghị quyết Đại hội đại biểu toàn quốc lần thứ XIII của Đảng // Báo Điện tử Chính phủ]. URL: https://baochinhphu.vn/toan-van-nghi-quyet-dai-hoi-dai-bieu-toan-quoc-lan-thu-xiii-cua-dang-102288263.htm (accessed: 15.07.2025).

[5] Полный текст Резолюции XIV съезда Коммунистической партии Вьетнама // Электронная газета правительства.

ных органов, 46% административных единиц провинциального уровня и 66,9% административных единиц коммунного уровня. Впервые с 1945 г. упразднен районный уровень административно-территориального управления, в результате чего в стране введена двухуровневая система местного управления, что стало одним из наиболее значимых институциональных преобразований в современной истории страны [Научно-технологическое развитие стран…, 2026, с. 90–91].

Система управления сферой НТИ и цифровой трансформации во Вьетнаме в 2024–2026 гг. также претерпела масштабную институциональную трансформацию, сопровождающуюся реорганизацией действующих органов, созданием новых межведомственных структур и перераспределением управленческих полномочий. Административная реформа выступила одним из ключевых факторов, обусловивших необходимость пересмотра и актуализации сферы правового регулирования Вьетнама. В одних случаях реформа стала причиной корректировки нормативно-правовой базы (например, внесение поправок в Конституцию СРВ), в других – ее следствием (как, например, в случае с Национальным генеральным планом СРВ на период 2021–2030 гг. с видением до 2050 г., в который пришлось вносить уточняющее и корректирующее показатели и цели) [Научно-технологическое развитие стран…, 2026, с. 92].

При этом анализ нормативно-правовой базы Вьетнама выявил недостаточную отработку процесса стратегического целеполагания и неэффективность реализации поставленных задач. Так, например, согласно Национальной программе цифровой трансформации Вьетнама до 2025 г. с видением до 2030 г., принятой в июне 2020 г., Вьетнам должен был войти в топ-35 стран по глобальному инновационному индексу (ГИИ) к 2025 г. и в топ-30 – к 2030 г. При этом согласно Стратегии развития науки, технологий и инноваций до 2030 г., принятой два года спустя – в мае 2022 г., Вьетнам должен входить к 2030 г. только в топ-40 стран по индексу ГИИ [Научно-технологическое развитие стран…, 2026, с. 91–92]. Согласно официальному отчету Глобального инновационного индекса в 2025 г. Вьетнам по-прежнему занимал 44-е место (без изменений по сравнению с 2024 г.; –2 позиции по сравнению с 42-м местом в 2020 г.) из 139 стран и экономик[6].

Представляет интерес и целевой показатель уровня урбанизации СРВ, который, согласно Резолюции XIV съезда КПВ, к 2030 г. должен превысить 50%. По всей видимости, данный ориентир был сформирован на основе прогноза численности населения Вьетнама на период 2019–2079 гг. [Viet

[6] Viet Nam ranking in the Global Innovation Index 2025 // WIPO. URL: https://www.wipo.int/gii-ranking/en/viet-nam (accessed: 02.12.2025).

Nam Population Projection…, 2020, p. 33], опубликованного Главным статистическим управлением (ГСУ) Вьетнама в декабре 2020 г. Вместе с тем новый прогноз численности населения на период 2024–2074 гг., подготовленный ГСУ в декабре 2025 г. и основанный на трех вероятных сценариях рождаемости при сохранении текущих демографических тенденций, свидетельствует о более медленных темпах урбанизации. Согласно актуальному прогнозу ГСУ, численность городского и сельского населения СРВ сравняется лишь к 2045 г., когда доля городского населения достигнет приблизительно 50% [Viet Nam Population Projection…, 2025, p. 46]. По итогам 2025 г. уровень урбанизации во Вьетнаме составил 38,6%.

Существенным институциональным вызовом для реализации долгосрочных научно-технологических стратегий Вьетнама является их уязвимость перед кадровыми и административными преобразованиями. Проведенная в 2025 г. реорганизация и консолидация правительственного аппарата привела к правовому вакууму – многие из указанных во вьетнамских документах первоначально назначенных организаций-исполнителей были упразднены или реорганизованы и перестали существовать, что размывает ответственность и ставит под вопрос механизм последовательной реализации вьетнамских стратегий. Это создает дополнительные институциональные препятствия для достижения целей, заложенных в действующих документах.

Ситуацию усугубляет необходимость перманентного внесения правовых изменений даже в отношении «недавно» принятых документов. На Первом форуме по законотворчеству, организованном Постоянным комитетом Национального собрания в ноябре 2025 г., заместитель председателя Национального собрания по вопросам науки, технологий и окружающей среды Нгуен Фыонг Туан признал наличие недостатков и ограничений в совершенствовании законодательства Вьетнама. В частности, он отметил, что «в прошлом интенсивность и частота внесения изменений, дополнений и обнародования законодательных документов в области НТИ были слишком частыми и обширными»[7], и, вероятно, это проблема сохранится ввиду вышеописанного.

Выявленные расхождения между прогнозными значениями, целевыми ориентирами и фактическими результатами свидетельствуют о наличии потенциала для дальнейшего совершенствования механизмов стратегического планирования, повышения эффективности реализации

[7] Сосредоточить ресурсы на совершенствовании институтов для решения ряда новых и прорывных проблем // Газета «Народный представитель» [Tập trung nguồn lực hoàn thiện thể chế đối với một số vấn đề mới, đột phá // Báo Đại biểu Nhân dân]. URL: https://daibieunhandan.vn/tap-trung-nguon-luc-hoan-thien-the-che-doi-voi-mot-so-van-de-moi-dot-pha-10396742.html (accessed: 03.12.2025).

государственной политики, а также о существовании временного разрыва между темпами институциональных преобразований и их нормативно-правовым обеспечением.

Прорыв в области человеческих ресурсов

Общая численность научно-исследовательского персонала во Вьетнаме за период 2011–2021 гг. увеличилась на 39% – до 187,3 тыс. человек (далее – чел.). Доля исследователей от общей численности персонала за тот же период поднялась на 5,5 п. п. – до 83,6%, или 156,6 тыс. чел. в 2021 г.; на вспомогательный персонал пришлось еще 9,8%, на технических специалистов – 6,6%. В 2021 г. количество исследовательских кадров Вьетнама в эквиваленте полной занятости составило 75,7 тыс. чел. (+3,7% по сравнению с 2019 г.). В среднем на 10 тыс. населения в стране насчитывалось 7,68 исследователей. В регионе Юго-Восточной Азии Вьетнам в 2021 г. занимал 3-е место (после Таиланда и Малайзии) по количеству исследовательских кадров по данному показателю[8]. В 2023 г. количество исследователей в СРВ увеличилось еще на 10,5% и составило 173 тыс. чел., из них 45,5% приходилось на женщин [Statistical yearbook…, 2025, p. 889].

В 2015–2023 гг. численность исследователей во Вьетнаме увеличилась практически во всех областях науки, за исключением сельскохозяйственных наук (сокращение на 21% до 11,6 тыс. чел.). При этом доля исследователей в общей численности научных кадров за рассматриваемый период возросла только в области медицинских наук – на 8,7 п. п., достигнув 18,8% в 2023 г. Наибольшая численность исследователей в 2023 г. была сосредоточена в инженерных науках и технологиях (60 тыс. чел.; +31% по сравнению с 2015 г.), социальных науках (45,4 тыс. чел.; +28%) и медицинских науках (32,5 тыс. чел.; увеличение в 2,5 раза). Наименьшая численность исследователей приходилась на гуманитарные науки – 8,8 тыс. человек.

По данным Министерства образования и подготовки кадров (МОПК), в 2025 г. значительно выросли как проходные баллы, так и число заявлений на педагогические специальности. На программы уровня колледжа было принято 6,5 тыс. чел., доля приступивших к обучению составила 95,9%; на программы высшего образования – 35,9 тыс. чел. при доле зачисленных 95,3%. По оценке министерства, это свидетельствовало о том, что государственная политика по поддержке подготовки педагогических

[8] Чан Тхи Бык Зун, Чан Ба То. Научные кадры для технологий и инноваций в целях устойчивого развития // Журнал «Торговля и промышленность» [Trần Thị Bích Dung, Trần Bá Thọ. Nguồn nhân lực cho khoa học – công nghệ và đổi mới sáng tạo vì mục tiêu phát triển bền vững // Tạp Chí Công Thương]. URL: https://tapchicongthuong.vn/nguon-nhan-luc-cho-khoa-hoc-cong-nghe-va-doi-moi-sang-tao-vi-muc-tieu-phat-trien-ben-vung-127810.htm (accessed: 16.05.2025).

кадров начинает приносить ощутимые результаты[9]. По состоянию на конец 2025/2026 учебного года в системе дошкольного и общего образования Вьетнама насчитывалось 1,28 млн педагогических работников и 98,5 тыс. руководителей образовательных учреждений. Вместе с тем в настоящее время в СРВ сохраняется дефицит 110,9 тыс. штатных педагогов дошкольного и общего образования[10].

Центр содействия занятости Ханоя 9 июля 2026 г. сообщил, что совокупная потребность предприятий в персонале в восьми северных провинциях в III квартале превышает 109 тыс. человек. Более 55% всех вакансий приходится на неквалифицированную рабочую силу, 23% – на квалифицированных технических рабочих, а остальные 22% требуют высшего или среднего специального образования. Наиболее востребованы: производственные рабочие (57,1 тыс. чел.), сборщики комплектующих (12,8 тыс. чел.), технические специалисты (5 тыс. чел.), работники текстильной, швейной и кожевенно-обувной промышленности (4,5 тыс. чел.), специалисты по продажам (4 тыс. чел.), инженеры (3,3 тыс. чел.), административный персонал (2,5 тыс. чел.). Провинция Бакнинь, являющаяся одним из крупнейших центров привлечения прямых иностранных инвестиций (ПИИ) во Вьетнаме, обеспечивает около 80% общей потребности региона в рабочей силе – более 86,5 тыс. вакансий[11].

Работникам, которым требуется всего 3–12 месяцев обучения по программе начальной профессиональной подготовки, удается найти работу с лучшей зарплатой, чем тем, кто потратил 1,5–2 года на получение среднего профессионального образования или 2–3 года на получение высшего профессионального образования. Именно эта особенность лишает работников мотивации к дальнейшему обучению для повышения своей квалификации и навыков. Рынок труда Вьетнама по-прежнему нуждается в большом количестве низкоквалифицированных рабочих для выполнения простых сборочных операций, требующих больше физических усилий, чем навыков. Системе профессионального образования Вьетнама очень сложно побудить работников совершенствовать свои навыки, изучать передовые технологии, чтобы соответствовать требованиям совре-

[9] Двенадцать направлений подготовки в вузах, пользующихся наибольшей популярностью среди абитуриентов // Газета « Молодость» [12 nhóm ngành đào tạo đại học thu hút nhiều thí sinh theo học nhất // Tuổi Trẻ]. URL: https://tuoitre.vn/plo/12-nhom-nganh-dao-tao-dai-hoc-thu-hut- nhieu-thi-sinh-theo-hoc-nhat-post905004.html (accessed: 20.07.2026).

[10] По всей стране не хватает 110 930 учителей всех уровней образования // Газета «Молодость» [Cả nước còn thiếu 110.930 giáo viên các cấp // Tuổi Trẻ]. URL: https://tuoitre.vn/tin-tuc-sang-29–6-ca-nuoc-con-thieu-110930-giao-vien-cac-cap-se-mo-rong-xay-dung-nhieu-nha-cho-thue-100260628231314283.htm (accessed: 07.07.2026).

[11] Предприятия на севере Вьетнама нанимают более 55% рабочих // Газета «VnExpress» [Doanh nghiệp miền Bắc tuyển dụng hơn 55% công nhân // Báo VnExpress]. URL: https://vnexpress.net/doanh-nghiep-mien-bac-tuyen-dung-hon-55-cong-nhan-5095832.html (accessed: 13.07.2026).

менного производства развитой страны [Научно-технологическое развитие стран…, 2026, с. 145].

На рабочей встрече с представителями Министерства внутренних дел генеральный секретарь ЦК КПВ и президент СРВ То Лам 8 июля 2026 г. отметил, что главное препятствие развитию рынка труда во Вьетнаме заключается не в количественной нехватке рабочей силы, а в недостатке работников, отвечающих требованиям нового этапа социально-экономического развития. Согласно отчету о состоянии рынка труда за первое полугодие 2026 г., численность рабочей силы Вьетнама (15 лет и старше) достигла 53,7 млн человек. Однако более 70% рабочей силы не обладает официально подтвержденной профессионально-технической квалификацией, а уровень компетенций тех 29,7% работников, кто прошел профессиональную подготовку и имеют официальные дипломы или сертификаты, зачастую не соответствует требованиям современной технологической эпохи. Экономика Вьетнама испытывает острую нехватку техников, квалифицированных рабочих, практических специалистов, кадров в области высоких технологий и управленцев среднего звена[12] (табл. 1).

Рынок труда Вьетнама сталкивается с двумя серьезными парадоксами. Первый – чрезвычайно высокая доля работников, занятых в неформальном секторе экономики. Несмотря на положительную динамику сокращения доли неформальной занятости с 72,06% в 2018 г. до 64,47% в 2024 г., и до 61,9% в первом полугодии 2026 г., почти две трети всех работников Вьетнама трудятся без официальных трудовых договоров, получают нестабильный доход, не охвачены системой обязательного социального страхования и лишены базовых социальных гарантий. Второй – сохраняющийся высокий уровень безработицы среди молодежи. Статистика за II квартал 2026 г. показывает, что общий уровень безработицы в стране оставался очень низким – 2,23%. Однако среди молодежи в возрасте 15–24 лет уровень безработицы достиг 8,67%, а в городских районах – 9,75%. Особенно тревожным является тот факт, что около 1,4 млн молодых людей во Вьетнаме не имеют работы и одновременно не учатся и не проходят профессиональную подготовку. Это составляет примерно 10% всей молодежи СРВ[13] (табл. 1).

Выявленные тенденции свидетельствуют о том, что количественное наращивание научно-технологического и образовательного потенциала Вьетнама пока не сопровождается сопоставимым повышением каче-

[12] Ключевые направления повышения качества человеческих ресурсов Вьетнама // Газета «Образование и современность» [Chìa khóa nâng tầm chất lượng nguồn nhân lực Việt Nam // Báo Giáo dục và Thời đại]. URL: https://giaoducthoidai.vn/chia-khoa-nang-tam-chat-luong-nguon-nhan-luc-viet-nam-post784598.html (accessed: 20.07.2026).

[13] Там же.

ства человеческих ресурсов и их соответствием потребностям инновационного развития. Представленные данные указывают на сохранение структурных дисбалансов в системе формирования кадров, выражающихся в несоответствии между темпами роста научно-исследовательского потенциала, качеством подготовки специалистов и кадровыми потребностями экономики, ориентированной на развитие науки, технологий, инноваций и цифровую трансформацию.

Таблица 1. Ключевые индикаторы рынка труда в Социалистической Республике Вьетнам, характеризующие состояние занятости и качества рабочей силы в 2026 г.

Показатель	Данные	Пояснение
Численность рабочей силы (население в возрасте от 15 лет и старше)	53,7 млн человек	Страна располагает значительными трудовыми ресурсами с точки зрения численности
Доля работников, имеющих профессиональное образование и дипломы (сертификаты)	29,7%	Основная проблема заключается в качестве рабочей силы: более 70% работников не имеют официально подтвержденного профессионального образования или квалификационных сертификатов
Доля занятых в неформальном секторе экономики	61,9%	Показатель остается высоким (в сельской местности достигает 71,1%)
Общий уровень безработицы среди населения трудоспособного возраста	2,23%	В целом уровень безработицы остается низким и стабильным
Уровень безработицы среди молодежи (15–24 года)	8,67%	Свидетельствует о несоответствии между системой подготовки кадров и потребностями рынка труда (в городских районах показатель достигает 9,75%)
Молодые люди, не имеющие работы и не участвующие в обучении или профессиональной подготовке	Около 1,4 млн человек	Составляют 10% общей численности молодежи в возрасте 15–24 лет

Источник: составлено автором на основе данных Ключевые направления повышения качества человеческих ресурсов Вьетнама // Газета «Образование и современность» [Chìa khóa nâng tầm chất lượng nguồn nhân lực Việt Nam // Báo Giáo dục và Thời đại]. URL: https://giaoducthoidai.vn/chia-khoa-nang-tam-chat-luong-nguon-nhan-luc-viet-nam-post784598.html (accessed: 20.07.2026)

Прорыв в области инфраструктуры

В 2013 г. Всемирный банк отмечал, что, особое значение приобретают меры, направленные на укрепление конкурентоспособности вьетнамской экономики, прежде всего посредством повышения эффективности транспортной и логистической инфраструктуры, рассматриваемой в качестве одного из важнейших факторов долгосрочного устойчивого развития Вьетнама [Luis et al., 2013].

По состоянию на 2022 г. вьетнамская железнодорожная сеть имела общую протяженность чуть более 3,3 тыс. км, включая 2,6 тыс. км магистральных путей и 515,5 км станционных и подъездных путей. Инфраструктура железных дорог Вьетнама в значительной степени устарела: многие линии были построены 50–100 и более лет назад и не соответствуют современным техническим стандартам. Узкая колея 1 тыс. мм составляет более 80% общей протяженности сети, хотя в большинстве стран мира она уже практически не используется. Стандартная колея 1435 мм занимает около 6%, остальная часть приходится на совмещенную колею (1000/1435 мм)[14].

Железнодорожная сеть СРВ проходит по территории 34 провинций и городов центрального подчинения. Максимальная скорость движения поездов на действующих линиях составляет 100 км/ч, минимальная – 20 км/ч. Средняя скорость грузовых поездов составляет 50–60 км/ч, пассажирских – 80–90 км/ч. Железные дороги Вьетнама по-прежнему используют технологическую платформу второго поколения – дизельную тягу (первым поколением были паровозы). Кроме того, железнодорожная сеть страны пока не имеет полноценной интеграции с другими видами транспорта, включая крупные аэропорты, морские порты, а также отсутствует железнодорожное сообщение между регионами дельты Меконга и Центрального нагорья[15].

В последние десятилетия железнодорожный транспорт не вносил значительного вклада в экономическое развитие страны. В то же время общий транспортный сектор и автомобильный транспорт демонстрировали рост более 9% в год как по перевозкам, так и по пассажирообороту, а авиационный транспорт – более 17% по перевозкам и почти 19% по пассажирообороту; перевозки автомобильным транспортом выросли почти в 50 раз по объему перевозок и в 55 раз по грузообороту, внутренним водным транспортом – примерно в 18 раз как по объему перевозок, так и по грузообороту, морским транспортом – в 26 раз и 11 раз, соответственно. Как и в случае с пассажирскими перевозками, которые с 2020 г. составляют лишь 0,1% по объему перевозок и 0,7–1% по пассажирообороту, грузовые перевозки железнодорожным транспортом занимают крайне малую долю в общем объеме грузовых перевозок всех видов транспорта: в 1990 г. доля железнодорожного транспорта в грузовых пере-

---

[14] Железнодорожный транспорт Вьетнама: основные статистические показатели // Главное статистическое управление – Министерство финансов [Đường sắt Việt Nam qua một số chỉ tiêu thống kê // Cục Thống kê – Bộ Tài chính]. URL: https://www.nso.gov.vn/du-lieu-va-so-lieu-thong- ke/2023/06/duong-sat-viet-nam-qua-mot-so-chi-tieu-thong-ke (accessed: 21.07.2026).

[15] Железнодорожный транспорт Вьетнама: основные статистические показатели // Главное статистическое управление – Министерство финансов. URL: https://www.nso.gov.vn/du-lieu-va-so-lieu-thong-ke/2023/06/duong-sat-viet-nam-qua-mot-so-chi-tieu-thong-ke (accessed: 21.07.2026).

возках составляла 4,3%, к 2010 г. снизилась до 1%, а с 2019 г. по настоящее время составляет лишь около 0,3%[16].

Когда-то являвшийся основой транспортной системы страны, железнодорожный транспорт сегодня фактически утратил свое значение. В то же время автомобильный, морской и авиационный транспорт получают значительно более крупные инвестиции из государственного бюджета, средств официальной помощи развитию и частного капитала. Такой дисбаланс ставит железнодорожную отрасль Вьетнама в сложное положение и приводит к неэффективному использованию национальных ресурсов[17].

Заместитель министра строительства Вьетнама Нгуен Зань Хюи летом 2026 г. подписал Решение № 1093/QĐ-BXD, которым утвердил скорректированный Генеральный план развития железнодорожной сети Вьетнама на период 2021–2030 гг. с видением до 2050 г. Согласно новому Плану, существующая железнодорожная сеть СРВ включает 7 линий общей протяженностью около 2,5 тыс. км, из них 6 линий будут модернизированы и развиваться в два этапа до и после 2030 г. В отношении новых железнодорожных линий Генеральный план предусматривает строительство 16 линий стандартной колеи 1435 мм, из них 10 линий будут реализованы в период до и после 2030 г., еще 6 линий планируется реализовать после 2030 г. План также предусматривает строительство двух линий высокоскоростных железных дорог: магистрали Север – Юг (1,5 тыс. км) км и Ханой – Куангнинь, строительство которой отнесено к числу приоритетных проектов до 2030 г.[18]

По состоянию на конец 2025 г. плотность скоростных дорог в СРВ достигла около 2,23 км на 100 км². Однако наблюдается значительный разрыв между регионами: в дельте Меконга плотность составляет 4,43 км / 100 км², и лишь 0,58 км / 100 км² в 14 приграничных провинциях Севера[19]. В настоящее время общая протяженность уже введенных в эксплуатацию скоростных дорог во Вьетнаме превысила 3,3 тыс. км, ведется строительство почти 1,3 тыс. км и около 1,7 тыс. км находятся в стадии подготовки

---

[16] Железнодорожный транспорт Вьетнама: основные статистические показатели // Главное статистическое управление – Министерство финансов.

[17] Там же.

[18] Корректировка Генерального плана развития железнодорожной сети СРВ: добавлены 16 новых линий и 2 высокоскоростные линии // Газета Вьетнамского телевидения [Điều chỉnh quy hoạch đường sắt: Thêm 16 tuyến mới, 2 tuyến tốc độ cao // Thời báo VTV]. URL: https://vtv.vn/dieu-chinh-quy-hoach-duong-sat-them-16-tuyen-moi-2-tuyen-toc-do-cao-100260722151029487.htm (accessed: 22.07.2026).

[19] Транспортная инфраструктура определена как драйвер роста // Министерство строительства СРВ [Hạ tầng giao thông được xác định là động lực tăng trưởng // Bộ Xây dựng]. URL: https://moc.gov.vn/vn/tin- tuc/1173/93532/ha-tang-giao-thong-duoc-xac-dinh-la-dong-luc-tang- truong.aspx (accessed: 22.07.2026).

к инвестированию[20]. В первом полугодии 2026 г. была полностью завершена восточная автомагистраль маршрута Север–Юг, введены в эксплуатацию 395 км скоростных дорог, построено 219 км новых национальных автомобильных дорог и модернизировано еще 212 км существующих национальных трасс[21].

Согласно скорректированному 30 июня 2026 г. Генеральному плану развития дорожной инфраструктуры Вьетнама на период 2021–2030 гг. с видением до 2050 г., национальная сеть скоростных автомагистралей предусматривает 46 маршрутов общей протяженностью более 10,1 тыс. км (+3 маршрута и +1,2 тыс. км после корректировки), а сеть национальных автомобильных дорог – 136 маршрутов общей протяженностью более 26,3 тыс. км (–36 маршрутов и –2,3 тыс. км после корректировки) [Социально-экономическое развитие…, 2026, с. 221].

Во Вьетнаме по состоянию на весну 2026 г. насчитывается 309 портовых причалов общей протяженностью около 107 км, более 3,2 тыс. км морских транспортных путей, а также 44 причала для морских нефтегазовых платформ. Пропускная способность портовой системы СРВ достигла 955 млн тонн в год, что в 1,3 раза больше, чем в 2020 г. В области инфраструктуры внутренних водных путей за последнее время модернизировано 17 транспортных маршрутов, увеличена высота пролетов 7 автомобильных мостов, пересекающих национальные внутренние водные пути и логистические зоны; функционируют 310 портов внутреннего водного транспорта, включая 202 грузовых порта, 11 пассажирских портов, 97 специализированных портов, более 6,3 тыс. причалов внутреннего водного транспорта и около 2,6 тыс. паромных переправ[22].

По данным Управления морского и внутреннего водного транспорта Вьетнама, по состоянию на конец 2025 г. общее количество судов вьетнамского торгового флота составило более 1,4 тыс. судов общим дедвейтом около 9,4 млн тонн. Вьетнамский торговый флот занимает 26-е место в мире, его доля составляет 0,8% мирового флота. Средний возраст судов – 17,3 года, при этом более 50% флота старше 15 лет. Около 220 судов под ино-

---

[20] Министерство строительства СРВ предлагает в порядке приоритета расширять построенные скоростные автомагистрали с двумя полосами движения // Газета «Голос Вьетнама» [Bộ Xây dựng đề xuất mở rộng các tuyến cao tốc phân kỳ 2 làn xe theo thứ tự ưu tiên // Báo Điện tử Tiếng nói Việt Nam]. URL: https://vov.vn/xa-hoi/bo-xay-dung-de-xuat-mo-rong-cac-tuyen-cao-toc-phan-ky-2-lan-xe-theo-thu-tu-uu-tien-post1316864.vov (accessed: 22.07.2026).

[21] Почти 400 км скоростных автомагистралей введено в эксплуатацию за 6 месяцев // Газета Вьетнамского телевидения [Gần 400 km đường cao tốc đưa vào khai thác trong 6 tháng // Thời báo VTV]. URL: https://vtv.vn/gan-400-km-duong-cao-toc-dua-vao-khai-thac-trong-6-thang-100260707165747008.htm (accessed: 07.07.2026).

[22] Транспортная инфраструктура определена как драйвер роста // Министерство строительства СРВ. URL: https://moc.gov.vn/vn/tin-tuc/1173/93532/ha-tang-giao-thong-duoc-xac-dinh-la-dong-luc-tang-truong.aspx (accessed: 22.07.2026).

странным флагом, принадлежащих вьетнамским предприятиям, имеют общий дедвейт около 5 млн т, что составляет около 30% общего дедвейта вьетнамского флота. За почти 10 лет торговый флот СРВ изменился незначительно: количество транспортных судов сократилось примерно на 300 единиц, а средний дедвейт увеличился с 6 тыс. т до 8,9 тыс. т на судно, что свидетельствует о тенденции к увеличению грузоподъемности и размеров судов. Структура флота развивалась более рационально: увеличилось количество специализированных судов, таких как контейнеровозы (с 36 до 45 единиц), суда для перевозки сжиженных газов (с 12 до 21 единицы)[23].

Объем морских перевозок увеличивается в среднем более чем на 10% в год, тогда как дедвейт вьетнамского флота растет лишь на 0,91% в год. Несмотря на значительный потенциал, основной объем экспортно-импортных грузов Вьетнама перевозится иностранными судоходными компаниями (более 90%), особенно на дальних направлениях в Северную Америку и Европу. Национальный флот в основном занимается внутренними перевозками, практически полностью обеспечивая внутренние морские перевозки грузов (за исключением отдельных специализированных перевозок), и короткими международными маршрутами в пределах Азии. Около 40 иностранных судоходных компаний осуществляют перевозки экспортно-импортных грузов во Вьетнаме, обеспечивая более 90% международных грузовых потоков[24].

В настоящее время в СРВ насчитывается 22 аэропорта общей пропускной способностью около 155 млн пассажиров в год[25]. Согласно скорректированному 1 июля 2026 г. Генеральному плану развития системы аэропортов Вьетнама на период 2021–2030 гг. с видением до 2050 г., к 2030 г. страна будет иметь 36 аэропортов с пропускной способностью 249,14 млн пассажиров в год, в том числе 19 международных и 17 внутренних; к 2050 г. добавится еще один международный аэропорт, и пропускная способность 37 вьетнамских аэропортов составит 533,5 млн пассажиров в год. Ориентировочная стоимость инвестиций к концу периода составит 22,6 млрд долл.[26]

---

[23] Развитие морского флота Вьетнама: необходима долгосрочная и прорывная стратегия // Министерство строительства СРВ [Phát triển đội tàu biển Việt Nam: Cần chiến lược dài hạn và đột phá // Bộ Xây dựng]. URL: https://moc.gov.vn/vn/tin-tuc/1334/90793/phat-trien-doi-tau-bien-viet-nam-can-chien-luoc-dai-han-va-dot-pha.aspx (accessed: 21.07.2026).

[24] Там же.

[25] Транспортная инфраструктура определена… // Министерство строительства СРВ.

[26] Решение Министра строительства СРВ № 1140/QĐ-BXD «Об утверждении корректировки Генерального плана развития системы аэропортов Вьетнама на период 2021–2030 гг. с видением до 2050 г. // Библиотека законодательства Вьетнама [Quyết định số 1140/QĐ-BXD của Bộ trưởng Bộ Xây dựng về việc phê duyệt điều chỉnh Quy hoạch hệ thống cảng hàng không toàn quốc thời kỳ 2021–2030, tầm nhìn đến năm 2050 // Thư viện Pháp luật]. URL: https://thuvienphapluat.vn/van-ban/Giao-thong-Van-tai/Quyet-dinh-1140-QD-BXD-2026-dieu-chinh-Quy-hoach-he-thong-cang-hang-khong-toan-quoc-713918.aspx (accessed: 22.07.2026).

По словам председателя Ассоциации предприятий логистических услуг Вьетнама Дао Чонг Кхоа, авиационная отрасль СРВ непосредственно обеспечивает занятость около 100 тыс. человек, ежегодно вносит 1,9 млрд долл. в ВВП Вьетнама (около 0,4% ВВП). Если учитывать косвенный эффект, общий вклад авиации СРВ достигает 17,5 млрд долл. или 4,1% ВВП, создавая 2,5 млн рабочих мест. Объем авиагрузовых перевозок во Вьетнаме превысил 1,5 млн тонн в 2024 г. – по этим показателям страна занимает 20-е место в мире по объему рынка воздушных перевозок и 22-е место по международной торговле, связанной с авиационными перевозками[27].

Так, к 2023 г. индекс эффективности логистики Вьетнама повысился до 43-го места [The Logistics Performance Index…, 2023][28]. В отчете о логистике Министерства промышленности и торговли Вьетнама за 2025 г. указано, что логистические расходы в СРВ составляют около 17–18% ВВП, однако по словам Данг Минь Фыонг, основательницы и генерального директора компании MP Logistics, председателя Ассоциации логистики и морских портов г. Хошимин, в действительности эта цифра уже превысила 20% ВВП, создав значительное давление на производство и экспорт. Предприятия требуют ускоренных инвестиций в инфраструктуру и внедрения комплексных решений для снижения затрат. Причинами роста издержек стали совокупность факторов, включая геополитическую нестабильность, перегруженность транспортной инфраструктуры, увеличение количества различных сборов и дефицит кадров[29].

Ключевые объекты научно-технологической инфраструктуры Вьетнама сосредоточены в технопарках «Хоалак», «Сайгон» и «Дананг». Помимо этого, к 2025 г. в стране созданы восемь централизованных зон информационных технологий, охватывающих широкий спектр цифровых направлений, включая полупроводниковую промышленность, проектирование микросхем, искусственный интеллект, облачные вычисления, обработку больших данных, блокчейн, интернет вещей, технологии 5G/6G и спутниковую связь. По данным Министерства науки и технологий, ве-

---

[27] Авиация нового поколения – создание нового пространства для экономического роста // Газета «Молодежь» [Hàng không thế hệ mới – Kiến tạo không gian tăng trưởng mới // Báo Thanh Niên]. URL: https://thanhnien.vn/hang-khong-the-he-moi-kien-tao-khong-gian-tang-truong-moi-185260528171220746.htm (accessed: 22.07.2026).

[28] Примечание автора: в докладе Всемирного банка за 2025 г. методология оценки индекса эффективности логистики была обновлена, что привело к отказу от единого интегрального рейтинга стран – теперь в рейтинге представлены только показатели, характеризующие различные аспекты функционирования логистической системы каждой страны.

[29] Предприятия несут рекордные логистические издержки и возлагают надежды на инфраструктурный прорыв // Информационный интернет-портал Коммунистической партии Вьетнама [Doanh nghiệp «gánh» chi phí logistics kỷ lục, kỳ vọng hạ tầng tạo đột phá // Cổng thông tin điện tử Đảng Cộng Sản Việt Nam]. URL: https://dangcongsan.org.vn/boxaydung/tin-tuc-hoat-dong/doanh-nghiep-ganh-chi-phi-logistics-ky-luc-ky-vong-ha-tang-tao-dot-pha.html (accessed: 22.07.2026).

дется работа по координации с шестью провинциями для создания новых центров цифровых технологий [Научно-технологическое развитие стран…, 2026, с. 147–151].

Выявленные тенденции свидетельствуют о том, что, несмотря на масштабную модернизацию транспортной и научно-технологической инфраструктуры, во Вьетнаме сохраняются существенные структурные ограничения, проявляющиеся в неравномерности развития различных видов транспорта, технологическом отставании железнодорожной отрасли, высокой зависимости внешней торговли от иностранных перевозчиков и сохраняющемся высоком уровне логистических издержек. Достижение долгосрочной конкурентоспособности экономики будет зависеть не только от масштабов инфраструктурных инвестиций, но и от эффективности их координации, технологической интеграции транспортно-логистических систем и укрепления позиций национальных компаний в глобальных цепочках создания стоимости.

После качественного анализа трех обозначенных руководством Вьетнама направлений прорыва необходимо отметить еще одну принципиально важную особенность XIV съезда КПВ – закрепление на национальном уровне амбициозной стратегической цели, впервые получившей количественное выражение в виде двузначного целевого показателя среднегодовых темпов роста ВВП.

Заключение

За четыре десятилетия реформ «Дой Мой» Вьетнам практически исчерпал потенциал традиционных экстенсивных факторов развития, основанных на дешевой рабочей силе, быстром перераспределении трудовых ресурсов из сельского хозяйства в промышленность, масштабном привлечении прямых иностранных инвестиций и активной интеграции в глобальные производственные цепочки. Именно эти факторы обеспечили стране высокие темпы экономического роста и превращение в один из ведущих производственных центров Юго-Восточной Азии, однако их дальнейший вклад в ускорение экономической динамики постепенно снижается. Одновременно Вьетнам сталкивается с целым рядом взаимосвязанных структурных вызовов. Дополнительное давление оказывает усиление глобальной конкуренции за инвестиции, технологии и рынки сбыта, а также ускоренное распространение технологий четвертой промышленной революции, которые радикально изменяют структуру мировой экономики и предъявляют новые требования к конкурентоспособности национальных экономик.

Эпоха национального подъема – это не только воплощение устремлений вьетнамского народа под руководством КПВ для достижения двух

«столетних целей», утвержденных XIII съездом КПВ, но и объективная историческая необходимость смены модели экономического роста СРВ. Перед Вьетнамом стоит стратегическая задача перехода к более сложной и качественно новой модели экономического роста, основанной на технологической модернизации производства, развитии человеческого капитала, повышении доли внутренней добавленной стоимости в выпускаемой продукции, а также превращении инноваций, роста производительности труда и цифровой трансформации экономики в ключевые источники долгосрочного экономического развития.

В этой связи в качестве приоритетов развития определены «три стратегических прорыва», включающие совершенствование институтов, ускоренное развитие современной инфраструктуры и повышение качества человеческого капитала. Следует отметить, что работа по всем трем направлениям действительно ведется. Однако на современном этапе большинство реализуемых мероприятий следует рассматривать скорее как создание институциональной и материальной базы для будущего ускорения экономического развития, чем как источники уже происходящего качественного изменения модели роста. Эффект от инфраструктурных проектов, реформ системы государственного управления, модернизации образования и формирования национальной инновационной экосистемы носит долгосрочный характер и проявится лишь спустя годы после начала их реализации.

Таким образом, можно констатировать, что в настоящее время экономика Вьетнама находится на переходном этапе. С одной стороны, руководство страны осознает ограниченность прежней экспортно-инвестиционной модели и предпринимает последовательные усилия по формированию новых факторов экономического роста. С другой стороны, результаты этих преобразований пока не стали определяющими для динамики национальной экономики. В кратко- и среднесрочной перспективе Вьетнам, вероятнее всего, продолжит развиваться преимущественно в рамках сложившейся модели, основанной на привлечении прямых иностранных инвестиций, развитии экспортного производства и использовании преимуществ участия в глобальных цепочках создания стоимости. Лишь по мере завершения институциональных реформ, модернизации инфраструктуры и накопления собственного научно-технологического потенциала можно ожидать постепенного перехода к новой модели роста, основанной на повышении производительности, инновациях и увеличении национальной добавленной стоимости.

Литература / References

1. Научно-технологическое развитие стран Азии и Африки. Книга 2. Вьетнам, Индия, Индонезия, Малайзия, Турция: коллективная монография / отв. ред. Дерюгина И. В., Кузнецов В. А. М.: ИВ РАН, 2026. [Scientific and Technological Development of the Countries of Asia and Africa. Book 2. Vietnam, India, Indonesia, Malaysia, Turkey: collective monograph / ed. by I. V. Deryugina, V. A. Kuznetsov. Moscow: IOS RAS, 2026. (in Russian)].
2. Социально-экономическое развитие Социалистической Республики Вьетнам в XXI веке: коллективная монография / отв. ред. и сост. Двойченков В. О., науч. ред. Дерюгина И. В.; Институт востоковедения РАН. М.: Филинъ, 2026. 268 С. [Socio-Economic Development of the Socialist Republic of Vietnam in the 21st Century: Collective Monograph / ed. and compiled by Dvoichenkov V. O., sc. ed. by Deryugina I. V.; IOS RAS. Moscow: Filin, 2026. 268 p. (in Russian)].
3. XII съезд компартии Вьетнама: документы и экспертные оценки. М.: ФОРУМ, 2016. 352 с. [XII Congress of the Communist Party of Vietnam: documents and expert assessments. Moscow: FORUM Publishing House, 2016. 352 p. (in Russian)].
4. Мазырин В. М. Экономика Вьетнама в 2023 г. – плоды развития в неолиберальной парадигме // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. 2023. № 3. С. 110–123. [Mazyrin V. M. The Economy of Vietnam in 2023 – the Fruits of Development in the Neoliberal Paradigm // Southeast Asia: Current Development Issues. 2023. No. 3. Pp. 110–123 (in Russian)].
5. Luis C. Blancas, John Isbell, Monica Isbell, Hua Joo Tan, Wendy Tao. Efficient Logistics: A Key to Vietnam's Competitiveness. Directions in Development. Washington, D.C.: World Bank, 2013. 182 p.
6. Statistical yearbook of Vietnam 2024. General Statistics Office of Vietnam. Hanoi: Statistical Publishing House, 2025.
7. Viet Nam Population Projection for the period 2019–2069. General Statistics Office of Vietnam. Hanoi: Hanoi Publishing House, December 2020.
8. Viet Nam Population Projection for the period 2024–2074. General Statistics Office of Vietnam. Hanoi: Hanoi Publishing House, December 2025.

Электронные ресурсы / Electronic sources

9. Авиация нового поколения – создание нового пространства для экономического роста // Газета «Молодежь» [Hàng không thế hệ mới – Kiến tạo không gian tăng trưởng mới // Báo Thanh Niên]. URL: https://thanhnien.vn/hang-khong-the-he-moi-kien-tao-khong-gian-tang-truong-moi-185260528171220746.htm (accessed: 22.07.2026).
10. Двенадцать направлений подготовки в вузах, пользующихся наибольшей популярностью среди абитуриентов // Газета « Молодость» [12 nhóm ngành đào tạo đại học thu hút nhiều thí sinh theo học nhất // Tuổi Trẻ]. URL: https://tuoitre.vn/plo/12-nhom-nganh-dao-tao-dai-hoc-thu-hut- nhieu-thi-sinh-theo-hoc-nhat-post905004.html (accessed: 20.07.2026).
11. Железнодорожный транспорт Вьетнама: основные статистические показатели // Главное статистическое управление – Министерство финансов [Đường sắt Việt Nam qua một số chỉ tiêu thống kê // Cục Thống kê – Bộ Tài chính]. URL:

https://www.nso.gov.vn/du-lieu-va-so-lieu-thong- ke/2023/06/duong-sat-viet-nam-qua-mot-so-chi-tieu-thong-ke (accessed: 21.07.2026).

12. Ключевые направления повышения качества человеческих ресурсов Вьетнама // Газета «Образование и современность» [Chìa khóa nâng tầm chất lượng nguồn nhân lực Việt Nam // Báo Giáo dục và Thời đại]. URL: https://giaoducthoidai.vn/chia-khoa-nang-tam-chat-luong-nguon-nhan-luc-viet-nam-post784598.html (accessed: 20.07.2026).
13. Корректировка Генерального плана развития железнодорожной сети СРВ: добавлены 16 новых линий и 2 высокоскоростные линии // Газета Вьетнамского телевидения [Điều chỉnh quy hoạch đường sắt: Thêm 16 tuyến mới, 2 tuyến tốc độ cao // Thời báo VTV]. URL: https://vtv.vn/dieu-chinh-quy-hoach-duong-sat-them-16-tuyen-moi-2-tuyen-toc-do-cao-100260722151029487.htm (accessed: 22.07.2026).
14. Министерство строительства СРВ предлагает в порядке приоритета расширять построенные скоростные автомагистрали с двумя полосами движения // Газета «Голос Вьетнама» [Bộ Xây dựng đề xuất mở rộng các tuyến cao tốc phân kỳ 2 làn xe theo thứ tự ưu tiên // Báo Điện tử Tiếng nói Việt Nam]. URL: https://vov.vn/xa-hoi/bo-xay-dung-de-xuat-mo-rong-cac-tuyen-cao-toc-phan-ky-2-lan-xe-theo-thu-tu-uu-tien-post1316864.vov (accessed: 22.07.2026).
15. По всей стране не хватает 110 930 учителей всех уровней образования // Газета «Молодость» [Cả nước còn thiếu 110.930 giáo viên các cấp // Tuổi Trẻ]. URL: https://tuoitre.vn/tin-tuc-sang-29–6-ca-nuoc-con-thieu-110930-giao-vien-cac-cap-se-mo-rong-xay-dung-nhieu-nha-cho-thue-100260628231314283.htm (accessed: 07.07.2026).
16. Полный текст Резолюции XIII съезда Коммунистической партии Вьетнама // Электронная газета правительства [Toàn văn Nghị quyết Đại hội đại biểu toàn quốc lần thứ XIII của Đảng // Báo Điện tử Chính phủ]. URL: https://baochinhphu.vn/toan-van-nghi-quyet-dai-hoi-dai-bieu-toan-quoc-lan-thu-xiii-cua-dang-102288263.htm (accessed: 15.07.2025).
17. Полный текст Резолюции XIV съезда Коммунистической партии Вьетнама // Электронная газета правительства [Toàn văn Nghị quyết Đại hội đại biểu toàn quốc lần thứ XIV của Đảng // Báo Điện tử Chính phủ]. URL: https://xaydungchinhsach.chinhphu.vn/toan-van-nghi-quyet-dai-hoi-dai-bieu-toan-quoc-lan-thu-xiv-cua-dang-119260206221643667.htm (accessed: 15.07.2025).
18. Постановление Политбюро ЦК КПВ № 57-NQ/TW от 22 декабря 2024 г. «О прорывном развитии науки, технологий, инноваций и национальной цифровой трансформации» // Система материалов и документов партии [Nghị quyết số 57-NQ/TW, ngày 22/12/2024 của Bộ Chính trị về đột phá phát triển khoa học, công nghệ, đổi mới sáng tạo và chuyển đổi số quốc gia // Hệ Thống Tư Liệu – Văn Kiện Đảng]. URL: https://tulieuvankien.dangcongsan.vn/he-thong-van-ban/van-ban-cua-dang/nghi-quyet-so-57-nqtw-ngay-22122024-cua-bo-chinh-tri-ve-dot-pha-phat-trien-khoa-hoc-cong-nghe-doi-moi-sang-tao-va-chuyen-11162 (accessed: 23.02.2025).
19. Почти 400 км скоростных автомагистралей введено в эксплуатацию за 6 месяцев // Газета Вьетнамского телевидения [Gần 400 km đường cao tốc đưa vào khai thác trong 6 tháng // Thời báo VTV]. URL: https://vtv.vn/gan-400-km-duong-cao-toc-dua-vao-khai-thac-trong-6-thang-100260707165747008.htm (accessed: 07.07.2026).

20. Предприятия на севере Вьетнама нанимают более 55% рабочих // Газета «VnExpress» [Doanh nghiệp miền Bắc tuyển dụng hơn 55% công nhân // Báo VnExpress]. URL: https://vnexpress.net/doanh-nghiep-mien-bac-tuyen-dung-hon-55-cong-nhan-5095832.html (accessed: 13.07.2026).

21. Предприятия несут рекордные логистические издержки и возлагают надежды на инфраструктурный прорыв // Информационный интернет-портал Коммунистической партии Вьетнама [Doanh nghiệp «gánh» chi phí logistics kỷ lục, kỳ vọng hạ tầng tạo đột phá // Cổng thông tin điện tử Đảng Cộng Sản Việt Nam]. URL: https://dangcongsan.org.vn/boxaydung/tin-tuc-hoat-dong/doanh-nghiep-ganh-chi-phi-logistics-ky-luc-ky-vong-ha-tang-tao-dot-pha.html (accessed: 22.07.2026).

22. Развитие морского флота Вьетнама: необходима долгосрочная и прорывная стратегия // Министерство строительства СРВ [Phát triển đội tàu biển Việt Nam: Cần chiến lược dài hạn và đột phá // Bộ Xây dựng]. URL: https://moc.gov.vn/vn/tin-tuc/1334/90793/phat-trien-doi-tau-bien-viet-nam-can-chien-luoc-dai-han-va-dot-pha.aspx (accessed: 21.07.2026).

23. Решение Министра строительства СРВ № 1140/QĐ-BXD «Об утверждении корректировки Генерального плана развития системы аэропортов Вьетнама на период 2021–2030 гг. с видением до 2050 г. // Библиотека законодательства Вьетнама [Quyết định số 1140/QĐ-BXD của Bộ trưởng Bộ Xây dựng về việc phê duyệt điều chỉnh Quy hoạch hệ thống cảng hàng không toàn quốc thời kỳ 2021–2030, tầm nhìn đến năm 2050 // Thư viện Pháp luật]. URL: https://thuvienphapluat.vn/van-ban/Giao-thong-Van-tai/Quyet-dinh-1140-QD-BXD-2026-dieu-chinh-Quy-hoach-he-thong-cang-hang-khong-toan-quoc-713918.aspx (accessed: 22.07.2026).

24. Сосредоточить ресурсы на совершенствовании институтов для решения ряда новых и прорывных проблем // Газета «Народный представитель» [Tập trung nguồn lực hoàn thiện thể chế đối với một số vấn đề mới, đột phá // Báo Đại biểu Nhân dân]. URL: https://daibieunhandan.vn/tap-trung-nguon-luc-hoan-thien-the-che-doi-voi-mot-so-van-de-moi-dot-pha-10396742.html (accessed: 03.12.2025).

25. Толорая Г. Д., Пыльцина Е. С. Россия и Вьетнам в «новую эпоху»: итоги XIV съезда КПВ и возможность геополитического маневра на Востоке // Российский совет по международным делам. URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/rossiya-i-vetnam-v-novuyu-epokhu-itogi-khiv-sezda-kpv-i-vozmozhnost-geopoliticheskogo-manevra-na-vos (дата обращения: 15.02.2026).

26. Транспортная инфраструктура определена как драйвер роста // Министерство строительства СРВ [Hạ tầng giao thông được xác định là động lực tăng trưởng // Bộ Xây dựng]. URL: https://moc.gov.vn/vn/tin- tuc/1173/93532/ha-tang-giao-thong-duoc-xac-dinh-la-dong-luc-tang- truong.aspx (accessed: 22.07.2026).

27. Чан Тхи Бык Зун, Чан Ба То. Научные кадры для технологий и инноваций в целях устойчивого развития // Журнал «Торговля и промышленность» [Trần Thị Bích Dung, Trần Bá Thọ. Nguồn nhân lực cho khoa học – công nghệ và đổi mới sáng tạo vì mục tiêu phát triển bền vững // Tạp Chí Công Thương]. URL: https://tapchicongthuong.vn/nguon-nhan-luc-cho-khoa-hoc-cong-nghe-va-doi-moi-sang-tao-vi-muc-tieu-phat-trien-ben-vung-127810.htm (accessed: 16.05.2025).

28. Viet Nam ranking in the Global Innovation Index 2025 // WIPO. URL: https://www.wipo.int/gii-ranking/en/viet-nam (accessed: 02.12.2025).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Двойченков Вадим Олегович –
Лаборант-исследователь Центра НТС и аграрных исследований Института востоковедения РАН, Москва, Российская Федерация

Dvoichenkov Vadim O. –
Laboratory Research Assistant of the Department of Economic Research, Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Раскрытие информации о конфликте интересов
Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Информация о статье
Поступила в редакцию: 03.08.2026.
Одобрена после рецензирования и принята к публикации: 10.08.2026.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Conflicts of Interest Disclosure
The author declares that there is no conflict of interest.

Article info
Submitted: 03.08.2026.
Approved after peer reviewing and accepted for publication: 10.08.2026.

The author has read and approved the final manuscript.

Научная статья. Экономические науки
УДК 330.34 (954)
https://doi.org/10.31696/2227-5568-2026-03-044-060

ПАРАДОКС РЕСУРСНОГО БОГАТСТВА ПАПУА – НОВОЙ ГВИНЕИ: ПО ПУТИ ЭКОНОМИЧЕСКИХ РЕФОРМ

Николай Николаевич Миклухо-Маклай
Институт востоковедения РАН, Москва, Россия
nn@mikluho-maclay.ru, https://orcid.org/0000-0002-5085-1693

Аннотация. В статье исследуется траектория экономических реформ в Папуа – Новой Гвинее (ПНГ) в контексте преодоления «парадокса ресурсного богатства»: при значительных запасах минеральных и энергетических ресурсов страна на протяжении десятилетий демонстрирует сдержанные темпы устойчивого социально-экономического развития. Актуальность исследования обусловлена возрастающим вниманием международного академического и экспертного сообщества к моделям экономического развития ресурсозависимых государств. Были проанализированы структурные особенности ПНГ – доминирующая роль добывающего сектора в экспорте и бюджетных доходах, слабая интеграция традиционных и неформальных секторов хозяйственной деятельности в национальную экономическую систему, низкая степень внутренней переработки сырья и точечный характер инфраструктурного развития. Особое внимание уделено фискальной модели государства: высокой концентрации налоговой нагрузки на формальном секторе, ограниченному охвату теневой экономики и исторически низкой конвертации природной ренты в развитии человеческого капитала. В работе охарактеризованы современные трансформации экономической модели ПНГ, включая Среднесрочную программу формирования доходов (MTRS.2023–2027), принятие нового корпоративного налогового законодательства (Income Tax Act 2025), масштабные инфраструктурные проекты (программа «Connect PNG 2020–2040», ориентированная на повышение связанности страны) и усиление государственного участия в сырьевых проектах. Рассмотрены ключевые риски новой модели – чувствительность к конъюнктуре сырьевых рынков, высокий уровень государственного долга, проблемы координации между центром и провинциями, а также ограниченность развития человеческого капитала (по оценкам Всемирного банка, ребенок в ПНГ способен реализовать лишь 42% своего экономического потенциала).
Сделан вывод о том, что долгосрочная устойчивость экономического роста ПНГ будет определяться эффективностью управления ресурсной рентой, последовательной диверсификацией экономики и трансформацией экспортных доходов в системе социально-экономических выгод для населения.

Ключевые слова: Папуа – Новая Гвинея (ПНГ), ресурсозависимые государства, экономические реформы, ЮТР, налоговая нагрузка, государственный долг, ресурсная рента, сырьевой рынок, горная минеральные ресурсы, полезные ископаемые

Для цитирования: Миклухо-Маклай Н. Н. Парадокс ресурсного богатства Папуа – Новой Гвинеи: по пути экономических реформ. *Восточная аналитика*. 2026;17(3):44-60. https://doi.org/10.31696/2227-5568-2026-03-0044-060

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-ShareAlike 4.0 International (CC BY-SA 4.0).

© Miklouho-Maclay N. N., 2026
© Eastern Analytics, 2026

PAPUA NEW GUINEA'S RESOURCE WEALTH PARADOX: ON THE PATH OF ECONOMIC REFORM

Nikolay N. Miklouho-Maclay Jr.
Institute of Oriental Studies Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
nn@mikluho-maclay.ru, https://orcid.org/0000-0002-5085-1693

Abstract. This article examines the trajectories of economic reforms in Papua New Guinea (PNG) in the context of overcoming the «resource wealth paradox»: despite significant mineral and energy reserves, the country has demonstrated moderate rates of sustainable socioeconomic development for decades. The relevance of the study is determined by the growing attention of the international academic and expert community to the economic development models of resource-dependent states. The structural features of PNG were analyzed: the dominant role of the extractive sector in exports and budget revenues, weak integration of traditional and informal sectors of economic activity into the national economic system, a low degree of domestic processing of raw materials, and the isolated nature of infrastructure development. Particular attention is paid to the state's fiscal model: a high concentration of the tax burden on the formal sector, limited coverage of the shadow economy, and historically low conversion of natural rent into human capital development. The paper characterizes the current transformations of PNG's economic model, including the Medium-Term Revenue Generation Program (MTRS.2023–2027), the adoption of new corporate tax legislation (Income Tax Act 2025), large-scale infrastructure projects (the «Connect PNG 2020–2040» program aimed at increasing the country's connectivity), and increased state participation in raw materials projects. The key risks of the new model are examined: sensitivity to commodity market conditions, high levels of public debt, coordination issues between the center and the provinces, and limited human capital development (according to World Bank estimates, a child in PNG can realize only 42% of their economic potential). It is concluded that the long-term sustainability of PNG's economic growth will be determined by the effective management of resource rents, consistent economic diversification, and the transformation of export revenues into a system of socioeconomic benefits for the population.

Keywords: Papua New Guinea (PNG), resource-dependent states, economic reforms, South Pacific region, tax burden, public debt, resource rent, raw materials market, mining mineral resources, minerals

For citation: Miklouho-Maclay N. N. Papua New Guinea's Resource Wealth Paradox: On the Path of Economic Reform. *Eastern Analytics*. 2026;17(3):44-60. (In Russ.) https://doi.org/10.31696/2227-5568-2026-03-044-060

Введение

Папуа – Новая Гвинея – крупнейшее государство в южной части Тихого океана после Австралии, занимает половину острова Новая Гвинея в восточной его части, а также располагается более чем на 600 близлежащих островах, самые крупные из которых – о-ва Новая Ирландия, Новая Британия и Бугенвиль. Страна граничит с Индонезией, Австралией, Соломоновыми Островами, Новой Каледонией, Федеративными Штатами Микронезии и принадлежит к Азиатско-Тихоокеанскому реги-

Контент доступен под лицензией Creative Commons «Attribution-ShareAlike» («Атрибуция-СохранениеУсловий») 4.0 Всемирная.

© Миклухо-Маклай Н. Н., 2026
© Восточная аналитика, 2026

ону (АТР). В ПНГ конституционная монархия, признающая главой государства английского монарха, представленного генерал-губернатором. Фактическое руководство ведет премьер-министр, избираемый парламентом. Действующим премьер-министром ПНГ с 30 мая 2019 г. является Джеймс Марапе, который возглавляет старейшую партию страны – Пангу Пати. ПНГ – официально христианская страна, в которой говорят более чем на 800 языках. А население насчитывает более 12 млн человек. Недра ПНГ хранят в себе обширные запасы природного газа, нефти, золота, серебра, никеля и других минеральных ресурсов[1]. Страна также экспортирует древесину и сельскохозяйственную продукцию, а прибрежные воды – 200-мильная исключительная экономическая зона, установленная в 1978 г., – богаты рыбными ресурсами, в частности тунцом [Миклухо-Маклай, 2020b].

Парадокс ресурсного богатства

Независимое Государство Папуа – Новая Гвинея получило суверенитет 16 сентября 1975 г.[2] Производство кофе и какао обеспечивает порядка 50% занятости населения ПНГ[3]. В силу вулканического происхождения территории недра острова богаты полезными ископаемыми: золотом, медью, серебром, никелем и кобальтом, а также энергоресурсами – природным газом и нефтью. Кроме того, ведется добыча древесины и промысел рыбы. При этом доминирующей экспортной отраслью ПНГ остается горная добыча и добыча углеводородов.

Исторически экономическая модель страны базировалась на сочетании экспортно-сырьевой специализации и традиционного сельского хозяйства [Куликовский, 1992]. Формальный (легальный) сектор характеризуется сравнительно небольшими масштабами [Николаев, 1989]. Государственный бюджет, объем которого составляет 28,36 млрд кина (около 7,5 млрд долл. США) [2025 National Budget…, 2025, p. 4][4], в значительной степени зависит от ограниченного круга крупных налогоплательщиков и волатильных доходов сырьевого сектора. В то же время значительная часть экономической активности сосредоточена в неформальном («тене-

[1] Papua New Guinea – Country Commercial Guide // International Trade Administration. URL: https://www.trade.gov/country-commercial-guides/papua-new-guinea-minerals-and-energy (accessed: 12.06.2026).

[2] Independence of Papua New Guinea, 1975 // National Archives of Australia. URL: https://www.naa.gov.au/sites/default/files/2020-05/fs-261-independence-of-papua-new-guinea-1975.pdf (accessed: 12.06.2026).

[3] Всемирный банк. URL: https://www.worldbank.org/en/results/2014/12/02/papua-new-guinea-productive-partnerships-in-agriculture-project (accessed: 18.06.2026).

[4] Т. 1: Экономика и политики развития. Государственный бюджет на 2025 год. С. 4 // Правительство ПНГ. Государственное казначейство. URL: https://www.treasury.gov.pg/wp-content/uploads/2024/12/Volume-1_final_compressed.pdf (дата обращения: 19.06.2026).

вом») секторе, который остается вне поля зрения государственного учета и регулирования. В результате на протяжении десятилетий страна сталкивается с проявлением парадокса «ресурсного богатства без устойчивого развития». Несмотря на то, что добывающий сектор формирует основную долю экспортной выручки, уровень инфраструктурного развития прочих отраслей экономики, качество государственных услуг и показатели развития человеческого капитала остаются на сравнительно низком уровне [Миклухо-Маклай, 2021].

Новая модель экономического развития ПНГ

В последние годы правительство Папуа – Новой Гвинеи приступило к реализации новой модели экономического развития. Ее концептуальная основа предполагает постепенное снижение фискальной нагрузки на внутреннюю экономику, население и сектор малого предпринимательства за счет наращивания бюджетных поступлений от эксплуатации углеводородных и минеральных ресурсов (добычи нефти, природного газа и полезных ископаемых). Ключевой стратегической задачей данной модели выступает трансформация природной ренты в устойчивый источник долгосрочного финансирования приоритетных направлений социально-экономического развития – в частности, инфраструктурного строительства и модернизации системы образования и здравоохранения, а также комплексных мер по технологической и структурной модернизации национальной экономики [2025 National Budget…, 2025, p. 113].

Экспортная ориентация экономики

Основу экспортной выручки ПНГ формирует горнодобывающий и нефтегазовый сектор. Согласно экспертным оценкам, на долю золота, серебра, меди, природного газа и нефти приходится около 78% совокупного экспорта страны [2025 National Budget…, 2025, p. 139, tabl. 5]. Именно сырьевая промышленность выступает ключевым детерминантом валютных поступлений, бюджетных проектировок и инвестиционной привлекательности государства.

Динамика мировых цен на базовые металлы и энергоресурсы оказывает существенное влияние на макроэкономические параметры экономики страны (ПНГ): темпы экономического роста и уровень инфляции. Последняя во многом обусловлена высокой долей импорта в структуре внутреннего потребления; при снижении государственных доходов, обусловленном конъюнктурными колебаниями, инфляционное давление усиливается. При этом значительная часть трудоспособного населения задействована в секторах традиционного сельского хозяйства и натуральной экономики. К числу ключевых направлений хозяйственной дея-

тельности относятся производство кофе, какао, пальмового масла, а также рыболовство и лесозаготовка. В частности, кофейный сектор сохраняет статус одного из крупнейших работодателей страны и обеспечивает наибольшую долю занятости в национальной экономике[5].

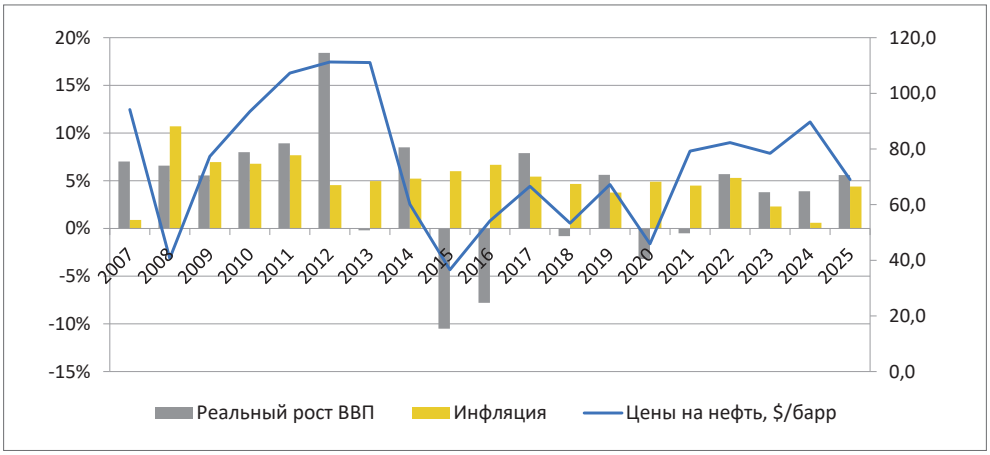

Рис. 1. Влияние цен нефти и газа (за счет нефтяной привязки) на развитие экономики ПНГ

Источник: Statista. URL: https://www.statista.com/statistics/262860/uk-brent-crude-oil-price-changes-since-1976/ (accessed: 15.06.2026)

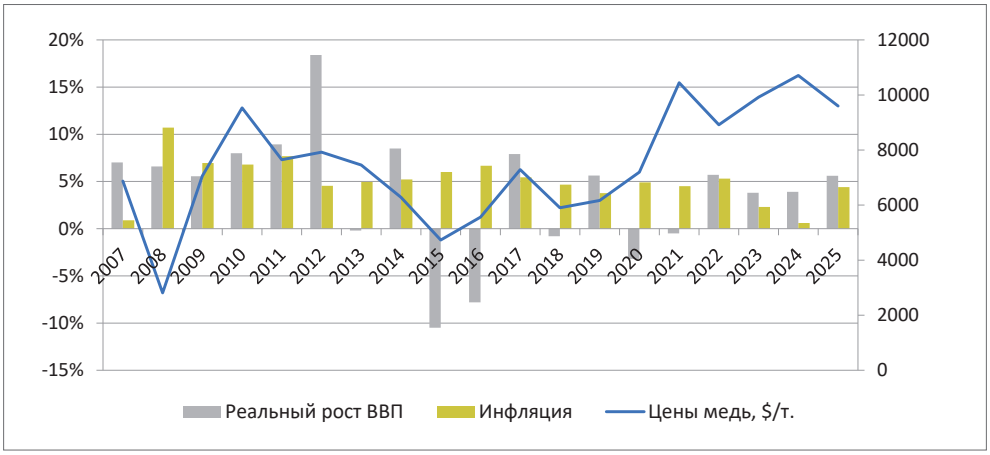

Рис. 2. Влияние цен базовых металлов на развитие экономики ПНГ

Источник: Statista. URL: https://www.statista.com/statistics/675854/average-prices-copper-worldwide/ (accessed: 22.06.2026)

[5] Papua New Guinea: Productive Partnerships in Agriculture Project // World Bank Group. URL: https://www.worldbank.org/en/results/2014/12/02/papua-new-guinea-productive-partnerships-in-agriculture-project (accessed: 12.06.2026).

Таблица 1. Макроэкономические параметры экономики ПНГ

Показатель	Реальный рост ВВП	Инфляция	Население
2007	7,0%	0,9%	6,6
2008	6,6%	10,7%	6,8
2009	5,6%	7,0%	6,9
2010	8,0%	6,8%	7,1
2011	8,9%	7,7%	7,3
2012	18,4%	4,5%	7,4
2013	-0,2%	5,0%	7,6
2014	8,5%	5,2%	7,8
2015	-10,5%	6,0%	7,9
2016	-7,8%	6,7%	8,1
2017	7,9%	5,4%	8,3
2018	-0,8%	4,7%	8,6
2019	5,6%	3,8%	8,8
2020	-3,2%	4,9%	8,9
2021	-0,5%	4,5%	11,8
2022	5,7%	5,3%	12,0
2023	3,8%	2,3%	12,3
2024	3,9%	0,6%	12,5
2025	5,6%	4,4%	12,8

Источник: International Monetary Fund. URL: https://www.imf.org/external/datamapper/rgc@FPP/OEMDC/ADVEC/WEOWORLD/RUS/GBR (accessed: 17.06.2026)

Роль нефтегазового и горнодобывающего сектора

Согласно заявлениям премьер-министра Джеймса Марапе, в перспективе ближайших 10–15 лет реализация крупных газовых и горнодобывающих проектов обладает потенциалом для многократного увеличения масштабов национальной экономики[6]. Папуа – Новая Гвинея относится к числу крупнейших экспортеров сжиженного природного газа (СПГ) в Тихоокеанском регионе[7]. В последние годы доля страны в поставках СПГ в Китай достигла 3% от общего объема китайского импорта сжиженного газа, что свидетельствует о значимости ПНГ как поставщика энергоресурсов на ключевом азиатском рынке[8].

[6] Department of Prime Minister and National Executive Council. URL: https://www.pmnec.gov.pg/prime-minister-marape-foresees-substantial-economic-growth-in-the-next-decade/ (accessed: 12.06.2026).

[7] Business Advantage PNG. URL: https://www.businessadvantagepng.com/papua-new-guinea-top-dozen-lng-exporters/ (accessed: 12.06.2026).

[8] Главное таможенное управление КНР. База данных статистики (海关统计数据查询平台). URL: http://stats.customs.gov.cn/indexEn (accessed: 12.06.2026).

Ключевым действующим проектом в энергетическом секторе ПНГ выступает PNG LNG, реализуемый под управлением компании ExxonMobil. Производственные мощности составляют порядка 8 млн т сжиженного природного газа в год. В настоящее время рассматривается возможность расширения совокупных мощностей по сжижению газа до 16 млн т в год за счет реализации ряда новых инициатив: проекта Papua LNG (оператор – французская Total Energies), проекта P'nyang LNG (Exxon Mobil), а также освоения месторождения Wildebeest (крупнейшее по запасам; находится в стадии геологоразведки, реализуемой ExxonMobil; потенциальный запуск предполагается после ввода в эксплуатацию P'nyang LNG). Дополнительно к этому развивается нефтегазовый проект Pasca, оператором которого выступает австралийская компания Twinza Oil Limited. Совокупный объем инвестиций в указанные новые проекты оценивается в десятки миллиардов долларов США. Правительство ПНГ рассматривает эти инициативы в качестве стратегической основы для обеспечения будущего роста валового внутреннего продукта (ВВП) страны[9].

Горнодобывающий сектор ПНГ

Горнодобывающий сектор выступает одним из ключевых источников экспортной выручки ПНГ. Вместе с тем реализация горнодобывающих проектов сопряжена с рядом существенных инфраструктурных и логистических ограничений. К числу основных барьеров относится отсутствие развитой дорожной сети и высокая стоимость морской и авиационной логистики, дефицит генерирующих мощностей в энергосистеме, а также сложная физико-географическая конфигурация территории, обусловленная расположением страны на множестве островов Тихого океана.

Подобно Индонезии, ПНГ располагает значительными запасами рудных полезных ископаемых ввиду вулканического происхождения ее земель. В их числе запасы золота и серебра, меди, никеля, кобальта, а также бокситы, являющиеся сырьем для алюминиевой промышленности. Среди крупных проектов, имеющих мировое значение, следует выделить золоторудное месторождение Porgera, медно-золотое месторождение Wafi-Golpu, а также медный рудник Panguna, эксплуатация которого была приостановлена в 1990 г. [2025 National Budget…, 2025, p. 118]. Большинство месторождений полезных ископаемых на территории ПНГ обнаружено австралийскими учеными в 1950-е годы. При этом значительная часть выявленных объектов в последующие десятилетия не подвергалась детальному геологическому изучению и не осваивалась в промыш-

[9] Department of Prime Minister and National Executive Council. URL: https://www.pmnec.gov.pg/prime-minister-marape-foresees-substantial-economic-growth-in-the-next-decade/ (дата обращения: 20.06.2026).

ленном масштабе. Пик исследовательской и горнодобывающей активности в ПНГ пришелся на 2012 г.: в этот период действовало 179 заявок на геологоразведку и 111 заявок находилось на рассмотрении. Снижение мировых цен на базовые металлы в 2013–2015 гг. привело к существенному ослаблению инвестиционного интереса к минерально-сырьевому сектору страны; следствием этого стал значительный возврат лицензий государству. В настоящее время контроль над рядом месторождений, преимущественно золотоносных, сохраняется за австралийскими компаниями. Одновременно на новых участках недропользования отмечается растущее присутствие китайских горнорудных компаний [Россия – Папуа-Новая Гвинея…, 2025][10].

Исторические ограничения экономического развития ПНГ

Папуа – Новая Гвинея – это группа островов (включая восточную половину острова Новая Гвинея) в южной части Тихого океана. Площадь суши: 452 860 кв. км, береговая линия – 5152 км. Острова имеют преимущественно вулканическое происхождение и находятся в пределах Тихоокеанского «огненного кольца», что обуславливает высокую сейсмическую активность региона: здесь регулярно происходят извержения вулканов и землетрясения. Вследствие этого рельеф Папуа – Новой Гвинеи – преимущественно гористый с низменными участками вдоль побережий и холмистыми предгорьями. Структура земельного фонда страны характеризуется следующими показателями: пахотные земли – 0,1%, посевные земли – 1%, леса и лесонасаждения – 92,9%, непригодны для земледелия – 6%. Экономическому развитию ПНГ по-прежнему препятствуют низкая плотность дорожной сети, отсутствие единой энергетической системы, слабая транспортная связанность провинций и высокие транспортные издержки из-за необходимости организации морской и авиационной логистики [Миклухо-Маклай, 2020а].

Значительная часть месторождений полезных ископаемых расположена в труднодоступных горных районах, что влечет дополнительные капитальные затраты на создание инфраструктуры: издержки на строительство портовых сооружений для приема топлива, тепловых электростанций (ТЭС) на побережье, объектов распределенной генерации, линии электропередачи (ЛЭП) и/или трубопроводов до месторождения, а также развитие иной инфраструктуры. Именно инфраструктурные ограничения долгое время делали месторождения ПНГ неконкурентоспособными. Это значительно сдерживало реализацию новых сырьевых проектов, а их

[10] Золотой остров в океане нефти открыт для российского бизнеса // Фонд им. Миклухо-Маклая. URL: https://mikluho-maclay.org/zolotoj-ostrov-v-okeane-nefti-otkryt-dlya-rossijskogo-biznesa/ (дата обращения: 21.06.2026).

запуск происходил в периоды сырьевых бумов, когда рост мировых цен на сырье позволял окупать высокие первоначальные издержки. Экономический рост страны остается зависимым от мировых цен на сырье, длительности производственных циклов в добывающих отраслях, динамики экспортных поставок, а также от глобальных мировых экономических кризисов, влияющих на потребление сырьевых товаров в Китае и развитых странах.

На протяжении длительного периода Папуа – Новой Гвинее не удается трансформировать сырьевую ренту в устойчивые траектории экономического развития. Несмотря на значительный природно-ресурсный потенциал, динамика социально-экономических показателей остается сдержанной. Согласно данным Всемирного банка, в период с 1980 по 2024 г. среднегодовые темпы роста реального ВВП на душу населения в стране составляли около 0,7% в год [Public Finance Review World Bank, p. 25], что свидетельствует о слабой конвертации ресурсного богатства в повышение благосостояния населения.

В условиях преобладания аграрного сектора экономики население ПНГ практически не ощущает влияния ресурсного бума [ibid.]. Добывающий сектор на протяжении длительного времени развивался как относительно изолированная система, слабо интегрированная в национальную экономику. Реализация сырьевых проектов сопровождалась ограниченным количеством рабочих мест для местного населения. Кадровый состав в основном формировался за счет иностранных специалистов – от компаний – операторов месторождений. Значительная часть генерируемой прибыли выводилась за пределы страны иностранными операторами. Дополнительным фактором, снижавшим фискальную отдачу от сырьевого сектора, выступала экспортная модель поставок: сырье и промежуточные товары вывозились без переработки на территории ПНГ – в том числе в целях оптимизации налоговой нагрузки.

Формирование инфраструктурной базы в ПНГ исторически обусловлено преимущественно освоением минерально-сырьевых месторождений. Вследствие этого экономическая активность в стране носит точечный, локальный характер: она не сопровождается выстраиванием внутреннего рынка, развитием перерабатывающих мощностей или формированием суверенной экономической системы. Как результат, наращивание объемов сырьевой добычи не влечет автоматического роста совокупной производительности национальной экономики [Public Finance Review World Bank, p. 31]. Основная часть добываемой стоимости создается за пределами страны – в зарубежных центрах переработки сырья, к числу которых относятся, в частности, Австралия и КНР. Это обусловливает крайне низкий уровень локальной переработки в добывающих и смежных отрас-

лях. Показательным примером служит рыбохозяйственный сектор: в морских акваториях страны вылавливают до 80% мирового объема тунца, однако его переработка осуществляется в странах Европы и Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР) [Campbell, Owen, 1994, p. 164].

Налоговая система ПНГ и нагрузка на формальный сектор

Низкая транспортная и экономическая связанность провинций ПНГ, а также значительный удельный вес традиционных форм хозяйственной деятельности (охота, собирательство, огородничество) в быту многочисленных этнических групп, каждая из которых обладает собственной культурой и языком, обуславливает слабую интегрированность ряда территорий в общегосударственную экономическую систему. Многие общины не имеют устойчивых экономических и институциональных связей с центральным правительством. В результате ключевой проблемой фискальной системы ПНГ выступает высокая концентрация налоговой нагрузки на формальном (легальном) секторе экономики и городском населении [Public Finance Review…, 2026, p. 48].

Рис. 3. Доли разных налогов ПНГ в консолидированном бюджете страны
Источник: Public Finance Review World Bank. P. 44. URL: https://www.worldbank.org/en/country/png/brief/papua-new-guinea-public-finance-review-2026 (accessed: 02.07.2026)

В силу сложившихся структурных особенностей фискальной системы значительная доля налоговых поступлений в бюджет ПНГ аккумулируется за счет ограниченного круга крупных налогоплательщиков – преимущественно за счет транснациональных и национальных компаний сырьевого сектора, а также доходов квалифицированных работников. Налоговая база демонстрирует слабую динамику расширения, при этом

теневой сектор экономики остается практически вне сферы налогового охвата. Указанные дисбалансы находят отражение в ключевых характеристиках налоговой системы: повышенной ставке корпоративного налога, существенной зависимости доходной части бюджета от поступлений по налогу на доходы физических лиц, а также низкой эффективности налогового администрирования [Public Finance Review…, 2026, p. 46]. Следствием такой конфигурации фискальной политики выступает снижение конкурентоспособности национальной экономики Папуа – Новой Гвинеи. Существующая экономическая модель формирует системные барьеры для развития сектора малого и среднего предпринимательства, ограничивает потенциал бизнеса в части создания новых рабочих мест и сдерживать активность как местных, так и зарубежных инвесторов.

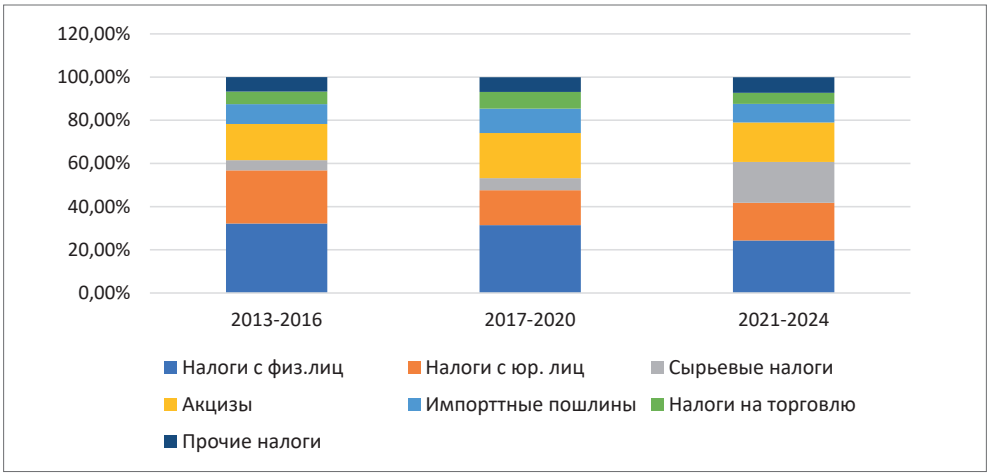

Рис. 4. Изменение налогообложения ПНГ в 2013–2024 гг.
Источник: Public Finance Review World Bank. URL: https://www.worldbank.org/en/country/png/brief/papua-new-guinea-public-finance-review-2026 (accessed: 02.07.2026)

Государственный долг и бюджетные ограничения

Значительная слабость экономики ПНГ и необходимость ее развития привели к тому, что в 2010-х годах ПНГ столкнулась с быстрым ростом государственного долга, как и многие другие развивающиеся страны. По данным Всемирного банка, государственный долг с 19% ВВП в 2012 г. к началу 2020-х годов вырос до более чем 50% ВВП, причем сильный удар нанесла пандемия коронавируса, резко ухудшившая состояние бюджета из-за высокой зависимости от налогов на физических и юридических лиц. Вследствие увеличения расходов на обслуживание долга ПНГ столкнулась с бюджетными ограничениями. Государство вынуждено было начать сокращение капитальных инвестиций в инфраструктуру и социальные

проекты [Public Finance Review…, 2026, p. 35]. По этой причине в настоящее время расходы на образование недостаточны, здравоохранение хронически недофинансировано, инфраструктурные проекты переносятся «вправо» или перекладываются на инвесторов в сырьевые проекты.

Трансформации системы налогообложения

В рамках трансформации бюджетной системы правительство ПНГ стремится перейти к модели финансирования государства преимущественно за счет природной и экспертной ренты (доходы от экспорта нефти, газа и металлов) при одновременном снижении налоговой нагрузки на население и локальный бизнес. Целевыми эффектами реформ заявлены рост доходов бюджета от добывающего сектора, повышение его прозрачности и направление рентных поступлений на развитие экономики Public Finance Review…, 2026; 2025 National Budget…, 2025, p. 10].

Одним из элементов реформ Правительства ПНГ выступает Среднесрочная программа формирования доходов (Medium-Term Revenue Strategy или MTRS) на 2023–2027 [Public Finance Review…, 2026, p. 17]. Основными задачами программы являются модернизация налоговой системы, цифровизация управленческих процессов, повышение собираемости налоговых платежей, сокращение неэффективных налоговых льгот и субсидий, а также обеспечение большей прозрачности экономических операций. Таким образом стратегический вектор реформ смещается с реализации жесткой налоговой политики на повышение эффективности экономической и фискальной системы [2025 National Budget…, 2025, p. 10].

Важным нормативным шагом в рамках данной повестки стало принятие в 2025 г. Закона о корпоративном налоге на прибыль (Income Tax Act 2025). Документ предусматривает обновление механизмов корпоративного налогообложения прибыли, совершенствование института налога на сверхприбыль, введение элементов налогообложения капитальной прибыли (в частности, налога на прирост капитала в сделках слияния и поглощения), а также усиление контроля за трансфертным ценообразованием. При этом реформа ориентирована, прежде всего, на будущие инвестиционные проекты. Действующие соглашения с инвесторами содержат положения о стабильности налогового режима, в силу чего условия, закрепленные в ранее выданных лицензиях, не подлежат пересмотру до истечения срока действия [2025 National Budget…, 2025, p. 66].

Роль ресурсной ренты

Несмотря на рост добычи и экспорта сырьевых и несырьевых товаров, государственные доходы ПНГ остаются значительно ниже возможных [Public Finance Review…, 2026, p. 32]. Причинами этого являются действую-

щие налоговые льготы иностранным инвесторам, слабое администрирование налогов на местах, непрозрачность экономики, сложные контрактные механизмы и соглашения о неизменности условий по действующим инвестиционным сырьевым проектам. В результате ПНГ долгое время получала сравнительно ограниченные бюджетные выгоды от собственных природных ресурсов, что вызвало социальные протесты, переходящие в гражданскую войну, как на острове Бугенвиль в 1980-х годах [Захарьев, 2019].

Новая ресурсная политика Правительства направлена на увеличение прямого государственного участие в капитале проектов с иностранным участием, усиление влияния государственных компаний Kumul Petroleum и Kumul Minerals в экономике [2025 National Budget…, 2025, p. 115], повышение доли доходов государства, направление ресурсных поступлений в бюджет [2025 National Budget…, 2025, p. 157]. Реформы предусматривают для бизнеса все преимущества современных государственных сервисов мирового уровня: упрощение налогового администрирования, цифровизацию налоговой системы, развитие электронного документооборота, расширение системы регистрации налогоплательщиков. Запуск электронных систем должен повысить собираемость налогов без прямого повышения нагрузки на локальный бизнес [2025 National Budget…, 2025, p. 157].

Папуа – Новая Гвинея осуществляет трансформацию фискально-экономической модели от подхода, основанного на высокой налоговой нагрузке на ограниченный круг субъектов формального сектора, к формированию более широкой и эффективной экономической системы при одновременном наращивании доходов от ресурсной ренты. При этом стратегический акцент смещается с краткосрочного освоения сырьевых доходов на долгосрочное управление природной рентой как инструментом устойчивого экономического развития.

Согласно оценкам Всемирного банка, человеческий капитал остается существенно недоиспользованным: ребенок, родившийся в ПНГ, способен реализовать лишь около 42% своего потенциального экономического вклада. Среди ключевых ограничителей – недостаточное развитие системы здравоохранения, низкое качество доступного государственного образования [2025 National Budget…, 2025, p. 20], высокий уровень бедности среди преимущественно сельского населения, а также дефицит квалифицированной рабочей силы. Целевым направлением использования будущих доходов от газовой отрасли и горнодобывающего сектора должно стать финансирование человеческого капитала (образование, здравоохранение, социальная защита) и повышение производительности труда – это позволит системно преодолеть указанные структурные барьеры.

Модернизация инфраструктуры в Папуа – Новой Гвинее

В Папуа – Новой Гвинее реализуется масштабная инфраструктурная программа «Connect PNG 2020–2040», ориентированная на повышение связанности страны [2025 National Budget…, 2025, p. 88]. Ключевые направления программы включают строительство и модернизацию дорожной сети, поэтапную электрификации удаленных территорий, развитие портовой инфраструктуры (с целью формирования новых логистических центров – в дополнение к двум действующим современным контейнерным портам в Порт-Морсби и Маданге), а также цифровизацию экономики и системы государственных услуг, а также формирование международных транспортных коридоров.

В реализации инфраструктурных проектов принимают активное участие внешние партнеры и финансовые институты: Австралия (являющаяся ключевым донором бюджета ПНГ), Китай (в рамках инициативы «Один пояс – один путь»), Азиатский банк развития, а также международные инвесторы. Развитие инфраструктуры рассматривается в качестве необходимого условия для расширения добычи минеральных ресурсов, наращивания объема внутренней переработки, формирования емкого внутреннего рынка, снижения логистических издержек, повышения инвестиционной привлекательности страны и диверсификации экономики за счет развития несырьевых отраслей.

Уязвимости новой экономической модели ПНГ

Несмотря на проводимые реформы, экономика ПНГ остается высокочувствительной к колебанию цен на сырьевые товары, конъюнктуре мировой экономики, определяющей спрос на энергоносители и базовые металлы, а также к состоянию глобальной логистической системы. Даже с учетом секвестра бюджетных расходов уровень государственного долга сохраняется на высоком уровне – 61–63 млрд кина, или 48–50% ВВП [2025 National Budget…, 2025, p. 35]. Существенными остаются риски, связанные с прозрачностью экономических процессов, эффективностью государственного и местного управления, а также с согласованностью решений между центральным правительством и провинциальными властями – в частности, в вопросах разделения доходов государством и землевладельцами [Миклухо-Маклай, 2023]. Указанные проблемы сохраняют актуальность и в рамках новой парадигмы реформ.

Описанные риски отражают структурные особенности предшествующего этапа развития, когда добывающий сектор обеспечивал основную долю экспортных поступлений, а налоговое бремя в значительной степени ложилось на население и локальный легальный бизнес. При этом

у государства отсутствовали достаточные ресурсы для системного развития инфраструктуры и человеческого капитала.

В настоящее время Папуа – Новая Гвинея осуществляет переход к новой модели экономического развития, в рамках которой природные ресурсы призваны выступать не только источником экспортной выручки, но и основой формирования устойчивой бюджетной системы. Ключевыми элементами данной модели являются усиление роли ресурсной ренты, реформа налогообложения добывающих отраслей, повышение прозрачности реализуемых сырьевых проектов, а также наращивание инвестиций в образование, здравоохранение и инфраструктурное развитие. Реализация этих мер создает предпосылки для существенного расширения масштабов национальной экономики.

Заключение

Успешная реализация нефтегазовых проектов может стать катализатором экономического роста Папуа – Новой Гвинеи, обеспечив увеличение государственных доходов, снижение фискальной нагрузки на легальный сектор и постепенную формализацию «теневой» экономики за счет развития кадрового потенциала и сервисной сферы. Важными инструментами этого процесса выступают импортозамещение, расширение лицензионного режима и развитие национальных компаний в сырьевых отраслях.

Вместе с тем долгосрочная устойчивость достигнутых результатов будет определяться эффективностью государственного управления ресурсной рентой, последовательным снижением зависимости экономики от сырьевого сектора и трансформацией экспортных доходов в реальные социально-экономические выгоды для населения, что призвано обеспечить рост уровня жизни населения.

Литература / References

1. Захарьев Я. О. Бугенвиль: тлеющий региональный конфликт и объект геостратегических экономических интересов участников «Большой игры» // Экономические отношения. 2019. Т. 9, № 3. С. 1549–1562. DOI 10.18334/eo.9.3.40873 [Zakharyev Ya. O. Bougainville: a smoldering regional conflict and an object of geostrategic economic interests of the participants in the «Great Game» // Economic relations. 2019. Vol. 9, No. 3. P. 1549–1562. (in Russian)]. DOI 10.18334/eo.9.3.40873
2. Миклухо-Маклай Н. Н. Внутренняя и внешняя политическая и экономическая деятельность нового правительства Папуа – Новой Гвинеи в период COVID-19 // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. 2020a. Т. II, № 2 (47). С. 86–101 [Miklouho-Maclay N. N. Internal and external political and economic activities of the new government of Papua New Guinea during the COVID-19 period // Southeast Asia: current development issues. 2020a. Vol. II, No. 2 (47). P. 86–101 (in Russian)].

3. Миклухо-Маклай Н. Н. Россия и Папуа – Новая Гвинея в свете новой политики островного государства – перспективы сотрудничества // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. 2020b. № 1(46). С. 450–461 [Miklouho-Maclay N. N. Russia and Papua New Guinea in Light of the New Policy of the Island State – Prospects for Cooperation // Southeast Asia: Current Development Issues. 2020b. No. 1(46). P. 450–461 (in Russian)].

4. Миклухо-Маклай Н. Н. Обзор экономического и политического положения Папуа – Новой Гвинеи в период COVID-19 в 2021 г. // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. 2021. Т. III. № 3(52). С. 203–219. DOI 10.31696/2072-8271-2021-3-3-52-203-219 [Miklouho-Maclay N. N. Review of the economic and political situation in Papua New Guinea during the COVID-19 period in 2021 // Southeast Asia: current development issues. 2021. Vol. III. No. 3(52). P. 203–219. (in Russian). DOI 10.31696/2072-8271-2021-3-3-52-203-219].

5. Миклухо-Маклай Н. Н. Роль землевладельцев в освоении природных ресурсов Папуа – Новой Гвинеи // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. 2023. Т. V, № 4 (61). С. 197–205. DOI: 10.31696/2072-8271-2023-5-4-61-197-205 [Miklouho-Maclay N. N. The role of landowners in the development of natural resources of Papua New Guinea // Southeast Asia: current problems of development. 2023. T. V, No. 4 (61). P. 197–205. DOI: 10.31696/2072-8271-2023-5-4-61-197-205 (in Russian)].

6. Куликовский М. Б. Проблемы социально-экономического развития Папуа – Новой Гвинеи в послеколониальный период. Автореферат дис. … кандидата экономических наук: 08.00.17. М.: ИВ РАН, 1992. 20 с. [Kulikovsky M. B. Problems of socio-economic development of Papua New Guinea in the post-colonial period. Abstract of the dissertation… candidate of economic sciences: 08.00.17. Moscow: Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, 1992. 20 p. (in Russian)].

7. Николаев В. П. Папуа – Новая Гвинея (Сер. «У политической карты мира». № 11). М.: Знание, 1989. 64 с. [Nikolaev V. P. Papua New Guinea (Series «At the Political Map of the World.» No. 11). Moscow: Knowledge, 1989. 64 p. (in Russian)].

8. Россия – Папуа-Новая Гвинея: перспективы сотрудничества. СПб: Фонд им. Миклухо-Маклая, [2025]. [12] с. [Russia – Papua New Guinea: Prospects for Cooperation. St. Petersburg: Miklouho-Maclay Foundation, [2025]. [12] p. (in Russian)]. URL: https://mikluho-maclay.org/wp-content/uploads/2025/06/papua_novaya_gvineya_biznes_ruspng_perspectives2025.pdf (дата обращения: 21.06.2026).

9. 2025 National Budget, Volume 1. Economic and Development Policies. [2025]. ix + 148 p. URL: https://www.treasury.gov.pg/wp-content/uploads/2024/12/Volume-1_final_compressed.pdf (accessed: 19.06.2026).

10. Campbell H. F., Owen A. D. The Economics of Papua New Guinea's Tuna Fisheries. Monograph. [W. p.]: Australian Centre for International Agricultural Research (ACIAR), 1994. 269 p.

11. Public Finance Review (English). Papua New Guinea. Washington DC: The World Bank, 2026. 170 p.

Электронные ресурсы / Electronic sources

1. Главное таможенное управление КНР. База данных статистики (海关统计数据查询平台). URL: http://stats.customs.gov.cn/indexEn (accessed: 12.06.2026).
2. Золотой остров в океане нефти открыт для российского бизнеса // Фонд им. Миклухо-Маклая. URL: https://mikluho-maclay.org/zolotoj-ostrov-v-okeane-nefti-otkryt-dlya-rossijskogo-biznesa/ (дата обращения: 21.06.2026).
3. Business Advantage PNG. URL: https://www.businessadvantagepng.com/papua-new-guinea-top-dozen-lng-exporters/ (accessed: 12.06.2026).
4. Department of Prime Minister and National Executive Council. URL: https://www.pmnec.gov.pg/prime-minister-marape-foresees-substantial-economic-growth-in-the-next-decade/ (accessed: 12.06.2026).
5. International Monetary Fund. URL: https://www.imf.org/external/datamapper/rgc@FPP/OEMDC/ADVEC/WEOWORLD/RUS/GBR (accessed: 17.06.2026).
6. Papua New Guinea: Productive Partnerships in Agriculture Project // World Bank Group. URL: https://www.worldbank.org/en/results/2014/12/02/papua-new-guinea-productive-partnerships-in-agriculture-project (accessed: 12.06.2026).
7. Statista. URL: https://www.statista.com/statistics/262860/uk-brent-crude-oil-price-changes-since-1976/ (accessed: 15.06.2026).
8. Statista. URL: https://www.statista.com/statistics/675854/average-prices-copper-worldwide/ (accessed: 22.06.2026).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Миклухо-Маклай Николай Николаевич – кандидат исторических наук, научный сотрудник Центра изучения Юго-Восточной Азии, Австралии и Океании Института востоковедения РАН, Москва, Российская Федерация

Miklouho-Maclay Jr. Nikolay N. – PhD (History), Senior Research Fellow, Center for the Study of Southeast Asia, Australia and Oceania Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Раскрытие информации о конфликте интересов
Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Информация о статье
Поступила в редакцию: 03.08.2026.
Одобрена после рецензирования и принята к публикации: 10.08.2026.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Conflicts of Interest Disclosure
The author declares that there is no conflict of interest.

Article info
Submitted: 03.08.2026.
Approved after peer reviewing and accepted for publication: 10.08.2026.

The author has read and approved the final manuscript.

Научная статья. Экономические науки
УДК 336.711
https://doi.org/10.31696/2227-5568-2026-03-061-074

РОССИЙСКИЕ ПЛАТЕЖНЫЕ СИСТЕМЫ ДЛЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ РАСЧЕТОВ КАК ОТВЕТ НА САНКЦИОННОЕ ДАВЛЕНИЕ

Василий Владиславович Панов
Институт востоковедения РАН, Москва, Россия
vasiliypanov21@gmail.com, SPIN-код: 7564-6839

Аннотация. Российская финансовая сфера столкнулась с двумя волнами санкций (2014 г. и 2022 г.) со стороны стран ЕС и США, которые ограничили использование традиционных каналов международных расчетов. В сложившихся условиях Центральному Банку, а также российским банкам и компаниям пришлось разработать новые платежные системы для обеспечения импортно-экспортных операций. Эта задача была успешно решена за счет внедрения новых технологических решений, сокрытия финансовой отчетности для адаптации к санкционному давлению, кооперации с центробанками и платежными компаниями в заинтересованных иностранных государствах. В дополнение к этому реализуются проекты создания платежных систем в рамках БРИКС.
Ключевые слова: рублевый стейблкоин, корреспондентские счета, интеграция платежных систем, санкционное давление

Для цитирования: Панов В. В. Российские платежные системы для международных расчетов как ответ на санкционное давление. *Восточная аналитика*. 2026;17(3):61-74. https://doi.org/10.31696/2227-5568-2026-03-0061-074

RUSSIAN PAYMENT SYSTEMS FOR INTERNATIONAL PAYMENTS IN RESPONSE TO SANCTIONS

Vasiliy V. Panov
Institute of Oriental Studies Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
vasiliypanov21@gmail.com, SPIN-код: 7564-6839

Abstract. Russia's financial sector has faced two rounds of sanctions (in 2014 and 2022) imposed by the European Union and the United States. These sanctions limited the use of traditional channels for international payments. As a result, the Central Bank of Russia, Russian banks, and companies had to develop new payment systems to support import and export transactions. This was achieved through the introduction of new technologies, limiting public access to financial reporting in response to sanctions, and cooperation with central banks and payment companies in partner countries. In addition, projects to develop payment systems within the BRICS framework are currently underway.

Keywords: ruble-backed stablecoin, correspondent accounts, payment system integration, sanctions pressure

For citation: Panov V. V. Russian Payment Systems for International Payments in Response to Sanctions. *Eastern Analytics*. 2026;17(3):61-74. (In Russ.) https://doi.org/10.31696/2227-5568-2026-03-061-074

Контент доступен под лицензией Creative Commons «Attribution-ShareAlike» («АтрибуцияСохранениеУсловий») 4.0 Всемирная.

© Панов В. В., 2026
© Восточная аналитика, 2026

В 2025 г. российский бизнес осуществил внешнеторговые операции на сумму около 697 млрд долл. США[1]. Стоимость российского экспорта составила 418 млрд долл. США, что выводит РФ на 19-е место в мире по объему экспорта[2]. По сравнению с 2024 г. экспорт снизился на 3,7%. Несмотря на отрицательную динамику, вызванную рядом факторов, к которым в том числе относятся американские и европейские рестрикции в отношение российского финансового сектора, России удалось быстро создать новые каналы для международных расчетов. Нарастающее санкционное давление стало фактором, способствующим появлению новых систем для международных платежей и их скорейшему внедрению в сферу ВЭД.

Финансовые продукты для международных расчетов, разработанные Центральным Банком России

Начиная с 2014 г. государство играет основную роль в создании альтернативных финансовых продуктов. Наибольших результатов удалось добиться Центральному банку. Разработчики ЦБ представили сразу две системы, с помощью которых можно совершать международные транзакции. Разница между ними заключается в целевой аудитории. СПФС[3] – система, предназначенная для банков и крупных компаний, а НСПК[4] – для физических лиц (россиянам более известна находящаяся под ее управлением Система быстрых платежей, осуществляемых по номеру телефона).

Хотя изначально СБП задумывалась как внутрироссийская система платежей, к лету 2026 г. возможны переводы по номеру телефона в 50 банков-партнеров в иностранных государствах (в основном страны СНГ, а также Лаос). Наиболее выгодные условия, которые можно сравнить с внутрироссийскими, предлагает «Т-Банк». Его клиентам доступны переводы без комиссии на сумму до 30 млн руб. в месяц в девять стран. Другие банки взимают небольшую комиссию и имеют меньшие лимиты[5]. Перед совершением перевода важно уточнять у поддержки российского банка список иностранных банков партнеров СБП.

---

[1] Российский экспорт и импорт, итоги 2025 // Информационно-аналитическое агентство Sea News. URL: https://seanews.ru/2026/02/12/ru-rossijskij-jeksport-i-import-itogi-2025/ (дата обращения: 29.07.2026).

[2] Рейтинг: 30 крупнейших стран по объему экспорта в 2025 г. // Naked Science. URL: https://naked-science.ru/community/1122433 (дата обращения: 29.07.2026).

[3] Система передачи финансовых сообщений.

[4] Национальная система платежных карт. Обеспечивает обработку операций по картам Мир и по Системе быстрых платежей.

[5] Россиянам стали доступны переводы по СБП в 9 стран. URL: https://www.rbc.ru/life/news/6788b1969a794776ab81caff (дата обращения: 29.07.2026).

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-ShareAlike 4.0 International (CC BY-SA 4.0).

© Panov V. V., 2026
© Eastern Analytics, 2026

Российская СПФС является аналогом системы SWIFT, которая обрабатывает 80% мировых межбанковских платежей и считается мировым монополистом. Первые угрозы по отключению России от системы SWIFT прозвучали еще в 2014 г. Они послужили обоснованием для создания и запуска национальной системы уже в 2015 г. Российская система использует тот же формат финансовых сообщений ISO 20022, используемый SWIFT, что делает ее совместимой для работы с банками по всему миру. Однако российская система не использует цепочки корреспондентских счетов в иностранных банках, что делает ее невосприимчивой к санкциям[6].

Крупнейшие российские банки («Сбербанк», ВТБ, «Альфа-банк», Банк «Открытие» и др.) подверглись санкциям ЕС и Великобритании и были отключены от международной системы обмена корреспондентскими сообщениями SWIFT в марте 2022 г.[7] Санкционное давление с последующие годы нарастало: по состоянию на июль 2026 г. 46 российских банков оказались под санкциями США (были помещены в SDN-лист, нахождение в котором запрещает сделки с использованием доллара, а также с участием граждан и резидентов США)[8].

И несмотря на то, что оставшиеся 250 российских банков остались незатронуты санкциями, использование этого инструмента стало затруднительным по причине увеличившихся сроков отправки и непредсказуемости результатов. Начиная с марта 2022 г., значительно возросли длительность обработки переводов и доля отказов по операциям, что сделало этот платежный инструмент слишком непредсказуемым. В дополнение к этому с 01.10.2023 Центробанк запретил российским банкам использовать SWIFT для внутренних платежей[9]. Это решение сделало СПФС монополистом в области внутрироссийских межбанковских переводов.

Система имела иностранных абонентов до 2022 г. С марта того же года список иностранных партнеров больше не публикуется, чтобы защитить финансовые потоки от санкционного давления[10]. Крупнейшим иностранным партнером СПФС является китайская система передачи финансовых сообщений CIPS. Этот канал используется как российскими банками для

---

[6] Система передачи финансовых сообщений // Банк России. URL: https://www.cbr.ru/Psystem/fin_msg_transfer_system/ (дата обращения: 29.07.2026).

[7] Список банков под санкциями 2022 // Сравни ру. URL: https://www.sravni.ru/text/spisok-bankov-pod-sankcziyami-2022/ (дата обращения: 29.07.2026)

[8] Какие банки находятся под санкциями в 2026 году: полный список // Банки ру. URL: https://www.banki.ru/news/daytheme/?id=10965728 (дата обращения: 29.07.2026).

[9] С 1 октября банкам запрещено использовать SWIFT для переводов внутри России // Российская газета. URL: https://rg.ru/2023/10/01/s-1-oktiabria-bankam-zapreshcheno-ispolzovat-swift-dlia-perevodov-vnutri-rossii.html (дата обращения: 29.07.2026).

[10] ЦБ скрыл список участников Системы передачи финансовых сообщений // Коммерсантъ. URL: https://www.kommersant.ru/doc/5316726 (дата обращения: 29.07.2026).

управления своими корреспондентскими счетами в банках-партнерах в Китае, так и филиалами китайских банков в России. Корреспондентские счета открыты в рублях и юанях. По данным министерства финансов, доля национальных валют во взаиморасчетах составила 99% в 2026 г. Российские банки имеют многочисленные корреспондентские счета в банках-партнерах стран СНГ и БРИКС, которые также открыты в национальных валютах[11].

Помимо аналога SWIFT, Центробанк разрабатывает нормативную базу, на основе которой иностранные банки получат доступ к цифровому рублю. Изначально планировалось предоставить такую возможность в 2025 г., однако по состоянию на июль 2026 г. проект еще не реализован. Одна из причин задержки в реализации – медленный темп распространения цифрового рубля в самой РФ. Принятый в июле 2025 г. закон о цифровом рубле обязывает российские системно значимые банки предоставлять клиентам возможность проводить операции с цифровым рублем[12]. Этот шаг является необходимым перед подключением системе иностранных банков.

Центральный Банк России имеет опыт успешной интеграции финансовых продуктов, которые изначально разрабатывались для национального рынка с зарубежными финансовыми инструментами для расширения возможностей трансграничных платежей. Такая интеграция была быстро реализована со страной, оказавшейся в схожей с Россией ситуацией, вызванной санкционным давлением на финансовый сектор. В 2014 г. РФ начала разработку национальной платежной системы «МИР», следуя примеру Ирана, представившего платежную систему «Шетаб» в 2002 г.[13] Интеграция платежных систем двух стран началась в 2022 г. и состояла из трех этапов. Их реализации предшествовало подписание главами центробанков двух стран в июле 2024 г. российско-иранского валютного соглашения. Соглашение направлено на обеспечение обменной ликвидности для проведения взаимных расчетов в рублях и оффшорных риалах[14].

Первый этап: подключение банковских сетей состоялось в ноябре 2024 г., что позволило иранским гражданам снимать рубли в российских банкоматах с помощью иранских карт. В январе 2025 г. состоялось подключение российской СПФС и иранской SEPAM, что является важнейшим тех-

---

[11] Силуанов: Торговля России и Китая на 99% перешла на расчеты в нацвалютах // Деловая газета Взгляд. URL: https://vz.ru/news/2026/5/13/1418460.html (дата обращения: 29.07.2026).

[12] Федеральный закон от 23.07.2025 г. № 248-ФЗ // Правительство России. URL: http://government.ru/docs/all/160192/ (дата обращения: 29.07.2026).

[13] Шетаб (Национальная платежная система Ирана) // TADVISER. URL: https://clck.ru/3UzfBJ (дата обращения: 29.07.2026).

[14] Подписание первого валютного соглашения между Ираном и Россией // Pars Today Russian. URL: https://telegram.me/parstodayrussian/168704 (дата обращения: 29.07.2026).

ническим условием для обеспечения межбанковских транзакций между странами. Второй этап предоставил российским туристам возможность расплачиваться картами «МИР» в Иране, а также с помощью установленной на смартфон системы Mir Pay, прикладывая их к терминалам «Шапарк». Третий этап, позволяющий иранцам расплачиваться картами «Шетаб» в российских терминалах, должен быть реализован к сентябрю 2026 г.[15]

Растянувшаяся на четыре года интеграция российской и иранской платежных систем продемонстрировала бюрократические и технические сложности, на устранение которых ушло четыре года даже при условии наличия политической воли у руководства обеих стран. В октябре 2022 г. министр экономики и финансов Ирана Эхсан Хандузи дал интервью агентству Sputnik по итогу переговоров со своим российским коллегой. Иранский министр сообщал о намерении реализовать проект в течение двух-трех месяцев[16]. Опыт реализации российско-иранского проекта является наиболее свежим и позволяет говорить о том, что срок реализации аналогичных проектов с другими странами может составить от двух до четырех лет при наличии у партнеров политической воли противостоять санкционному давлению.

Государственно-частное партнерство в сфере создания каналов для трансграничных расчетов

Деятельность российского предпринимателя молдавского происхождения Илана Шора можно считать примером успешного государственно-частного партнерства в сфере обеспечения международных расчетов. В октябре 2024 г. И. Шор в партнерстве с государственным Банком ПСБ основал Российскую систему международных расчетов A7. Компания предлагает осуществить перевод в любую страну мира с использованием своей собственной финансовой инфраструктуры. Согласно актуальным тарифам на февраль 2026 г., комиссия по импортному платежу составляет 0,3% от суммы перевода, в дополнение к этому требуется уплата НДС. Транзакции осуществляются в долларах США, евро, юанях и в дирхамах ОАЭ, другие валюты могут быть использованы по согласованию с менеджером A7. Получение платежа за экспорт облагается фиксированной комиссией 50 000 руб. Платеж может быть осуществлен в любой валюте[17]. Специалисты A7 предлагают юридическое сопровождение и подготовку

---

[15] Иран и Россия в течение двух месяцев соединят платежные системы стран // РИА Новости. URL: https://ria.ru/20260616/iran-2099304877.html (дата обращения: 29.07.2026).

[16] Интервью Министр экономики и финансов Ирана Эхсан Хандузи // Sputnik Иран. URL: https://t.me/parstodayrussian/111807 (дата обращения: 29.07.2026).

[17] Тарифы на проведение платежей // Официальный сайт A7. URL: https://a7-agent.ru/docs/tariffs/Tarifi_na_provedenie_platejei_01_03_2026.pdf (дата обращения: 29.07.2026).

отчетной документации для российских ведомств. Физическим лицам также доступны переводы в любую страну на сумму от 500 тысяч рублей с комиссией 0,5% от суммы.

Относительно невысокие тарифы и экосистемный подход, предусматривающий не только отправку денег, но и консалтинг с юридической помощью, позволили A7 занять значительную часть российского рынка ВЭД. В 2025 г. через компанию прошло около 19% внешнеторговых операций российского бизнеса, что эквивалентно 10 трлн руб.[18] – весьма впечатляющий результат для компании, основанной всего за год до этого. Очевидно, группа A7 опиралась на финансовую инфраструктуру Банка ПСБ.

Японско-британская газета Financial Times подтверждает эти впечатляющие цифры и выдвигает предположение о финансовой инфраструктуре, позволяющей обрабатывать значительные финансовые потоки. Ссылаясь на исследование американской аналитической компании TRM Labs, они оценивают сумму переводов, доставленных через промежуточные кошельки, как минимум в 56 млрд долл. США[19]. Промежуточные кошельки используются для транзита денежных средств между основным кошельком компании и получателем для безопасности, и что особенно важно для A7 – конфиденциальности.

TRM Labs выпустила наиболее подробный материал, детально описывающий функционирование финансовой инфраструктуры A7. Исследование не лишено политической ангажированности и указывает на то, что в списке клиентов A7 числятся: «Хизбалла», ХАМАС, северокорейские хакеры, а также ее используют в КСИР для продажи нефти из Ирана. Американские аналитики считают рублевый стейблкоин A7A5 внутренним бухгалтерским инструментом для перевода средств внутри A7, так как большая часть транзакций (на сумму 110 млрд долл. США) циклично выполняется между собственными кошельками сети. Для расчета с иностранными контрагентами A7 используют долларовый стейблкоин USDT, который можно легко конвертировать в любую криптовалюту. В России менеджеры A7 обменивают USDT на фиатный рубль на московских рынках, ежедневно использующих большие суммы наличных денег, по типу «Садовода». Далее эта наличность направляется через корреспондентские банковские цепочки в казначейский пул филиалов A7 в ОАЭ, Китае, Турции и в Киргизии. Американское исследование выявило два уровня инфраструктуры: фиатные деньги, перемещаемые через корреспондентские счета для коммерческой торговли, а также криптовалюта для опера-

[18] A7 – Российская система международных расчетов // Официальный сайт A7. URL: https://www.a7.ru/about (дата обращения: 29.07.2026).

[19] FT описала схему перевода денег из России на 100 млрд долл. США // РБК. URL: https://www.rbc.ru/finances/05/02/2026/698449bd9a794734f8958dae (дата обращения: 29.07.2026).

ций с клиентами с высоким санкционным риском[20]. Появление подобных качественных аналитических материалов может способствовать росту международного давления на инфраструктуру А7 за границей.

Еще одним успешным продуктом ПСБ и А7 является первый рублевый стейблкоин A7A5. Он привязан к российскому рублю с курсом 1:1. Выпуск токена производится в Киргизии через компанию «А7-Кыргызстан», которая принадлежит И. Шору. Ликвидность стейблкоина обеспечивается идентичным сумме токенов рублевым эквивалентом (имеется в виду фиатный рубль – традиционная форма валюты). То есть каждый стэйблкоин обеспечен одним рублем в традиционной форме.

Для проведения трансграничных расчетов нужно зарегистрироваться на платформе, выпускающей цифровые активы «Токеон» от ПСБ, и купить там рублевый стейблкоин (оплата возможна с банковской карты). Далее стейблкоин нужно перевести на криптокошелек контрагента, который может быть открыт на любой криптобирже. Удобство заключается в том, что иностранный партнер получает сумму в широко-распространенных публичных криптовалютах Tron или Ethereum и далее может конвертировать их во что угодно. Еще один плюс – это отсутствие необходимости платить НДС[21].

Важным нюансом для российских пользователей A7A5 является ее правовой статус. В России на начало июля 2026 г. отсутствует законодательное регулирование криптовалюты, что затрудняет ее массовое применение в сфере ВЭД. В этом контексте важна сертификация A7A5 в качестве Цифрового финансового актива, которая произошла в сентябре 2025 г. Этот статус предоставляется финансовым продуктам на основе технологии блокчейн. Но в отличие от традиционных криптовалют ЦФА выпускаются эмитентами, которые получили лицензию от Центробанка России. Таким образом, компании и регулятор имеют финансовые обязательства перед инвесторами, чего нет в случае с криптовалютами[22].

Российские участники ВЭД восприняли новый продукт с большим энтузиазмом: за неполные 12 месяцев 2025 г. было осуществлено 250 тысяч транзакций на сумму боле чем 100 млрд долл. США[23]. По данным самой

---

[20] The A7 Leaks: TRM's On-Chain Analysis of Russia's Cryptocurrency Connections // TRM Labs. URL: https://www.trmlabs.com/resources/blog/the-a7-leaks-trms-on-chain-analysis-of-russias-cryptocurrency-connections (accessed: 29.07.2026).

[21] Рублевый стейблкоин A7A5 первым в России признан ЦФА. Что это значит // РБК. URL: https://www.rbc.ru/crypto/news/68db8e659a79477c04cc23d9?ysclid=mrq7d2rk3z980264206 (дата обращения: 29.07.2026).

[22] Чем ЦФА отличается от криптовалюты // Токеон ПСБ. URL: https://tokeon.ru/voprosy-otvety/chem-cfa-otlichaetsya-ot-kriptovalyuty (дата обращения: 29.07.2026).

[23] Объем транзакций рублевого стейблкоина A7A5 превысил $100 млрд // Ведомости Капитал. URL: https://www.vedomosti.ru/kapital/trends/news/2026/01/23/1171431-rublevogo-steiblkoina (дата обращения: 29.07.2026).

компании – эмитента A7A5, на их продукт приходится 43% общемировых расчетов в недолларовых стейблкоинах[24]. Эффективность этого инструмента подтверждается введением 21-го пакета санкций ЕС 23.07.2026, который позволяет союзу блокировать не только конкретные криптобиржи, но и запрещать криптовалютные операции с третьими странами[25]. В этом контексте очевидно, что санкции могут быть введены против Киргизии, выступающей базой для первого рублевого стейблкоина.

Российские законодатели вместе с Центральным банком работают над расширением официальных каналов для международных расчетов. Так, 21.07.2026 Государственная дума согласовала закон об обороте криптовалют сразу во втором и в третьем чтении. Основные положения закона должны заработать к 1 сентября 2026 г. Документ дозволяет оборот криптовалют только через лицензированных Центробанком посредников, при этом внутри России будет невозможно использовать криптовалюту для оплаты товаров и услуг. Наиболее важным является отсутствие такого рода ограничений для участников ВЭД. Им будут доступны все типы кошельков, а также любые криптовалюты и стейблкоины[26]. Эта мера не только обелит сферу трансграничных переводов в криптовалюте, но и позволит разнообразить варианты расчетов с зарубежными контрагентами.

Переводы через российские банки

Помимо внедрения новых финансовых инструментов российские банки работают над совершенствованием традиционных каналов денежных переводов. Так, экосистемный подход стал обязательным для большинства российских банков, работающих в сфере ВЭД. Она заключается во всеобъемлющем сопровождении в ходе международной сделки. В 2026 г. экосистема ВЭД ВТБ была признана лучшей по результатам голосования членов Торгово-промышленной палаты РФ[27]. Помимо денежных переводов за рубеж, банк предлагает проверку контрагентов, подготовку документов для прохождения валютного контроля, сопровождение на переговорах (особенно интересна услуга, включающая в себя сопровождение востоковедом-китаистом)[28].

---

[24] В A7A5 назвали причины роста спроса на недолларовые стейблкоины // РБК. URL: https://www.rbc.ru/crypto/news/6a2ac7e39a79471a9ad6950f (дата обращения: 29.07.2026).

[25] ЕС принял 21-й пакет санкций против России // Коммерсантъ. URL: https://www.kommersant.ru/doc/8833319 (дата обращения: 29.07.2026).

[26] Госдума приняла закон для легального обращения криптовалют // РИА Новости. URL: https://ria.ru/20260721/gosduma-2106039338.html (дата обращения: 29.07.2026).

[27] ВТБ получил «Золотой Меркурий» за решения для ВЭД // БанкИнформ. URL: https://bankinform.ru/news/142034 (дата обращения: 29.07.2026).

[28] Комплексная поддержка ВЭД «под ключ» // ВТБ. URL: https://www.vtb.ru/malyj-biznes/raschetnoe-obsluzhivanie/ved-i-valyutnyy-kontrol/valyutnyj-kontroller/ (дата обращения: 29.07.2026).

Для переводов в другие страны ВТБ опирается на собственные филиалы, которые работают в Армении, Белоруссии, Казахстане, Узбекистане, а также в Китае и Индии. Работа индийских филиалов российских банков «Сбербанк Индия» и «ВТБ Индия» осложнилась после их попадания в 21-й пакет санкций ЕС 24.07.2026. В пресс-службе ВТБ заявили об ограниченном эффекте акций ЕС, так как их филиал интегрирован в работу национальных платежных систем России и Индии, поэтому финансовая информация передается по защищенным каналам, которые неподвержены контролю третьих стран. Эта система позволяет продолжить переводы в национальных валютах[29].

Российские туристы также имеют возможность пополнять иностранные карты и электронные кошельки, используя карты российских банков. В первом полугодии 2026 г. вырос объем таких операций среди клиентов Т-Банка, совершавших туристические поездки в КНР. Вице-президент банка заявил, что клиенты банка могут перевести деньги на карты 42 банков-партнеров в Китае. Однако этот вариант не является популярным, так как сумма по этим операциям составила всего 49,8 млн руб. за шесть месяцев 2026 г. Более удобной платежной системой, используемой российскими туристами в Китае, является электронный кошелек Ali pay, на которые клиенты Т-банка перевели уже 1,2 млрд руб.[30]

Международные платежные системы, продвигаемые в рамках БРИКС

Помимо национальных финансовых инструментов российские туристы и особенно предприниматели возлагают надежды на создание децентрализованных платежных систем в рамках БРИКС. Наиболее близкой к полноценному запуску считается система «БРИКС Пэй». Система должна быть запущена на международном уровне в 2026–2027 гг. Она позволит проводить операции на двух уровнях: между физическими лицами и бизнесом, а также крупные переводы (от 2000 долл.) между компаниями. Система будет доступна гражданам всех стран мира при использовании платежных систем стран БРИКС и западных стран. Для использования необходимо добавить карту в приложение и оплачивать покупки с помощью QR-кодов. Функционирование системы будет поддерживаться работой независимых и равных серверов, расположенных в странах БРИКС[31].

---

[29] «ВТБ Индия» использует в расчетах закрытые каналы // ТАСС. URL: https://tass.ru/ekonomika/27949023 (дата обращения: 29.07.2026).

[30] Директор ключевых экосистемных сервисов Т-банка о развитии международных платежей // Ведомости. URL: https://www.vedomosti.ru/finance/characters/2026/07/22/1215510-sergei-hromov-rinok-transgranichnih-perevodov-pohozh-na-igru-poimai-krota (дата обращения: 29.07.2026).

[31] BRICS PAY Products // BRICS PAY official website. URL: https://brics-pay.com/BRICS-Pay-C2B (accessed: 29.07.2026).

Обмен финансовыми сообщениями будет происходить напрямую между центробанками стран участниц, минуя корреспондентские счета банков расположенных в странах ЕС и США, как это устроено в SWIFT. Система, разрабатываемая странами группы БРИКС, называется DCMS[32] (децентрализованная трансграничная система передачи финансовых сообщений). Такое устройство сделает систему неуязвимой перед санкционным давлением и более защищенной от хакерских атак. С технической точки зрения взаимодействие Центробанков стран БРИКС будет осуществляться на основе Индийского протокола UPI (Unified Payments Interface), на котором построена их национальная платежная система. Благодаря этому Индия стала главным координатором данного проекта. Россия также участвует в его разработке. Российский совет промышленников и предпринимателей занимается его реализацией, участвуя в Деловом совете БРИКС[33].

На июль 2026 г. приложение BRICS Pay уже доступно для установки в популярных магазинах приложений App Store и Google Play[34]. В России регистрацию удается пройти только с использованием VPN. Необходимо указать электронную почту, выбрать страну проживания и подтвердить, что являешься ее налоговым резидентом. Далее необходимо пройти идентификацию: подтвердить номер и личность и привязать карту, однако для российских пользователей эти функции пока недоступны. Интеграция BRICS Pay с платежными системами стран СНГ запланирована на 2026 г.

Разработчики BRICS Pay отмечают социальный характер своего проекта. Они сотрудничают с ООН, а реализация проекта способствует достижению первой, второй, восьмой и десятой ЦУР (ликвидация нищеты, ликвидация голода, достойная работа и экономический рост, уменьшение неравенства)[35].

BRICS PAY – не единственный финансовый продукт для расчетов между странами БРИКС, однако он наиболее проработан и близок к запуску. В ходе председательства России в организации в 2024 г. были также предложены: децентрализованная система UNIT, работающая на системе блокчейн. Предполагается, что в рамках этой экосистемы будут выпускаться стейблкоины, привязанные к золоту и национальным валютам стран объединения. Еще одной потенциальной системой для передачи финансовых

---

[32] Decentralized Cross-Border Messaging System.

[33] BRICS Pay: что это такое и как устроена система // РБК. URL: https://www.rbc.ru/base/16/06/2026/6a1590959a7947b904079913 (дата обращения: 29.07.2026).

[34] BRICS Pay App // App Store. URL: https://apps.apple.com/us/app/brics-pay/id6751258985 (accessed: 29.07.2026).

[35] BRICS PAY Philosophy // BRICS PAY official website. URL: https://brics-pay.com/ (accessed: 29.07.2026).

сообщений является инициатива BRICS Bridge. Она также будет работать с цифровыми активами, привязанными к национальным валютам, однако их выпуск будут осуществлять центробанки стран-участниц[36]. По состоянию на июль 2026 г. обе системы находятся на ранней стадии разработки, однако, действия предпринимаемые Центральным Банком России по внедрению цифрового рубля, а также выпуск первого рублевого стейблкоина A7A5 российской компанией A7 создают необходимые инструменты для ускорения создания этих международных платежных систем.

Подводя итог, стоит отметить двоякий эффект, который иностранные санкции оказали на российский рынок международных расчетов. С одной стороны, они сделали традиционные формы трансграничных расчетов более дорогими, долгими по времени и непредсказуемыми, что усложнило проведение импортных и экспортных операций. В то же время ограничения стимулировали государство (в лице ЦБ РФ), а также российские банки и компании на создание независимой финансовой инфраструктуры. Эта политика привела к появлению ряда финансовых каналов, находящихся в российской юрисдикции, через которые участники ВЭД могут совершать переводы, не опасаясь иностранных санкций. Столь значимого результата удалось добиться за счет применения новых финансовых технологий (блокчейн, стейблкоины), эффективного государственно-частного партнерства, сотрудничества с заинтересованными иностранными государствами и международными организациями и скрытия финансовой отчетности для избежания санкционного давления.

Складываются условия для здоровой конкуренции между существующими системами для международных расчетов, которая может привести к стабильному повышению качества трансграничных финансовых операций. А распространение новых финансовых технологий внутри России будет способствовать ее скорейшему включению в незападные платежные системы, такие как BRICS Pay.

Электронные ресурсы / Electronic sources

1. A7 – Российская система международных расчётов // Официальный сайт A7. URL: https://www.a7.ru/about (дата обращения: 29.07.2026).
2. В A7A5 назвали причины роста спроса на недолларовые стейблкоины // РБК. URL: https://www.rbc.ru/crypto/news/6a2ac7e39a79471a9ad6950f (дата обращения: 29.07.2026).
3. «ВТБ Индия» использует в расчетах закрытые каналы // ТАСС. URL: https://tass.ru/ekonomika/27949023 (дата обращения: 29.07.2026).

[36] Enhancing Cross-Border Settlement Mechanisms Among BRICS Member States // BRICS Expert council Russia. URL: https://bricscouncil.ru/en/analytics/sovershenstvovanie-mekhanizmov-transgranichnykh-raschetov-mezhdu-stranami-chlenami-briks (accessed: 29.07.2026).

4. ВТБ получил «Золотой Меркурий» за решения для ВЭД // БанкИнформ. URL: https://bankinform.ru/news/142034 (дата обращения: 29.07.2026).
5. Госдума приняла закон для легального обращения криптовалют // РИА Новости. URL: https://ria.ru/20260721/gosduma-2106039338.html (дата обращения: 29.07.2026).
6. Директор ключевых экосистемных сервисов Т-банка о развитии международных платежей // Ведомости. URL: https://www.vedomosti.ru/finance/characters/2026/07/22/1215510-sergei-hromov-rinok-transgranichnih-perevodov-pohozh-na-igru-poimai-krota (дата обращения: 29.07.2026).
7. ЕС принял 21-й пакет санкций против России // Коммерсантъ. URL: https://www.kommersant.ru/doc/8833319 (дата обращения: 29.07.2026).
8. Интервью Министр экономики и финансов Ирана Эхсан Хандузи // Sputnik Иран. URL: https://t.me/parstodayrussian/111807 (дата обращения: 29.07.2026).
9. Иран и Россия в течение двух месяцев соединят платежные системы стран // РИА Новости. URL: https://ria.ru/20260616/iran-2099304877.html (дата обращения: 29.07.2026).
10. Какие банки находятся под санкциями в 2026 году: полный список // Банки ру. URL: https://www.banki.ru/news/daytheme/?id=10965728 (дата обращения: 29.07.2026).
11. Комплексная поддержка ВЭД «под ключ» // ВТБ. URL: https://www.vtb.ru/malyj-biznes/raschetnoe-obsluzhivanie/ved-i-valyutnyy-kontrol/valyutnyj-kontroller/ (дата обращения: 29.07.2026).
12. Объем транзакций рублевого стейблкоина A7A5 превысил $100 млрд. // Ведомости Капитал. URL: https://www.vedomosti.ru/kapital/trends/news/2026/01/23/1171431-rublevogo-steiblkoina (дата обращения: 29.07.2026).
13. Подписание первого валютного соглашения между Ираном и Россией // Pars Today Russian. URL: https://telegram.me/parstodayrussian/168704 (дата обращения: 29.07.2026).
14. Рейтинг: 30 крупнейших стран по объему экспорта в 2025 г. // Naked Science. URL: https://naked-science.ru/community/1122433 (дата обращения: 29.07.2026).
15. Российский экспорт и импорт, итоги 2025 // Информационно-аналитическое агентство Sea News. URL: https://seanews.ru/2026/02/12/ru-rossijskij-jeksport-i-import-itogi-2025/ (дата обращения: 29.07.2026).
16. Россиянам стали доступны переводы по СБП в 9 стран. URL: https://www.rbc.ru/life/news/6788b1969a794776ab81caff (дата обращения: 29.07.2026).
17. Рублевый стейблкоин A7A5 первым в России признан ЦФА. Что это значит // РБК. URL: https://www.rbc.ru/crypto/news/68db8e659a79477c04cc23d9?ysclid=mrq7d2rk3z980264206 (дата обращения: 29.07.2026).
18. С 1 октября банкам запрещено использовать SWIFT для переводов внутри России // Российская газета. URL: https://rg.ru/2023/10/01/s-1-oktiabria-bankam-zapreshcheno-ispolzovat-swift-dlia-perevodov-vnutri-rossii.html (дата обращения: 29.07.2026).
19. Силуанов: Торговля России и Китая на 99% перешла на расчеты в нацвалютах // Деловая газета Взгляд. URL: https://vz.ru/news/2026/5/13/1418460.html (дата обращения: 29.07.2026).

20. Система передачи финансовых сообщений // Банк России. URL: https://www.cbr.ru/Psystem/fin_msg_transfer_system/ (дата обращения: 29.07.2026).
21. Список банков под санкциями 2022 // Сравни ру. URL: https://www.sravni.ru/text/spisok-bankov-pod-sankcziyami-2022/ (дата обращения: 29.07.2026)
22. Тарифы на проведение платежей // Официальный сайт А7. URL: https://a7-agent.ru/docs/tariffs/Tarifi_na_provedenie_platejei_01_03_2026.pdf (дата обращения: 29.07.2026).
23. Федеральный закон от 23.07.2025 г. № 248-ФЗ // Правительство России. URL: http://government.ru/docs/all/160192/ (дата обращения: 29.07.2026).
24. ЦБ скрыл список участников Системы передачи финансовых сообщений // Коммерсантъ. URL: https://www.kommersant.ru/doc/5316726 (дата обращения: 29.07.2026).
25. Чем ЦФА отличается от криптовалюты // Токеон ПСБ. URL: https://tokeon.ru/voprosy-otvety/chem-cfa-otlichaetsya-ot-kriptovalyuty (дата обращения: 29.07.2026).
26. Шетаб (Национальная платежная система Ирана) // TADVISER. URL: https://clck.ru/3UzfBJ (дата обращения: 29.07.2026).
27. FT описала схему перевода денег из России на 100 млрд долл. США // РБК. URL: https://www.rbc.ru/finances/05/02/2026/698449bd9a794734f8958dae (дата обращения: 29.07.2026).
28. BRICS Pay App // App Store. URL: https://apps.apple.com/us/app/brics-pay/id6751258985 (accessed: 29.07.2026).
29. BRICS PAY Philosophy // BRICS PAY official website. URL: https://brics-pay.com/ (accessed: 29.07.2026).
30. BRICS PAY Products // BRICS PAY official website. URL: https://brics-pay.com/BRICS-Pay-C2B (accessed: 29.07.2026).
31. BRICS Pay: что это такое и как устроена система // РБК. URL: https://www.rbc.ru/base/16/06/2026/6a1590959a7947b904079913 (дата обращения: 29.07.2026).
32. Enhancing Cross-Border Settlement Mechanisms Among BRICS Member States // BRICS Expert council Russia. URL: https://bricscouncil.ru/en/analytics/sovershenstvovanie-mekhanizmov-transgranichnykh-raschetov-mezhdu-stranami-chlenami-briks (accessed: 29.07.2026).
33. The A7 Leaks: TRM's On-Chain Analysis of Russia's Cryptocurrency Connections // TRM Labs. URL: https://www.trmlabs.com/resources/blog/the-a7-leaks-trms-on-chain-analysis-of-russias-cryptocurrency-connections (accessed: 29.07.2026).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Панов Василий Владиславович – Лаборант-исследователь Центра НТС и аграрных исследований ИВ РАН, научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва, Российская Федерация

Panov Vasiliy V. – Research Fellow of The Center for Scientific & Technological Cooperation and Agrarian Research, Research Fellow of Institute of Oriental Studies RAS, Moscow, Russian Federation

Раскрытие информации о конфликте интересов
Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Информация о статье
Поступила в редакцию: 03.08.2026.
Одобрена после рецензирования и принята к публикации: 10.08.2026.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Conflicts of Interest Disclosure
The author declares that there is no conflict of interest.

Article info
Submitted: 03.08.2026.
Approved after peer reviewing and accepted for publication: 10.08.2026.

The author has read and approved the final manuscript.

Научная статья. Экономические науки
УДК 338.58:327
https://doi.org/10.31696/2227-5568-2026-03-075-093

THE PRICE OF A CARIBBEAN ALLIANCE: CHINA'S CUMULATIVE LOSSES IN VENEZUELA AND THE LIMITS OF RESOURCE-DRIVEN COOPERATION AMID REGIME TURBULENCE

Nelli K. Semenova

Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
semenovanelli-2011@mail.ru, ORCID: 0000-0001-7872-8972

Abstract. The article examines the economic and geopolitical costs of China's presence in Venezuela from 1999 to 2026. The author proceeds from the assumption that the cooperation model based on the concentration of risks under conditions of political instability and unilateral dependence on commodity flows has demonstrated its limited sustainability in the face of external shocks. The study analyzes the structure and dynamics of bilateral economic relations, the volume of lost investments and trade flows, as well as the adaptation mechanisms that Beijing was forced to employ amid the regime change in Venezuela and the reorientation of Venezuelan oil policy toward the West. Particular attention is paid to comparing the initial goals of China's strategy in the region with the final outcomes, which allows for the identification of institutional constraints and the limits of sustainability of China's foreign economic expansion in countries with a high degree of political volatility. The Venezuelan case demonstrates that resource diplomacy based on a credit model and the political loyalty of a regime does not ensure long-term sustainability in the face of institutional shocks unless reinforced by mechanisms that extend beyond the scope of commercial agreements.

Keywords: China, Venezuela, resource diplomacy, credit-oil swap, political instability, energy security, limits of sustainability

For citation: Semenova N. K. The Price of a Caribbean Alliance: China's Cumulative Losses in Venezuela and the Limits of Resource-Driven Cooperation Amid Regime Turbulence. *Eastern Analytics*. 2026;(3):75-93. (In Russ.) https://doi.org/10.31696/2227-5568-2026-03-075-093

ЦЕНА КАРИБСКОГО АЛЬЯНСА: КУМУЛЯТИВНЫЕ ПОТЕРИ КИТАЯ В ВЕНЕСУЭЛЕ И ПРЕДЕЛЫ СЫРЬЕВОЙ МОДЕЛИ В УСЛОВИЯХ РЕЖИМНОЙ ТУРБУЛЕНТНОСТИ

Нелли Кимовна Семенова

Институт востоковедения РАН, Москва, Россия
semenovanelli-2011@mail.ru, ORCID: 0000-0001-7872-8972

Аннотация. Статья посвящена анализу экономических и геополитических издержек китайского присутствия в Венесуэле в период с 1999 по 2026 гг. Автор исходит из предположения, что модель сотрудничества, основанная на концентрации рисков в условиях политической нестабильности и односторонней зависимости от сырьевых потоков, продемонстрировала свою ограниченную устойчивость перед лицом внешних шоков.

Контент доступен под лицензией Creative Commons «Attribution-ShareAlike» («Атрибуция-СохранениеУсловий») 4.0 Всемирная.

© Семенова Н. К., 2026
© Восточная аналитика, 2026

В работе рассматриваются структура и динамика двусторонних экономических отношений, объемы утраченных инвестиций и торговых потоков, а также адаптационные механизмы, которые Пекин был вынужден задействовать в условиях смены режима в Венесуэле и переориентации венесуэльской нефтяной политики на Запад. Особое внимание уделяется сопоставлению первоначальных целей китайской стратегии в регионе с конечными результатами, что позволяет выявить институциональные ограничения и пределы устойчивости внешнеэкономической экспансии Китая в странах с высокой степенью политической волатильности. Венесуэльский кейс демонстрирует, что ресурсная дипломатия, основанная на кредитной модели и политической лояльности режима, не обеспечивает долгосрочной устойчивости перед лицом институциональных шоков, если не подкреплена механизмами, выходящими за рамки коммерческих соглашений.

Ключевые слова: Китай, Венесуэла, ресурсная дипломатия, кредитно-нефтяной своп, политическая нестабильность, энергетическая безопасность, пределы устойчивости

Для цитирования: Semenova N. K. The Price of a Caribbean Alliance: China's Cumulative Losses in Venezuela and the Limits of Resource-Driven Cooperation Amid Regime Turbulence. *Восточная аналитика*. 2026;17(3):75-93. https://doi.org/10.31696/2227-5568-2026-03-0075-093

Over recent decades, China's penetration into Latin America and the Caribbean has evolved into a systemic geo-economic phenomenon [Chotme, Ripoll 2016, p. 110–144; Pyatakov 2018, p. 113–130; Trukhin 2020, p. 47–63; Buelvas, Muno 2025], wherein resource diplomacy has served as a pivotal instrument for satisfying the energy demands of the country's expanding economy. Within this strategic framework, Venezuela has occupied a distinctive position – a state endowed with the world's largest proven oil reserves, yet mired in a prolonged political and socio-economic crisis [Lu Siheng, Gao Qingbo 2016, p. 75–83]. By leveraging the contradictions between Caracas and Washington, and capitalizing on the dire economic straits of the Bolivarian government, Chinese capital has managed to secure a dominant foothold in Venezuela's economy [Rosenthal 2016, p. 39–50]. The bilateral cooperation model instituted by Beijing – predicated on the exchange of natural resources for investment and infrastructure development [Petrunina, Shusharina 2020, pp. 255–265; Hao Sun, Yiran Bai 2023, p. 152–171] – has encountered formidable obstacles, including political turbulence, the physical vulnerability of assets [Yılmaz 2024; Xie Tao 2024], and mounting geopolitical pressure from the United States [Zolotova 2019, p. 405–411]. More recently, China has embarked on a «quiet withdrawal» from Venezuela, scaling new investments down to a bare minimum and reallocating capital toward more stable nations within the region [Mitina, Zhou 2023, p. 52–56; Feng et al. 2024, p. 477–481]. The events that unfolded in the Bolivarian Republic in early 2026 have laid bare both the fragility of China's foreign economic expansion in highly volatile political environments and the susceptibility of its energy security to an all-out confrontation with the United States [Yang Yu, et al. 2020, p. 2803–2820].

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-ShareAlike 4.0 International (CC BY-SA 4.0).

© Semenova N. K., 2026
© Eastern Analytics, 2026

China's investment expansion in Venezuela: the credit-oil swap[1] as an instrument of resource diplomacy

In the early 2000s, against the backdrop of rapid economic growth, China faced a high degree of dependence on oil supplies from the Middle East. The search for new, stable sources of heavy crude became a strategic priority. Venezuela, possessing the world's largest reserves of heavy and extra-heavy oil (the Orinoco Belt), was ideally suited for these purposes.

China sought to establish a foothold in Latin America, a region traditionally regarded as the «backyard» of the United States. The anti-American rhetoric of Hugo Chávez, who came to power in 1999, provided Beijing with an opportunity to forge a partnership based on pragmatism rather than ideology. A financial mechanism was developed whereby the China Development Bank (CDB) and the China-Venezuela Joint Financial Fund for infrastructure, energy, and other projects[2][3] provided large-scale loans (with total estimates ranging from $60 to $62.5 billion[4]), which were repaid not in cash but through oil deliveries at prices 30–40% below market rates[5]. The rationale for such discounts stemmed from a confluence of factors, including US-imposed sanctions, Venezuela's acute need for foreign currency, long-term investment support from China, and the advantages of settlements in yuan.

Concurrently, China made substantial investments in the modernization of its domestic oil refineries (particularly in Shandong Province) to enable them to process Venezuela's heavy, sulfurous crude. Chinese companies (CNPC) actively established joint ventures (Petro Sinovensa, Junín-4 block) with Venezuela's state-owned oil company (Petróleos de Venezuela, S.A. – PDVSA), constructed infrastructure [Maksimova 2016, p. 54–59], and developed ancillary sectors, including telecommunications (Huawei, ZTE) and transport infrastructure [tab. 1].

The Chinese state-owned enterprises Sinopec and CNPC possess the largest proven oil reserves in Venezuela among all foreign companies, with holdings estimated at 2.8 billion and 1.6 billion barrels, respectively[6].

---

[1] A swap is a bilateral trade-financial transaction in which the parties exchange assets or liabilities for a pre-agreed period (*Author's note*).

[2] https://global.hk01.com/article/60309491?utm_source=01articlecopy&utm_medium=referral (accessed: 11.05.2026).

[3] Global (2026). Weineiruila biantian: Zhongguo liyi you naxie yingxiang? 委内瑞拉变天：中国利益有哪些影响？ [Regime Change in Venezuela: What Are the Implications for China's Interests?]. URL: https://global.hk01.com/国际分析/60309491/委内瑞拉变天-中国利益有哪些影响-债务不确定性大-点经 (accessed: 15.06.2026).

[4] Eastmoney (2026). Weineiruila yu zhongguo nengyuan hezuo 委内瑞拉与中国能源合作 [Venezuela and China energy cooperation]. URL: https://caifuhao.eastmoney.com/news/1647577701 (in Chinese) (accessed: 10.06.2026).

[5] Ibid.

[6] Reuters (2026 (1)). China's Oil Investments in Venezuela. January 5. URL: https://www.reuters.com/business/energy/chinas-oil-investments-venezuela-2026–01–05/ (accessed: 23.06.2026).

Table 1. Chinese Economic Presence in Venezuela: Key Projects and Investments

Category	Company / Project	Sector	Volume / Reserves	Description / Status
Macro-financial support	Chinese lending	F	~$60 billion (total), ~$10-12 billion (current debt)	Large-scale financial support to the Venezuelan government over many years
	ICBC loan	SI	$4 billion	Loan to PDVSA for the construction of residential complexes (2013)
	Bank branches	F	n/a	Opening of branches: China Development Bank in Caracas, Economic and Social Bank of Venezuela in Beijing (2014)
	AIIB membership	F, I	n/a	Venezuela's accession to the Asian Infrastructure Investment Bank to attract funding (2017)
	Oil-yuan settlements	F, E	n/a	Transition to oil settlements in yuan (since 2017) for the internationalization of China's currency
Oil and gas sector	Petro Sinovensa (JV between CNPC and PDVSA)	OE, P	~$4 billion (financing from CDB, 2013); production: 85,000 bbl/day (2019)	JV for the development of fields in the Orinoco Belt and construction of facilities (since 2008). Oil blending plant capacity – 110,000 bbl/day
	Sinopec Group (State-owned company)	OE	2.8 billion bbl (reserves)	Joint venture with PDVSA
	CNPC (additional JV)	OE	1.6 billion bbl (reserves)	Joint venture with PDVSA
	Concord Resources	OE	>€1 billion (announced)	Investment in oil production (announced in August 2025)
	Kerui Petroleum	OS	n/a	Private company, production contract from PDVSA in 2024*
	Anhui Erhuan Petroleum Group	OT	n/a	Private company, production contract from PDVSA in 2024 (the company denies this)
	Oil supplies to China	E	600,000 bbl/day (2018), target: 1 million bbl/day	Supplies in repayment of loans. Target fulfillment questionable due to crisis and sanctions
Industry / Automotive	Yutong	M	n/a	Bus manufacturing plant, one of the largest in the region. Provides a significant share of Venezuela's ground transportation (since 2015)
Agriculture	Beidahuang	A	60,000 ha	Land plot transferred by the government for cultivating corn, rice, and soybeans for the domestic market (2013)

Category	Company / Project	Sector	Volume / Reserves	Description / Status
Space industry	Corporación Industrial Gran Muralla China	AS	n/a	Launch of the "Antonio José de Sucre" satellite (October 2017). Training of Venezuelan specialists in China
Infrastructure	Paquiven marine terminal	TI	$391 million (EXIM Bank credit)	Construction of a marine terminal (2013)
	Housing and military construction	C, D	n/a	Construction of residential facilities and modernization of military infrastructure facilities (since 2011)
Telecommunications	Huawei, ZTE	T/IT	n/a	Development of 4G infrastructure and planned 5G networks (over 20 years)
Other sectors	General cooperation	S&T, M, M, JP, C, E	n/a	Contacts in scientific-technical, military spheres, mining, joint production, culture, education, supplies of household appliances

Sources: compiled by the author according [Pyatakov 2018, pp. 113–130; Yakovlev 2014, p. 55–66; Chotme, Ripoll 2016, p. 110–144]; Investing.com (2026). Factbox: China's Oil Investments in Venezuela. URL: https://www.investing.com/news/stock-market-news/factboxchinas-oil-investments-in-venezuela-4429843 (accessed: 18.06.2026); The Economic Times (2026). China's Oil Investments in Venezuela. URL: https://economictimes.indiatimes.com/news/international/world-news/chinas-oil-investments-in-venezuela/articleshow/126354640.cms?from=mdr (accessed: 03.07.2026); Nodal (2017). From China, Venezuela launches its third satellite into space (in Spanish). October 9. URL: https://www.nodal.am/2017/10/desde-china-venezuela-lanza-tercer-satelite-al-espacio/ (accessed: 17.06.2026); BBC Mundo (2017). Venezuela lanza su tercer satélite al espacio desde China. 9 de octubre. URL: http://www.bbc.com/mundo/noticiasinternacional-40354609 (accessed: 13.06.2026); MPetromin (2026). Ministry of Popular Power for Petroleum of Venezuela (in Spanish). URL: http://www.mpetromin.gob.ve (accessed: 28.04.2026)

Abbreviations: F – Finance; SI – Social Infrastructure; OE – Oil Extraction; P – Production/Manufacturing; OS – Oil Services; OT – Oil Trade; TI – Transport Infrastructure; T/IT – Telecommunications and Information Technology; I – Investment; E – Energy/Trade; M – Manufacturing; A – Agriculture; AS – Aerospace; C – Construction; D – Defense/Military; S&T – Science and Technology; JP – Joint Production; ICBC – Industrial and Commercial Bank of China; CDB – China Development Bank; JV – Joint Venture; n/a – not available / not applicable; * – Contract status as of early 2026 remains unclear

The scope and evolution of Chinese engagement in Venezuela's hydrocarbon sector are systematically captured in Table 2, which provides a comprehensive overview of key projects undertaken by Chinese companies in Venezuela over the period 1997–2026. This timeline spans from CNPC's initial tenders and the major 2010 agreements (involving CNPC, Sinopec, and CNOOC with combined investments of no less than $40 billion) to the more recent entry of the private operator CCRC in 2024, against the backdrop of intensifying US sanctions. The table details project localization, participation models, technologies employed, production trajectories, and the current operational status of each project as of early 2026 [tab. 2].

Table 2. Chinese Projects in Venezuela's Oil and Gas Sector, 1997–2026 (CNPC, Sinopec, CNOOC, CCRC)

Project and Location	Commencement and Participation Model	Key Technological Achievements	Current Status and Production Trends
Luhu exploration and development (Caracoles, Intercampo). Lake Maracaibo, eastern Venezuelan basin	1997: international tender awarded to CNPC	Deployment of horizontal drilling, geological modeling, directional drilling, and sand control. Unlocked 170 million tons of challenging reserves	Daily output rose from 4,905 to 40,000 bbl in under three years. Stabilized at 40,000 bbl/day via gas lift between 2008 and 2011
Sumano oil field. Eastern Venezuelan basin	2004: initial agreement; 2007: JV established (40% CNPC)	Well stimulation, workover of aging wells, and formation replacement	Incremental gain of 1,500 bbl/day achieved by 2009. Stable plateau production reached by 2011
Ori MPE-3 emulsified oil project. Venezuela	2001: JV (70% CNPC); 2006: first oil	Field development and construction of an emulsified oil processing facility. Advanced drilling oversight and well parameter optimization	Production trajectory: 1.574 million tons (2006); 60,000 → 105,000 bbl/day (2011); exceeded 130,000 bbl/day (2013)
Junín-4 extra-heavy oil block. Orinoco Belt	2006: framework MoU; 2010: JV (60% PDVSA / 40% CNPC)	E&P of extra-heavy crude. 11 exploration wells; 316 km² 2D seismic survey. Planned plateau: 400,000 bbl/day. Estimated development cost: $16 billion	Infrastructure under development. Refinery construction deal in China (60% CNPC stake). Post-2019 US sanctions prompted CNPC to curtail direct operational involvement
Junín-1 and Junín-8 blocks. Orinoco Belt	2010: Sinopec–PDVSA agreement	Each block designed for up to 200,000 bbl/day. Cabruta refinery (200,000 bbl/day) planned to process Junín crude	Status as of early 2026 unspecified. Part of a broader package involving three Chinese NOCs
Mariscal Sucre gas project. Offshore Venezuela	2010: CNOOC–PDVSA agreement	Planned capacity: 1.2 million cubic feet/day of gas and 37,000 bbl/day of condensate	Included in the 2010 package. CNOOC had previously held interests in the Boyacá 3 heavy-oil block (eastern Venezuela)
Lago-Cinco and Lagunillas-Lago. Lake Maracaibo	May 2024: 20-year production-sharing contract with CCRC (private Chinese operator)	Contract structured under Venezuela's Anti-Blockade Law (2020). CCRC, a newcomer to drilling, mobilized 60 Chinese technicians and one drilling rig	As of early 2026: output at 12,000 bbl/day (~100 wells reactivated). Target: 500 wells and 60,000 bbl/day by end-2026. Committed investment exceeds $1 billion

Source: compiled by the author according to: CNPC (2026). Venezuela. URL: https://www.cnpc.com.cn/cnpc/Venezuela/country_index.shtml (accessed: 16.05.2026); Rigzone (2010). CNPC, Sinopec, CNOOC Sign Venezuela O&G Deals. December 3. URL: https://www.rigzone.com/news/cnpc_sinopec_cnooc_sign_venezuela_og_deals-03-dec-2010-101871-article/ (accessed: 24.06.2026); Reuters (2026 (2)). Private Chinese Firm Producing Oil in Venezuela Under Rare 20-Year Pact, Source Says. August 22. URL: https://www.reuters.com/business/energy/private-chinese-firm-producing-oil-venezuela-under-rare-20-year-pact-source-says-2025-08-22/ (accessed: 24.06.2026)

Abbreviations: JV – joint venture; NOC – national oil company; PDVSA – Petróleos de Venezuela, S.A.; CNPC – China National Petroleum Corporation; Sinopec – China Petroleum & Chemical Corporation; CNOOC – China National Offshore Oil Corporation; CCRC – private Chinese operator; bbl – barrels; E&P – exploration and production

Most of China's projects in Venezuela were launched before 2010, and data on their status after 2013 have not been made public, which may indicate that the systemic crisis in Venezuela has affected even technologically protected assets. Thus, Table 2 largely captures unfulfilled or only partially realized potential.

The economic crisis in Venezuela ran parallel to the decline in oil production and refining capacity [fig. 1].

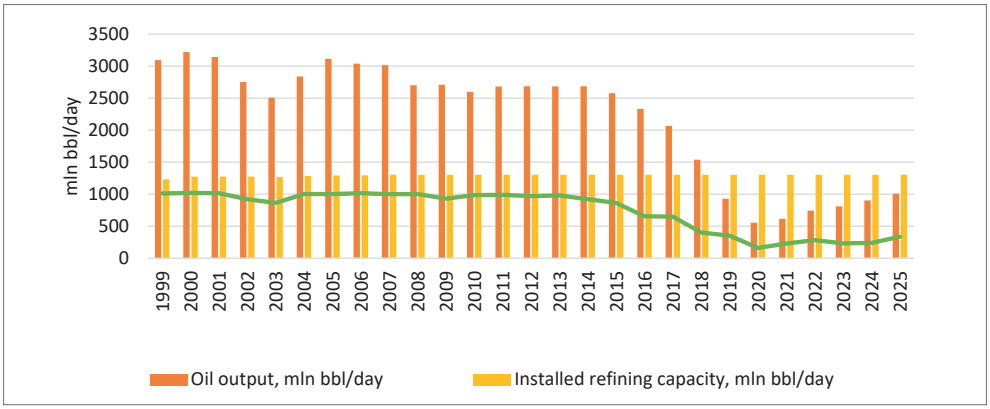

Figure 1. Ratio of oil production to installed capacity and throughput of Venezuelan refineries, 1999–2025

Source: compiled and calculated by the author according to: Statbase (2026). Venezuela: Oil Refining Capacity. URL: https://statbase.ru/data/ven-oil-refining-capacity/ (accessed: 25.06.2026); EIA (U. S. Energy Information Administration) (2026). Venezuela: Annual Petroleum and Other Liquids Production. URL: https://www.eia.gov/international/data/country/VEN/petroleum-and-other-liquids/annual-petroleum-and-other-liquids-production?pd=5&p=0000000000000000000000000000000000vg&u=0&f=A&v=mapbubble&a= –&i=none&vo=value&t=C&g=none&l=249–243&s=946944000 00&e=1735689600000 (accessed: 15.06.2026); Energy Institute (2026). Statistical Review of World Energy. URL: https://www.energyinst.org/statistical-review (accessed: 22.06.2026)

This downward trend [fig. 1] can be attributed to several factors. For two decades, PDVSA's revenues were channeled not into field development but into social programs (illiteracy eradication, free housing for the poor, free higher education, etc.) [Mitina, Zhou 2023, pp. 52–56; Feng et al. 2024, pp. 477–481]. Following the 2002 PDVSA strike, 20,000 employees were dismissed, after which skilled personnel left the country[7]. Infrastructure deteriorated. Subsequently, US sanctions were imposed, depriving Venezuela of traditional markets and access to diluents needed for heavy oil production. Output collapsed from over 3 million barrels per day to 0.5 million bbl/day by the early 2020s. Refinery capacities were not upgraded, and their actual utilization rate by the end of 2021 barely reached one-fifth due to a shortage of spare parts. A vicious cycle emerged: there

[7] Petroleum AG (2024). Sanctions against PDVSA: guilty or excuses? (in Spanish). URL: https://petroleumag.com/blog-573-sanciones-a-pdvsa-culpables-o-excusas (accessed: 16.06.2026).

was no crude for the refineries, and the refineries could not produce gasoline for the fields. Chinese credits were used not for modernization but to patch budget deficits, merely delaying the collapse. It was precisely Venezuela's physical inability to extract crude in previous volumes that undermined the original model of Sino-Venezuelan cooperation[8].

The dynamics are driven by a vicious cycle: declining production – reduced refinery utilization – shrinking export revenues – insufficient funds for investment – further production decline. It is this cycle that undermined Venezuela's ability to repay China with oil deliveries, which became the limit of sustainability of the bilateral model.

China's largest oil corporation gradually scaled back direct business relations with Venezuela as the former Trump administration intensified its sanctions program. CNPC did not withdraw from Venezuela, instead adopting a «well rehabilitation» approach in place of capital-intensive new projects, transitioning its operations to a «low-profile» mode while retaining control over the largest reserves to secure long-term supplies of heavy crude for its refineries. Following the tightening of restrictions in 2019, major Chinese state-owned corporations (CNPC, Sinopec) minimized their direct presence, making way for lesser-known private entities[9]. In 2024–2025, China Concord Resources Corporation (CCRC) began developing new fields with a plan to invest over $1 billion. By 2025–2026, the strategy of using private Chinese companies (CCRC, Kerui Petroleum, Anhui Erhuan Petroleum Group) to circumvent US sanctions had become a key element of Beijing's energy policy; however, this activity encountered stiff opposition from the United States. By 2025–2026, the focus had shifted toward utilizing private Chinese companies for operations in order to avoid direct violations of US sanctions.

Evolution of Sino-Venezuelan trade interaction: from the commodity supercycle to structural disruption

The dynamics of trade flows between China and Venezuela reflect both the actual intensity of economic interaction and its vulnerability to external shocks. The evolution of bilateral trade (China's imports/exports from/to Venezuela) over the period 1997–2025, juxtaposed with key political and market events, reveals the limits of sustainability of China's bilateral model under conditions of political instability and resource diplomacy [tab. 3]. The choice of temporal boundaries is explained by several considerations: 1997 precedes Hugo Chávez's rise to

[8] RBC (2026 (1)). Venezuela and China: debt history (in Russian). January 15. URL: https://www.rbc.ru/base/15/01/2026/6964f1359a7947024851eff7 (accessed: 14.06.2026).

[9] Reuters (2026 (2)). Private Chinese Firm Producing Oil in Venezuela Under Rare 20-Year Pact, Source Says. August 22. URL: https://www.reuters.com/business/energy/private-chinese-firm-producing-oil-venezuela-under-rare-20-year-pact-source-says-2025–08–22/ (accessed: 24.06.2026).

power, which inaugurated a new model of resource-oriented partnership; 2025 (11 months) allows for the capture of the post-pandemic trajectory and the reaction of trade indicators to US sanctions pressure, which is directly related to the analyzed risks of geopolitical competition [Zolotova 2019, pp. 405–411; Rosenthal 2016, pp. 39–50].

Table 3. Dynamics of bilateral trade between China and Venezuela (imports and exports) by year, 1997–2025 (billion dollars)

Year	Chinese Imports from Venezuela (USD billion)	Chinese Exports to Venezuela (USD billion)	Key Events and Context
1997	0.03555	0.11904	Pre-Chávez period.
1999	0.02766	0.16070	Chávez inaugurated as President.
2002	0.144956	0.332957	China joins the WTO (effective 01.01.2002).
2006	n/a	1.70000 (first exceeded $1 billion)	Export growth driven by the commodity supercycle.
2011	11.7 (first exceeded $10 billion)	n/a	Import peak amid elevated oil prices.
2012	14.5 (all-time high)	9.30000 (all-time high)	Record year for both imports and exports.
2013	13.2	n/a	Maduro succeeds Chávez as President.
2015	06.9	n/a	Oil price crash (from late 2014); imports nearly halved.
2016	n/a	2.50000	Exports halved following the oil price collapse.
2017–2022	n/a	1.0–2.0 (range)	Exports stabilized at a low plateau.
2019	4.90000	n/a	Pre-pandemic import level.
2020	0.533951	n/a	COVID-19 pandemic; imports dropped tenfold.
2020–2023	< 1.0 (per annum)	n/a	Four consecutive years of sub-$1 billion imports.
2023	0.73	3.50000	Export rebound.
2024	1.60000	4.80000	Imports surpassed $1 billion for the first time since 2019, against the backdrop of US sanctions.
2025 (11-month data)	1.0	4.87000	Data covering 11 months.

Source: compiled and calculated by the author according to: Sina Finance (2026). Zhongguo zai Weineiruila de touzi: xianzhuang yu qianjing 中国在委内瑞拉的投资：现状与前景 (China's Investments in Venezuela: Current Status and Prospects). January 18. URL: https://finance.sina.com.cn/roll/2026–01–18/doc-inhhtxwr7490263.shtml (in Chinese) (accessed: 28.06.2026)

Note: n/a – data not available. Data for 2025 cover the period from January to November inclusive.

Analysis of the data [tab. 3] allows for the identification of three qualitatively distinct stages in Sino-Venezuelan trade relations: the period of moderate indicators from the late 1990s to the early 2000s; the commodity supercycle phase (2006–2014), with historical peaks in imports ($14.5 billion in 2012) and exports ($9.3 billion in 2012); and the post-crisis turbulence stage (since 2015), during which imports contracted multiple times and, after 2020, have only sporadically exceeded $1 billion[10], raising questions about the long-term effectiveness of the established bilateral model [tab. 3].

A persistent asymmetry is noteworthy [tab. 3]: during the supercycle period, oil imports significantly outpaced merchandise exports (by a factor of 1.6 in 2012). Following the 2014–2015 oil price collapse and against the backdrop of a deep economic contraction (35% by 2019) and hyperinflation (10 million %) in Venezuela [Yılmaz 2024], a prolonged stagnation ensued (2015–2023), indicative of a structural decoupling of ties [Mitina, Zhou 2023, p. 52–56]. The paradoxical revival of Sino-Venezuelan trade in 2024 (imports of $1.6 billion, exports of $4.8 billion) was driven not by Venezuela's internal recovery but by US sanctions imposed on Caracas for its refusal to agree to competitive presidential elections – with the asymmetry structure reversing entirely. Specifically, external US sanctions pressure isolated Venezuela from alternative markets (India, Europe)[11, 12] and compelled Caracas to deepen its dependence on China. This created a unique opportunity for China to purchase oil at extremely low prices[13].

As for the growth of Chinese exports to Venezuela (from $3.5 billion in 2023 to $4.8 billion in 2024) [tab. 3], it is explained by the forced and accelerated monetization of debts through the «oil-for-goods» scheme and China's utilization of Venezuela's growing oil revenues (even amid declining oil production)[14]. Caracas settled its accounts with China for supplies of equipment, consumer goods, and services through actual oil flows, which was recorded as growth in export

[10] Sina Finance (2026). Zhongguo zai Weineiruila de touzi: xianzhuang yu qianjing 中国在委内瑞拉的投资：现状与前景 [China's Investments in Venezuela: Current Status and Prospects]. January 18. URL: https://finance.sina.com.cn/roll/2026–01–18/doc-inhhtxwr7490263.shtml (in Chinese) (accessed: 28.06.2026).

[11] S&P Global Commodity Insights (2024). China to Draw More Venezuelan Crude as India Looks to Avoid Sanctions-Hit Barrels. April 19. URL: https://www.spglobal.com/energy/en/news-research/latest-news/crude-oil/041924-china-to-draw-more-venezuelan-crude-as-india-looks-to-avoid-sanctions-hit-barrels (accessed: 27.06.2026).

[12] Energy Analytics Institute (2024). US Reimposes Venezuela Oil Sanctions. April 17. URL: https://energy-analytics-institute.org/2024/04/17/us-reimposes-venezuela-oil-sanctions/ (accessed: 19.06.2026).

[13] S&P Global Commodity Insights (2024). China to Draw More Venezuelan Crude as India Looks to Avoid Sanctions-Hit Barrels. April 19. URL: https://www.spglobal.com/energy/en/news-research/latest-news/crude-oil/041924-china-to-draw-more-venezuelan-crude-as-india-looks-to-avoid-sanctions-hit-barrels (accessed: 27.06.2026).

[14] World Energy (2026). Zhongguo zai Weineiruila de nengyuan touzi 中国在委内瑞拉的能源投资 [China's Energy Investments in Venezuela] (in Chinese). URL: https://www.world-energy.org/article/47553.html (accessed: 05.07.2026).

statistics. The bilateral interaction model, effective during the phase of rising prices, failed to recover after the 2014–2015 shock, suggesting that the adaptive capacity of China's resource diplomacy in Venezuela had been exhausted even before the new round of external pressure in 2026.

By 2018, Venezuela had repaid half of its debt through oil deliveries. Over the past seven years, China has not issued any major new loans. According to official Venezuelan data as of the end of 2025, its outstanding debt to China stood at $8–15 billion[15, 16].

To assess the real scale of Sino-Venezuelan trade interaction, it is insufficient to operate with absolute figures alone, as they do not reflect the significance of bilateral relations for China's economy as a whole. Reference to relative indicators for January–November 2025 allows for a recalibration of Venezuela's place in China's foreign trade balance [tab. 4].

Table 4. Venezuela's Position in China's Foreign Trade Balance (January–November 2025)

Indicator	Value (USD billion)	Share of Venezuela
Chinese imports from Venezuela	1.000	0.09% of total Chinese imports
Total Chinese imports (reference)	*1,075.848*	*100%*
Crude oil imports from Venezuela (estimated)	~1.0 (entire volume)	0.37% of total Chinese crude oil imports
Total Chinese crude oil imports (reference)	*269.808633*	*100%*
Chinese exports to Venezuela	4.870	0.2% of total Chinese exports
Total Chinese exports (reference)	*2,338.885*	*100%*

Source: compiled by the author according to: Sina Finance (2026). Zhongguo zai Weineiruila de touzi: xianzhuang yu qianjing 中国在委内瑞拉的投资：现状与前景 [China's Investments in Venezuela: Current Status and Prospects]. January 18. URL: https://finance.sina.com.cn/roll/2026–01–18/doc-inhhtxwr7490263.shtml (in Chinese) (accessed: 28.06.2026)

Note: Data cover January–November 2025. Figures marked with * are reference values for total Chinese foreign trade. Oil import estimates are approximate.

As the data presented indicate [tab. 4], Venezuela accounted for an extremely negligible share of both China's imports ($1 billion = 0.09% of the total of $1,075.8 billion) and its exports ($4.87 billion = 0.2% of total Chinese exports of $2,338.9 billion)[17].

[15] Wen Wei Po (2026). Weineiruila shiyou chanye yu Zhongguo touzi 委内瑞拉石油产业与中国投资 [Venezuela's Oil Industry and Chinese Investment] (in Chinese). January 5. URL: https://www.wenweipo.com/a/202601/05/AP695bad41e4b09705957daea3.html (accessed: 06.07.2026).

[16] Guancha (2026). Mei ruqin weineiruila, zhongguo sunshi da ma? Women gai ruhe yingdui? 美入侵委内瑞拉，中国损失大吗？我们该如何应对？[The Venezuelan crisis and China's position] (in Chinese). URL: https://user.guancha.cn/main/content?id=1578434 (accessed: 28.06.2026).

[17] Sina Finance (2026). Zhongguo zai Weineiruila de touzi: xianzhuang yu qianjing 中国在委内瑞拉的投资：现状与前景 [China's Investments in Venezuela: Current Status and Prospects] (in Chinese). January 18. URL: https://finance.sina.com.cn/roll/2026–01–18/doc-inhhtxwr7490263.shtml (accessed: 28.06.2026).

Even when considering the oil component alone – which constitutes virtually the entire volume of Venezuelan exports to China – Venezuela's share of China's total oil imports does not exceed 0.37% (against total oil imports of $269.8 billion). Venezuela's position as a market for Chinese goods appears comparably marginal [tab. 4].

Analysis of the data permits two interrelated conclusions. First, the narrative regarding Venezuela's strategic significance for China's energy security [Zolotova 2019, pp. 405–411; Mitina, Zhou 2023, p. 52–56] is receding into the past. The actual share of Venezuelan oil in China's oil imports by 2025 was close to a statistical margin of error. Second, such low relative indicators suggest that the bilateral cooperation model, even after the partial revival of 2024, remains peripheral to the Chinese economy as a whole. In other words, the limits of sustainability of this model were determined not only by political instability in Venezuela and external sanctions pressure, but also by an objective macroeconomic factor: China has diversified its import sources and export markets to such an extent that Venezuela has ceased to be a significant counterparty. This, in turn, reduces Beijing's incentives for large-scale recapitalization of bilateral relations and necessitates a revision of established perceptions of China's «resource diplomacy» in the Caribbean region.

Based on the foregoing, the situation becomes clear: when Washington attempted to use sanctions to squeeze China out of Latin America, Beijing's response proved diametrically opposed to expectations. China not only refrained from imports but also completely blocked any cooperation. Beijing demonstrated rigidity, effectively imposing an embargo on Venezuelan oil supplies. In this game, Beijing demonstrated restraint and strategic patience, managing to outmaneuver Trump and not fall for his tricks[18]. China's state-owned company PetroChina prohibited traders from buying and trading Venezuelan oil after the US took control over its exports in early 2026[19].

Goals and outcomes of China's strategy in Venezuela

The emergent Sino-Venezuelan «pause» allows for a comparison of the initial objectives with the ultimate achievements, which will help identify the institutional constraints and limits of sustainability of the bilateral model. As already outlined above, the original goals of China's strategy in Venezuela, formulated in the late 1990s and early 2000s, were predominantly pragmatic and resource-oriented in nature. Beijing sought to secure long-term access to sta-

[18] MK.ru (2026). China outplayed the USA in the matter of oil supplies from Venezuela (in Russian). February 19. URL: https://www.mk.ru/politics/2026/02/19/kitay-pereigral-ssha-v-voprose-postavok-nefti-iz-venesuely.html (accessed: 30.05.2026).

[19] Kommersant (2026). The Chinese trace in Venezuela: results and prospects (in Russian). URL: https://www.kommersant.ru/doc/8422466 (accessed: 30.05.2026).

ble supplies of heavy, sulfurous crude for the refineries of Shandong Province, diversify its import sources amid growing dependence on Middle Eastern suppliers, and establish a precedent for successful penetration into a region traditionally under predominant US influence. Instrumentally, these objectives were pursued through the «oil-for-loans» model: China extended substantial financial resources (total estimates of allocated funds reached $60 billion, though Chinese sources deny this figure)[20] against guarantees of future deliveries, while simultaneously investing in extraction infrastructure through joint ventures (Petro Sinovensa, Junín-4 block) and developing ancillary sectors – telecommunications (Huawei, ZTE) and transport infrastructure.

The final outcome, as recorded by 2026, reveals a profound gap between the stated goals and the actual results. Instead of stable and predictable access to resources, China encountered sharp supply volatility: import volumes from Venezuela, which peaked at $14.5 billion in 2012, had fallen below $1 billion by 2020–2023, and in 2024 accounted for only 0.09% of total Chinese imports. Instead of diversifying its sources of raw materials, Beijing found itself in a situation where it simultaneously lost two of its largest suppliers of discounted oil – Venezuela and Iran – with the Venezuelan direction lost not so much due to market factors but as a result of a political regime change that Beijing was unable to prevent, despite years of support for the Maduro government. Instead of strengthening its geopolitical influence in the Western Hemisphere, China faced a process of displacement. Venezuela's new government reoriented itself toward cooperation with Western partners, initiated a review of contracts concluded under the previous regime, and excluded Chinese companies from the list of priority counterparties.

From the comparison of goals and outcomes, at least five principal systemic constraints can be identified that determine the limits of sustainability of China's model of foreign economic expansion in Venezuela as a representative of countries with a high degree of political volatility.

The first constraint is contractual and legal in nature. The «oil-for-loans» model, which formed the basis of China's presence in Venezuela, did not provide for mechanisms to protect against regime change. Loan agreements and field development contracts were concluded with the Maduro government and the state oil company PDVSA, but contained no provisions ensuring their extension in the event of a change of power or obligating the new government to recognize the debt obligations of the previous regime. As the 2026 experience demonstrated, Venezuela's new government challenged the legitimacy of a significant

[20] Sina Finance (2026). Zhongguo zai Weineiruila de touzi: xianzhuang yu qianjing 中国在委内瑞拉的投资：现状与前景 [China's Investments in Venezuela: Current Status and Prospects] (in Chinese). January 18. URL: https://finance.sina.com.cn/roll/2026–01–18/doc-inhhtxwr7490263.shtml (accessed: 28.06.2026).

portion of the loans, accusing the previous regime of corruption and mismanagement, which allowed it to initiate debt restructuring on terms unfavorable to China[21].

The second constraint relates to the absence of instruments of coercive enforcement and political support. Unlike the model of Western energy corporations, which can count on diplomatic and, if necessary, military cover from their governments [Gaffney 2018, p. 331–417], Chinese companies in Venezuela operated primarily on commercial grounds, while Beijing's political support proved insufficient to prevent regime change. Russian Foreign Minister Sergei Lavrov's statements about the displacement of Russian companies from the Venezuelan market[22] equally apply to Chinese structures: neither Moscow nor Beijing was able to deploy effective protection mechanisms for their economic assets.

The third constraint stems from the specific nature of the resource base. China's investments in Venezuela's oil industry were oriented toward a specific type of crude and a particular technological configuration. This specialization, on the one hand, made Chinese refineries dependent on Venezuelan supplies, while on the other hand, it limited the possibility of reorientation to other markets[23]. When access to Venezuelan oil was lost, China's refining capacity required technological reconfiguration, which demanded time and additional costs.

The fourth constraint concerns the financial architecture of bilateral relations. The credit model, under which China extended funds against future deliveries, created an illusion of mutual benefit but effectively meant that Beijing assumed credit risk without mechanisms to ensure repayment. In circumstances where the new regime challenged the legitimacy of the debts[24], China found itself in the position of a creditor with neither leverage nor enforcement instruments.

The fifth constraint is systemic-structural in nature. China's strategy in Venezuela was built on the assumption of the stability of a political regime loyal to Beijing and the continuity of bilateral relations irrespective of external factors. This assumption proved erroneous. Moreover, the very model – which presupposed the concentration of efforts on a single «privileged» partner – proved vulnerable to shifts in the political configuration. Unlike the diversified strategy of

---

[21] Bloomberg (2026). Venezuela Government Announces Debt Restructuring Process. May 13. URL: https://www.bloomberg.com/news/articles/2026-05-13/venezuela-government-announces-debt-restructuring-process (accessed: 02.07.2026).

[22] RBC (2026 (2)). Political crisis in Venezuela and China's position (in Russian). February 5. URL: https://www.rbc.ru/politics/05/02/2026/69843edc9a7947358ef52c74 (accessed: 03.07.2026).

[23] Carnegie Endowment (2026). China, USA, Russia and Iran in the oil confrontation (in Russian). March. URL: https://carnegieendowment.org/ru/russia-eurasia/politika/2026/03/us-china-russia-iran-oil (accessed: 04.06.2026).

[24] Bloomberg (2026). Venezuela Government Announces Debt Restructuring Process. May 13. URL: https://www.bloomberg.com/news/articles/2026-05-13/venezuela-government-announces-debt-restructuring-process (accessed: 02.07.2026).

Western energy corporations, which distribute risks across multiple jurisdictions, the Chinese approach in Venezuela demonstrated a high degree of risk concentration.

Conclusion

The limits of sustainability of China's foreign economic expansion in Venezuela – a country with a high degree of political volatility – are determined by five principal factors: the absence of contractual protection mechanisms in the event of regime change; insufficient political and coercive backing for economic assets; technological specialization that limits flexibility for reorientation; credit risks in the absence of repayment guarantee mechanisms; and the concentration of risk on a limited number of privileged partners. Even before the Venezuelan situation of 2026, Beijing recognized the need to reassess its approaches to engagement with high-risk jurisdictions – either through the creation of more flexible and diversified instruments, or through acknowledging that such investments inherently carry extremely high political and and economic risks [Yang Danzhi 2017][25][26]. However, the measures adopted largely boiled down to the accumulation of hydrocarbon reserves over the past two years, which in the short term allowed China to avoid panic buying.

The issues of Chinese investments and Venezuela's debts currently remain unresolved; Beijing's current approach is one of a wait-and-see posture. The Venezuelan case demonstrates that resource diplomacy based on a credit model and the political loyalty of a regime does not ensure long-term sustainability in the face of institutional shocks unless reinforced by mechanisms that extend beyond the scope of commercial agreements.

References / Литература

1. Buelvas E. P., Muno W. (2025). China and Latin America: Security Ties // In: Kim Y. C. (ed.) The Chinese Global Dream, Volume I. Palgrave Macmillan Asian Business Series. Cham: Palgrave Macmillan. DOI: 10.1007/978-3-031-84720-2_6
2. Chotme R., Ripoll A. (2016). The Chinese presence in Latin America: a challenge to US hegemony? // Criterio Libre (Bogota). Vol. 14, No. 25. Pp. 110–144. (In Span.).
3. Feng L., Jingwei V., Sergienko E. E., Shubenok R. M., Sazonov S. L. (2024). Cooperation between China and Latin American countries in the energy sector // Greater Eura-

[25] Economic Herald (2025). Jiakuai wanshan woguo qiye haiwai touzi baohu tixi 加快完善我国企业海外投资保护体系 (Accelerate the improvement of my country's overseas investment protection system) // Jingji dao kan 经济导刊(). December 25. https://www.jingjidaokan.com/icms/null/null/ns: LHQ6LGY6LGM6MmM5ZTg1NTc5YjA3ZmZmMjAxOWI0ZTVlYzBkYzAwMTIscDosYTosbTo=/show.vsml (accessed 02.07.2026). (In Chin.).

[26] MFA (2017). Zhongguo tong weineiruila de guanxi 中国同委内瑞拉的关系 (China's relations with Venezuela) // Renmin gongheguo waijiao bu 人民共和国外交部 [China's Ministry of Foreign Affairs]. https://www.mfa.gov.cn/web/gjhdq_676201/gj_676203/nmz_680924/1206_681168/sbgx_681172/ (accessed 02.07.2026). (In Chin.).

sia: Development, Security, Cooperation. Moscow: Educational and Methodological Center Publishing House. Pp. 477–481. (In Russ.)

4. Gaffney M. (2018). Corporate Power and Expansive U. S. Military Policy // American Journal of Economics and Sociology. Vol. 77. Pp. 331–417. DOI: 10.1111/ajes.12222
5. Hao Sun, Yirzan Bai. (2023). An analysis of the Sino-Venezuelan energy cooperation model // Finance and Credit. Vol. 29, No. 1. Pp. 152–171. DOI: 10.24891/fc.29.1.152
6. Lu Siheng 芦思姮, Gao Qingbo高庆波 (2016). Weineiruila: Ziyuan zuzhou yu zhidu xisnjing 委内瑞拉：资源诅咒与制度陷阱(Venezuela: Resource Curse and Institutional Trap) // Yatai jingji 亚太经济(Asia-Pacific Economy). No. 5. Pp. 75–83. (In Chin.). DOI: 10.16407/j.cnki.1000-6052.2016.05.012
7. Maksimova T. V. (2016). Sino-Venezuelan relations at the present stage // Current Problems of Modern International Relations. No. 8. Pp. 54–59. (In Russ.)
8. Mitina N. I., Zhou Yi. (2023). Prospects for energy cooperation between China and Venezuela // Innovations and Investments. No. 2. Pp. 52–56. (In Russ.)
9. Petrunina Zh.V., Shusharina G. A. (2020). China's policy in Venezuela: mechanisms to strengthen relations in the long run // In: The Chinese State at the Final Stage of Building a Moderately Prosperous Society. Moscow: Institute of Far Eastern Studies of the Russian Academy of Sciences. Pp. 255–265. (In Russ.)
10. Pyatakov A. N. (2014). The Bolivarian and Pacific Alliances: Two Peaks of an Integration «Marathon» in Latin America at the Beginning of the 21st Century // Latin America. No. 9. Pp. 45–89. (In Russ.)
11. Pyatakov A. N. (2018). China and the Bolivarian segment of Latin America: Beijing's intercontinental links with Venezuela and Cuba // Free Thought. No. 4 (1670). Pp. 113–130. (In Russ.)
12. Rosenthal D. M. (2016). Dragon over Caracas: Sino-Venezuelan Relations at the Beginning of the 21st Century // Latin America. No. 3. Pp. 39–50. (In Russ.)
13. Trukhin Yu.N. (2020). China and the ALBA countries in the 21st century // Latin America. No. 2. Pp. 47–63. (In Russ.). DOI: 10.31857/S0044748X0008144-7
14. Xie Tao 谢韬 (2024). Zhongguo haiwai liyi baohu: Fenlei, fengxian yu cuoshi 中国海外利益保护:分类、风险与措施 (Protection of China's overseas interests: classification, risks and measures) // Laiyuan: Guoji hezuo zhongxi 来源:国际合作中心 (International Cooperation Center). (In Chin.). https://www.icc.org.cn/publications/policies/2331.html (accessed 10.05.2026)
15. Yakovlev P. P. (2014). Latin America: in search of its own way. Geopolitical divorce of Latin American countries // World Economy and International Relations. No. 7. Pp. 55–66. (In Russ.)
16. Yang Danzhi 杨丹志. (2017). Zhongguo haiwai liyi mianlin de zhuyao anquan fengxian ji tongchou weihu 中国海外利益面临的主要安全风险及统筹维护(Major Security Risks Facing China's Overseas Interests and Their Coordinated Protection) // Zhongguo shehui kexueyuan guojia quanqiu zhanlüe zhiku:»2016 Nian de zhongguo yu shijie «中国社会科学院国家全球战略智库：《2016年的中国与世界》(In: National Institute for Global Strategic Strategy, Chinese Academy of Social Sciences (ed.). China and the World in 2016). Beijing, shehui kexue wenxian chuban she 北京，社会科学文献出版社。(Beijing: Social Sciences Academic Press). (In Chin.)

17. Yang Yu, Yu Hongyuan, Lu Gang, Wang Limao, Zhao Yuan, Hao Lisha, Ren Dongming, Fang Wei, An Hai-zhong, & Cai Guotian. (2020) 杨宇，于宏源，鲁刚，王礼茂，赵媛，郝丽莎，任东明，方伟，安海忠，蔡国田. Shijie nengyuan bainian bianju yu guojia nengyuan anquan 世界能源百年变局与国家能源安全 (A Century of Changes in World Energy and National Energy Security) // Ziran ziyuan xuebao 自然资源学报 (Journal of Natural Resources). Vol. 35, No. 11. Pp. 2803–2820. (In Chin.)
18. Yılmaz O. (2024). A Political, Economic and Humanitarian Crisis: Venezuela Crisis // In: Açıkgöz B. (ed.) Black Swan: Economic Crises, Volume III. Singapore: Springer. DOI: 10.1007/978-981-97-5886-9_9
19. Zolotova E. V. (2019). Trade and economic interests of China in the Bolivarian Republic of Venezuela on the example of the energy sector // Moscow Economic Journal. No. 10. Pp. 405–411. (In Russ.). DOI: 10.24411/2413-046X-2019-10062

Electronic sources / Электронные ресурсы

1. BBC Mundo (2017). Venezuela launches its third satellite into space from China. 9 de octubre. URL: http://www.bbc.com/mundo/noticiasinternacional-40354609 (in Spanish) (accessed: 13.06.2026).
2. Bloomberg (2026). Venezuela Government Announces Debt Restructuring Process. May 13. URL: https://www.bloomberg.com/news/articles/2026–05–13/venezuela-government-announces-debt-restructuring-process (accessed: 02.07.2026).
3. Carnegie Endowment (2026). China, USA, Russia and Iran in the oil confrontation (in Russian). March. URL: https://carnegieendowment.org/ru/russia-eurasia/politika/2026/03/us-china-russia-iran-oil (accessed: 04.06.2026).
4. CNPC (2026). Venezuela. URL: https://www.cnpc.com.cn/cnpc/Venezuela/country_index.shtml (accessed: 16.05.2026).
5. Eastmoney (2026). Weineiruila yu zhongguo nengyuan hezuo 委内瑞拉与中国能源合作(Venezuela and China energy cooperation). URL: https://caifuhao.eastmoney.com/news/1647577701 (in Chinese) (accessed: 10.06.2026).
6. Economic Herald (2025). Jiakuai wanshan woguo qiye haiwai touzi baohu tixi 加快完善我国企业海外投资保护体系 (Accelerate the improvement of my country's overseas investment protection system) // Jingji dao kan 经济导刊(). December 25. https://www.jingjidaokan.com/icms/null/null/s: LHQ6LGY6LGM6MmM5ZTg1NTc5YjA3ZmZmMjAxOWI0ZTVlYzBkYzAwMTIscDosYTosbTo=/show.vsml (In Chin.) (accessed 02.07.2026).
7. EIA (U. S. Energy Information Administration) (2026). Venezuela: Annual Petroleum and Other Liquids Production. URL: https://www.eia.gov/international/data/country/VEN/petroleum-and-other-liquids/annual-petroleum-and-other-liquids-production?pd=5&p=0000000000000000000000000000000000vg&u=0&f=A&v=mapbubble&a= –&i=none&vo=value&t=C&g=none&l=249–243&s=946944000000&e=1735689600000 (accessed: 15.06.2026).
8. Energy Analytics Institute (2024). US Reimposes Venezuela Oil Sanctions. April 17. URL: https://energy-analytics-institute.org/2024/04/17/us-reimposes-venezuela-oil-sanctions/ (accessed: 19.06.2026).
9. Energy Institute (2026). Statistical Review of World Energy. URL: https://www.energyinst.org/statistical-review (accessed: 22.06.2026).

10. Guancha (2026). Mei ruqin weineiruila, zhongguo sunshi da ma? Women gai ruhe yingdui? 美入侵委内瑞拉，中国损失大吗？我们该如何应对？(The Venezuelan crisis and China's position (in Chinese). URL: https://user.guancha.cn/main/content?id=1578434 (accessed: 28.06.2026).
11. Global (2026). Weineiruila biantian: Zhongguo liyi you naxie yingxiang? 委内瑞拉变天：中国利益有哪些影响？(Regime Change in Venezuela: What Are the Implications for China's Interests?). URL: https://global.hk01.com/国际分析/60309491/委内瑞拉变天-中国利益有哪些影响-债务不确定性大-点经 (accessed: 15.06.2026).
12. Investing.com (2026). Factbox: China's Oil Investments in Venezuela. URL: https://www.investing.com/news/stock-market-news/factboxchinas-oil-investments-in-venezuela-4429843 (accessed: 18.06.2026).
13. Kommersant (2026). The Chinese trace in Venezuela: results and prospects (in Russian). URL: https://www.kommersant.ru/doc/8422466 (accessed: 30.05.2026).
14. MFA (2017). Zhongguo tong weineiruila de guanxi 中国同委内瑞拉的关系 (China's relations with Venezuela) // Renmin gongheguo waijiao bu 人民共和国外交部 [China's Ministry of Foreign Affairs]. https://www.mfa.gov.cn/web/gjhdq_676201/gj_676203/nmz_680924/1206_681168/sbgx_681172/ (accessed 02.07.2026). (In Chin.).
15. MK.ru (2026). China outplayed the USA in the matter of oil supplies from Venezuela (in Russian). February 19. URL: https://www.mk.ru/politics/2026/02/19/kitay-pereigral-ssha-v-voprose-postavok-nefti-iz-venesuely.html (accessed: 30.05.2026).
16. MPetromin (2026). Ministry of Popular Power for Petroleum of Venezuela (in Spanish). URL: http://www.mpetromin.gob.ve (accessed: 28.04.2026).
17. Nodal (2017). From China, Venezuela launches its third satellite into space (in Spanish). October 9. URL: https://www.nodal.am/2017/10/desde-china-venezuela-lanza-tercer-satelite-al-espacio/ (accessed: 17.06.2026).
18. Petroleum AG (2024). Sanctions against PDVSA: guilty or excuses? (in Spanish). URL: https://petroleumag.com/blog-573-sanciones-a-pdvsa-culpables-o-excusas (accessed: 16.06.2026).
19. RBC (2026 (1)). Venezuela and China: debt history (in Russian). January 15. URL: https://www.rbc.ru/base/15/01/2026/6964f1359a7947024851eff7 (accessed: 14.06.2026).
20. RBC (2026 (2)). Political crisis in Venezuela and China's position (in Russian). February 5. URL: https://www.rbc.ru/politics/05/02/2026/69843edc9a7947358ef52c74 (accessed: 03.07.2026).
21. Reuters (2026 (1)). China's Oil Investments in Venezuela. January 5. URL: https://www.reuters.com/business/energy/chinas-oil-investments-venezuela-2026–01–05/ (accessed: 23.06.2026).
22. Reuters (2026 (2)). Private Chinese Firm Producing Oil in Venezuela Under Rare 20-Year Pact, Source Says. August 22. URL: https://www.reuters.com/business/energy/private-chinese-firm-producing-oil-venezuela-under-rare-20-year-pact-source-says-2025–08–22/ (accessed: 24.06.2026).
23. Rigzone (2010). CNPC, Sinopec, CNOOC Sign Venezuela O&G Deals. December 3. URL: https://www.rigzone.com/news/cnpc_sinopec_cnooc_sign_venezuela_og_deals-03-dec-2010–101871-article/ (accessed: 24.06.2026).

24. Sina Finance (2026). Zhongguo zai Weineiruila de touzi: xianzhuang yu qianjing 中国在委内瑞拉的投资：现状与前景 (China's Investments in Venezuela: Current Status and Prospects). January 18. URL: https://finance.sina.com.cn/roll/2026–01–18/doc-inhhtxwr7490263.shtml (in Chinese) (accessed: 28.06.2026).
25. S&P Global Commodity Insights (2024). China to Draw More Venezuelan Crude as India Looks to Avoid Sanctions-Hit Barrels. April 19. URL: https://www.spglobal.com/energy/en/news-research/latest-news/crude-oil/041924-china-to-draw-more-venezuelan-crude-as-india-looks-to-avoid-sanctions-hit-barrels (accessed: 27.06.2026).
26. Statbase (2026). Venezuela: Oil Refining Capacity. URL: https://statbase.ru/data/ven-oil-refining-capacity/ (accessed: 25.06.2026).
27. The Economic Times (2026). China's Oil Investments in Venezuela. URL: https://economictimes.indiatimes.com/news/international/world-news/chinas-oil-investments-in-venezuela/articleshow/126354640.cms?from=mdr (accessed: 03.07.2026).
28. Wen Wei Po (2026). Weineiruila shiyou chanye yu Zhongguo touzi 委内瑞拉石油产业与中国投资 (Venezuela's Oil Industry and Chinese Investment) (in Chinese). January 5. URL: https://www.wenweipo.com/a/202601/05/AP695bad41e4b09705957daea3.html (accessed: 06.07.2026).
29. World Energy (2026). Zhongguo zai Weineiruila de nengyuan touzi 中国在委内瑞拉的能源投资 (China's Energy Investments in Venezuela) (in Chinese). URL: https://www.world-energy.org/article/47553.html (accessed: 05.07.2026).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Семенова Нелли Кимовна – кандидат политических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва, Россия

Semenova Nelli K. – PhD (Political science), Senior Researcher, Institute of Oriental Studies RAS, Moscow, Russia

Раскрытие информации о конфликте интересов
Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Информация о статье
Поступила в редакцию: 13.07.2026.
Одобрена после рецензирования и принята к публикации: 20.07.2026.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Conflicts of Interest Disclosure
The author declares that there is no conflict of interest.

Article info
Submitted: 13.07.2026.
Approved after peer reviewing and accepted for publication: 20.07.2026.

The author has read and approved the final manuscript.

Научная статья. Экономические науки
УДК 338(510)
https://doi.org/10.31696/2227-5568-2026-03-094-114

ДОЛГОСРОЧНЫЙ ПРОГНОЗ РАЗВИТИЯ ЭКОНОМИКИ ЛЬДА И СНЕГА В КИТАЕ ДО 2060 ГОДА: СЦЕНАРИИ, ФАКТОРЫ И ТРАЕКТОРИИ

Алина Николаевна Стеблянская

Институт востоковедения РАН, Москва, Россия
a.steblyanskaya@ivran.ru, https://orcid.org/0000-0002-1995-4651

Аннотация. В статье представлен долгосрочный сценарный прогноз развития экономики льда и снега в Китае до 2060 г. На основе анализа ретроспективной динамики (объем отрасли вырос с 270 млрд юаней в 2015 г. до 1005,3 млрд юаней в 2025 г.), стратегических ориентиров XV пятилетнего плана (2026–2030 гг.) и глобальных трендов построены три сценария: инерционный, оптимистический и пессимистический. Показано, что среднегодовые темпы роста замедлятся с 21% в 2016–2024 гг. до 3–10% в зависимости от периода и сценария, а абсолютный объем рынка к 2060 г. может составить от 3,2 до 8,0 трлн юаней. Выявлены ключевые структурные сдвиги: снижение доли зимнего туризма (до 25–30%) при росте производства оборудования (30–35%), культурных индустрий и IT-сервисов (15–20%). Пространственная структура трансформируется от моноцентричной (северо-восточное ядро – 65–70% в 2025 г.) к полицентричной (доля Северо-Востока снизится до 25–30% к 2060 г., доля южных всесезонных комплексов возрастет до 20–25%). Особое внимание уделено экологическому прогнозу: доля «зеленой» электроэнергии в энергобалансе отрасли должна достичь 90–100% к 2060 г., углеродоемкость снизится до 5–8 кг CO_2/1000 юаней. Разработан прогноз занятости (от 3 до 5 млн постоянных рабочих мест, эквивалентных 8–12 млн сезонных) и роста доли высококвалифицированных специалистов до 40–50%. Сформулированы рекомендации для политиков и бизнеса, направленные на достижение углеродной нейтральности, климатическую адаптацию и технологический суверенитет.

Ключевые слова: экономика льда и снега, Китай, долгосрочный прогноз, сценарное моделирование, углеродная нейтральность, структурная трансформация, пространственная диверсификация, занятость, искусственный интеллект, климатические риски

Для цитирования: Стеблянская А. Н. Долгосрочный прогноз развития экономики льда и снега в Китае до 2060 года: сценарии, факторы и траектории. *Восточная аналитика*. 2026;17(3):94-114. https://doi.org/10.31696/2227-5568-2026-03-094-114

LONG-TERM FORECAST FOR THE DEVELOPMENT OF CHINA'S ICE AND SNOW ECONOMY UNTIL 2060: SCENARIOS, FACTORS AND TRAJECTORIES

Alina N. Steblyanskaya

Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Science, Moscow, Russia
a.steblyanskaya@ivran.ru, https://orcid.org/0000-0002-1995-4651

Abstract: The paper presents a long-term scenario-based forecast for the development of China's ice and snow economy until 2060. Based on an analysis of retrospective dynamics (the industry's volume grew from 270 billion yuan in 2015 to 1005.3 billion yuan in 2025), strate-

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-ShareAlike 4.0 International (CC BY-SA 4.0).

© Steblyanskaya A. N., 2026
© Eastern Analytics, 2026

gic targets of the 15th Five-Year Plan (2026–2030), and global trends, three scenarios are constructed – inertial, optimistic, and pessimistic. It is shown that the average annual growth rate will slow from 21% in 2016–2024 to 3–10% depending on the period and scenario, while the absolute market volume by 2060 may range from 3.2 to 8.0 trillion yuan. Key structural shifts are identified: a decline in the share of winter tourism (to 25–30%) accompanied by growth in equipment manufacturing (30–35%), cultural industries, and IT services (15–20%). The spatial structure will transform from monocentric (northeastern core – 65–70% in 2025) to polycentric (the share of the Northeast will decline to 25–30% by 2060, while the share of southern all-season complexes will rise to 20–25%). Special attention is paid to the environmental forecast: the share of «green» electricity in the industry's energy balance should reach 90–100% by 2060, and carbon intensity will decrease to 5–8 kg CO_2/1000 yuan. A forecast of employment (from 3 to 5 million permanent jobs, equivalent to 8–12 million seasonal positions) and an increase in the share of highly skilled specialists to 40–50% has been developed. Recommendations for policymakers and businesses are formulated, aimed at achieving carbon neutrality, climate adaptation, and technological sovereignty.

Keywords: ice and snow economy, China, long-term forecast, scenario modeling, carbon neutrality, structural transformation, spatial diversification, employment, artificial intelligence, climate risks

For citation: Steblyanskaya A. N. Long-Term Forecast for the Development of China's Ice and Snow Economy until 2060: Scenarios, Factors and Trajectories. *Eastern Analytics*. 2026;17(3):94-114. (In Russ.) https://doi.org/10.31696/2227-5568-2026-03-094-114

Введение

Долгосрочное прогнозирование развития экономики льда и снега в Китае до 2060 г. сопряжено с высокой степенью неопределенности, обусловленной динамикой макроэкономических показателей, темпами технологического прогресса, климатическими изменениями и эволюцией потребительских предпочтений. Тем не менее целевые ориентиры, закрепленные в стратегических документах, а также устоявшиеся тренды последнего десятилетия позволяют построить обоснованные сценарные прогнозы, охватывающие не только количественные параметры роста, но и качественную трансформацию отрасли под влиянием экологического императива, цифровизации и пространственной экспансии [Ли, Тань, 2022].

В научной литературе представлен ряд исследований, предлагающих количественные прогнозы развития ледово-снежной экономики с применением современных методов машинного обучения и статистического моделирования. В работе Чжу Цяньтао с соавторами (2025) используется LSTM-нейросеть для прогнозирования будущих тенденций рынка на основе исторических данных визуализации. Авторы также анализируют механизмы промышленной конвергенции и операционные механизмы ледово-снежной индустрии, выявляя глубинные логики развития отрасли [Zhu, Han, Zhu, 2025].

Контент доступен под лицензией Creative Commons «Attribution-ShareAlike» («Атрибуция-СохранениеУсловий») 4.0 Всемирная.

© Стеблянская А. Н., 2026
© Восточная аналитика, 2026

Климатическая составляющая прогнозирования разработана в исследовании Цуй Цзяшэна с соавторами (2025), где с использованием машинного обучения (алгоритм случайного леса) осуществляется прогноз сроков проведения ледово-снежной туристической деятельности в северо-восточных провинциях Китая до 2050 г. при различных сценариях изменения климата (SSP 2–4.5 и SSP 5–8.5) [Cui et al., 2025]. Основные выводы работы фиксируют, что при сценарии высоких выбросов (SSP 5–8.5) ожидается незначительное смещение дат начала и окончания сезона, что сократит общую продолжительность эксплуатационного периода по сравнению с умеренным сценарием. Это исследование особенно значимо для долгосрочного прогнозирования до 2060 г., поскольку интегрирует климатические переменные в качестве одного из ключевых факторов неопределенности.

Индексные системы оценки и прогнозирования представлены в коллективной монографии «Отчет об индексе развития экономики льда и снега в Китае» [Синь, Сун, 2025], где предложена многоуровневая система оценочных показателей (4 показателя первого уровня, 14 – второго, 43 – третьего, 289 – четвертого уровня). Распределение весов в этой системе (снежно-ледовый туризм – 40%, зимние виды спорта – 25%, производство оборудования – 25%, культура льда и снега – 10%) задает методологическую рамку для прогнозирования структурных сдвигов в отрасли на долгосрочную перспективу.

Методология прогнозирования, принятая в Цзилиньском университете и легшая в основу «Отчета об индексе развития индустрии льда и снега в Китае», представляет особый интерес благодаря системному учету региональной дифференциации. В рамках данной методологии выделяются четыре субиндекса: туризм, спорт, производство оборудования и культура, что позволяет прогнозировать не только агрегированные показатели, но и структурную динамику отрасли. При этом авторский анализ, представленный в главах IX и X настоящей монографии, демонстрирует возможность повышения веса культурной составляющей до 20% с учетом историко-культурного наследия региона Хэйлунцзян, что расширяет прогнозные возможности индексного подхода.

Прогнозные сценарии развития экономики льда и снега до 2060 года

По мнению автора, долгосрочный прогноз целесообразно структурировать по трем последовательным этапам, каждый из которых характеризуется специфическими драйверами и ограничениями:

- Первый этап (2026–2030 гг.) – плановая пятилетка, институционально закрепленная целевыми ориентирами XV пятилетнего плана. Этот период характеризуется экстенсивно-интенсивным ростом

при доминировании государственного регулирования и инвестиций в инфраструктуру.

- Второй этап (2031–2040 гг.) – переходный период, в котором ожидается замедление темпов роста, смена драйвера с государственных инвестиций на потребительский спрос и рыночные механизмы, а также начало системной адаптации к климатическим изменениям.
- Третий этап (2041–2060 гг.) – долгосрочная перспектива, в рамках которой отрасль должна полностью интегрироваться в модель «экологической цивилизации» и достичь углеродной нейтральности. На этом этапе ключевыми факторами станут технологический суверенитет, климатическая устойчивость и глубокая трансформация структуры потребления.

Китайская государственная телекомпания CCTV, ссылаясь на «Доклад о развитии индустрии зимних видов спорта в Китае (2025)» (中国冰雪产业发展研究报告（2025）), приводит следующие данные: в 2015 г. объем китайской ледово-снежной индустрии составлял 270 млрд юаней, в 2024 г. – 980 млрд юаней, а в 2025 г. он по прогнозу преодолеет порог в 1 трлн юаней, составив 1005,3 млрд юаней. Там же упоминается, что за 10 лет индустрия выросла почти в 4 раза.

Базой для прогноза снижения темпов роста выступают стратегические документы Госсовета КНР. В «Мнении Госсовета КНР о стимулировании жизнеспособности экономики льда и снега посредством высококачественного развития зимних видов спорта» (国办发(2024)49号), утвержденном в ноябре 2024 г., установлены целевые ориентиры: к 2027 г. общий объем отрасли должен составить 1,2 трлн юаней, а к 2030 г. – 1,5 трлн юаней. Эти цифры напрямую цитируются во многих аналитических обзорах.

На их основе можно сделать вывод о заложенном в плане среднегодовом приросте на уровне 8–10% на 2026–2030 гг. Как отмечают аналитики Китайского центра развития информационной индустрии (中国电子信息产业发展研究院, China Center for Information Industry Development (CCID))[1], в «пятнадцатую пятилетку» среднегодовой темп роста потребления в ледово-снежной сфере ожидается на уровне свыше 8%. Это подтверждает логику перехода отрасли от экстенсивного наращивания объемов к интенсивному и качественному развитию. На основе анализа инерционного, оптимистического и пессимистического сценариев предлагаются следующие количественные оценки объема экономики льда и снега в Китае (табл. 1).

[1] CCID (赛迪) – один из ведущих «мозговых центров» (think tanks) в Китае, специализирующийся на исследованиях информационных технологий и промышленной политики и находящийся в прямом подчинении Министерства промышленности и информатизации КНР.

Таблица 1. Прогноз объёма экономики льда и снега в Китае до 2060 года (трлн юаней, в ценах соответствующих лет)

Год	Инерционный сценарий (СТП 5–7%)	Оптимистический сценарий (СТП 8–10% до 2030, затем 4–6%)	Пессимистический сценарий (СТП 3–5%)
2025 (факт)	1,00	1,00	1,00
2027 (план)	1,20	1,22	1,18
2030 (план)	1,50	1,55	1,45
2035	1,95–2,10	2,20–2,40	1,70–1,85
2040	2,50–2,80	3,00–3,40	2,00–2,30
2050	3,60–4,20	4,80–5,50	2,60–3,10
2060	4,80–5,80	6,80–8,00	3,20–4,00

Источник: таблица составлена автором на основе: 中华人民共和国国民经济和社会发展第十五个五年规划纲要 // 新华社 [Основные положения пятнадцатого пятилетнего плана социально-экономического развития Китайской Народной Республики // Синьхуа]. 13.03.2026. URL: https://www.gov.cn/yaowen/liebiao/202603/content_7062633.htm (accessed: 19.08.2026); 黑龙江统计年鉴 (2021–2025) // 黑龙江省统计局 [Статистический ежегодник провинции Хэйлунцзян (2021–2025) // Статистическое управление провинции Хэйлунцзян]. URL: https://tjj.hlj.gov.cn/ (accessed: 12.08.2026); 中国冰雪产业发展研究报告 (2024) // 赛迪顾问. 北京 [Доклад о развитии индустрии льда и снега в Китае (2024) // CCID Consulting. Пекин]. 2024. URL: https://www.ccidgroup.com (accessed: 08.08.2026); [Доклад об исследовании развития ледово-снежной индустрии Китая (2025)]

Прогнозные значения на 2040–2060 гг. получены методом экспоненциального сглаживания и экстраполяции тренда с учетом снижающегося СТП.

Инерционный сценарий предполагает сохранение текущих тенденций: постепенное замедление роста с 8–10% в 2026–2030 гг. до 5–7% в 2031–2040 гг. и 3–4% в 2041–2060 гг. (средний СТП за весь период ~4,5%). Данный сценарий наиболее вероятен при отсутствии технологических прорывов и при сохранении умеренных климатических рисков. К 2060 г. объем рынка достигает 4,8–5,8 трлн юаней, что соответствует примерно 2–3% прогнозируемого ВВП Китая к тому времени.

Оптимистический сценарий учитывает успешную цифровую и зеленую трансформацию, развитие новых направлений (искусственный снег, круглогодичные курорты, экспорт оборудования) и активную государственную поддержку. СТП за весь период может составить около 6–7%, что позволит к 2060 г. достичь объема 6,8–8,0 трлн юаней. Этот сценарий предполагает, что Китай станет мировым лидером не только по масштабу, но и по технологической сложности ледово-снежной индустрии.

Пессимистический сценарий связан с высокими климатическими рисками, замедлением экономического роста, недостаточной адаптацией к технологическим изменениям и усилением конкуренции со стороны других стран. СТП может снизиться до 3–4% уже к 2035 г., и к 2060 г.

объем рынка составит 3,2–4,0 трлн юаней [Mitterwallner et al., 2024; Wei et al., 2025].

Ключевое значение имеет структурная трансформация отрасли. Ниже (табл. 2) представлен прогноз распределения добавленной стоимости по четырем основным сегментам.

Таблица 2. Прогноз структуры экономики льда и снега по сегментам, % от общего объема

Сегмент	2025 (факт/ оценка)	2030 (план/ оценка)	2040	2060
Зимний туризм и досуг	55–60%	45–50%	35–40%	25–30%
Производство оборудования	15–18%	20–22%	25–28%	30–35%
Зимние виды спорта	12–15%	15–18%	15–18%	10–12%
Культура и креативные индустрии	8–10%	10–12%	12–15%	15–20%
Прочие (образование, медицина, IT-сервисы)	5–7%	8–10%	10–12%	15–20%

Источник: составлено автором

Как мы предполагаем, зимний туризм останется крупнейшим сегментом, но его доля будет постепенно снижаться за счет более быстрого роста производства оборудования, IT-услуг и культурных индустрий. К 2060 г. доля туризма может составить 25–30%. Также ожидается, что к 2030 г. Китай выйдет на самодостаточность по большинству позиций (снегоуплотнители, канатные дороги, системы оснежения), а к 2040 г. станет нетто-экспортером высокотехнологичного ледово-снежного оборудования. Планируется рост культурной и креативной составляющей за счет интеграции элементов нематериального наследия, развития брендов, проведения международных фестивалей и экспорта культурных услуг. К 2060 г. доля этого сегмента может достичь 15–20%.

Наряду с традиционными секторами – зимним туризмом, производством оборудования и спортивными мероприятиями – в структуре экономики льда и снега в Китае начинают формироваться новые, ранее маргинальные сегменты, которые в долгосрочной перспективе способны занять существенную долю отрасли. К 2060 г., согласно прогнозным оценкам, совокупный вклад таких направлений, как ледово-снежное образование, подготовка кадров, медицинская реабилитация в холодных регионах, а также IT-платформы и AI-сервисы, может достичь 15–20% общего объема ледово-снежной экономики.

Одним из наиболее динамично развивающихся сегментов выступает ледово-снежное образование и профессиональная подготовка кадров. Массовое вовлечение населения в зимние виды спорта в рамках инициативы «300 миллионов человек на льду и снегу» создало устойчивый спрос

на квалифицированных инструкторов, тренеров, организаторов соревнований и менеджеров курортов. В ответ на этот спрос в провинциях Хэйлунцзян, Цзилинь и Пекине развернуты специализированные образовательные программы: от школьных факультативов («снежные каникулы» в Цзилине) до вузовских кафедр и центров подготовки кадров (Харбинский институт физической культуры, Хэйлунцзянский университет). К 2060 г. ожидается не только количественное расширение таких программ, но их качественная трансформация: внедрение цифровых симуляторов, дистанционных курсов и стандартов сертификации, что превратит образовательный сегмент в самостоятельный рынок с устойчивыми источниками дохода[2].

Тесно связанным с образованием направлением является медицинская реабилитация и оздоровление в холодных климатических условиях. Низкие температуры и естественные криогенные факторы обладают доказанным терапевтическим потенциалом при лечении заболеваний опорно-двигательного аппарата, дыхательной и сердечно-сосудистой систем. В Харбине, Хэйхэ и Удаляньчи уже созданы первые реабилитационные центры, сочетающие воздействие холода, термальные источники и традиционную китайскую медицину. По мере старения населения Китая спрос на такие услуги будет неуклонно расти, а сама отрасль – диверсифицироваться в сторону профилактических программ, санаторно-курортного лечения и посттравматической реабилитации спортсменов. При этом преимущества северных регионов (чистый воздух, устойчивый снежный покров, отсутствие аллергенов) станут их конкурентным преимуществом на общенациональном рынке медицинского туризма.

Наиболее высокую динамику и наибольший мультипликативный эффект демонстрируют IT-платформы и AI-сервисы, проникающие во все сегменты ледово-снежной экономики. В настоящее время уже функционируют платформы для бронирования ski-пассов, аренды инвентаря и покупки билетов на фестивали; внедряются системы прогнозирования загруженности курортов на основе больших данных и AI-рекомендации индивидуальных маршрутов. К 2060 г. эти сервисы эволюционируют в комплексные экосистемы, объединяющие туристов, операторов курортов, транспортные компании и страховщиков. Наряду с потребительскими платформами будут развиваться B2B-решения – системы управления энергопотреблением на базе цифровых двойников, AI-мониторинг

[2] См. исходный документ Госсовета КНР, обосновывающий создание образовательной инфраструктуры: 国务院办公厅：支持有条件的高校（职业学校）开设冰雪相关专业 // eol.cn [Канцелярия Государственного совета КНР: поддерживать открытие специальностей, связанных с ледово-снежной индустрией, в высших учебных заведениях (включая профессиональные училища), где для этого имеются условия // eol.cn]. 06.11.2024. URL: https://www.eol.cn/news/yaowen/202411/t20241106_2640444.shtml (accessed: 08.06.2026).

снежного покрова и климатических рисков, роботизированное обслуживание трасс. Особую перспективу имеют сервисы дополненной и виртуальной реальности, позволяющие жителям теплых регионов «примерять» зимний спорт без выезда на курорты, тем самым расширяя потенциальную аудиторию.

Формирование этих новых сегментов носит не изолированный, а системный характер: образовательные программы готовят кадры для IT-платформ и реабилитационных центров; AI-сервисы, в свою очередь, используются в обучении и диагностике. К 2060 г., как показывают сценарные расчеты, совокупный вклад перечисленных направлений может достичь 15–20% общего объема экономики льда и снега. Их рост будет опережать традиционные сегменты, поскольку они менее зависимы от климатических изменений (образование и IT могут развиваться удаленно, реабилитация – круглогодично в крытых комплексах) и в большей степени отвечают долгосрочным трендам – цифровизации, «серебряной» экономике и человекоцентричности. Таким образом, именно эти новые сегменты будут определять качественное лицо ледово-снежной экономики Китая во второй половине XXI века, обеспечивая ее устойчивость и адаптивность в условиях глобальных вызовов.

Прогноз пространственной структуры: от моноцентра к полицентричной системе

Пространственное развитие экономики льда и снега будет следовать логике формирования полицентричной структуры с несколькими региональными полюсами роста[3] (табл. 3).

Таблица 3. Прогноз пространственной структуры экономики льда и снега

Регион	2025 (оценка доли)	2030 (план/оценка)	2040	2060
Северо-восток (Хэйлунцзян, Цзилинь, Ляонин)	65–70%	55–60%	40–45%	25–30%
Пекин–Тяньцзинь–Хэбэй	15–18%	18–20%	20–22%	18–20%
Синьцзян и Внутренняя Монголия	8–10%	10–12%	12–15%	15–18%
Юг (круглогодичные комплексы)	5–7%	8–10%	15–18%	20–25%
Прочие регионы	2–3%	4–5%	6–8%	10–12%

Источник: составлено автором

[3] См. аналитический доклад ведущего китайского исследовательского центра CCID (赛迪顾问), содержащий детальный анализ структуры и региональных различий в развитии экономики льда и снега, включая оценку вклада отрасли в ВВП провинций: 中国冰雪产业发展研究报告 (2024). 赛迪顾问. 北京. [Доклад о развитии индустрии льда и снега в Китае (2024). CCID Consulting. Пекин]. URL: https://www.ccidgroup.com (accessed: 08.06.2026).

Комментарий: доля традиционного северо-восточного ядра будет постепенно снижаться (с 65–70% в 2025 г. до 25–30% к 2060 г.) при абсолютном росте объемов. Наиболее быстро будут расти южные регионы за счет строительства крытых всесезонных комплексов и близости к крупным агломерациям. К 2060 г. Пекин–Тяньцзинь–Хэбэй, Синьцзян и южные провинции составят конкурентоспособную альтернативу северо-восточному центру, что обеспечит устойчивость всей системы к региональным климатическим и экономическим шокам.

Экологический прогноз: углеродная нейтральность и зеленая трансформация

Ключевым вызовом для экономики льда и снега до 2060 г. является достижение углеродной нейтральности в рамках общегосударственных обязательств Китая. Согласно прогнозам, сокращение естественного снежного покрова к 2050-м годам может составить от 4% до 61% в зависимости от сценария выбросов, а потребность в искусственном оснежении увеличится на 27–80% [Yu, Cai, Zhou, 2022] (табл. 4). Это создает риск попадания в «порочный круг потепления», который необходимо разорвать.

Таблица 4. Прогноз ключевых экологических показателей

Показатель	2025 (оценка)	2030 (план)	2040	2060 (цель)
Доля «зеленой» электроэнергии в энергобалансе отрасли	15–20%	35–40%	60–70%	90–100%
Доля искусственного снега в общем объеме	50–60%	55–65%	65–75%	75–85%
Углеродоемкость на единицу добавленной стоимости (кг CO_2/1 тыс. юаней)	~27	20–22	12–15	5–8
Доля оборудования с энергоэффективностью класса A+	20–25%	40–50%	70–80%	90–95%

Источник: составлено автором

К 2060 году отрасль должна полностью перейти на возобновляемые источники энергии, внедрить системы улавливания и накопления углерода на крупных объектах, а также создать эффективную систему углеродного кредитования, при которой экологически ответственные операторы получат конкурентные преимущества [Fang, Scott, Steiger, 2021; Zou et al, 2022].

Факторный анализ и критические неопределенности

Прогнозные оценки чувствительны к ряду ключевых факторов, которые могут существенно изменить траекторию развития (табл. 5).

Таблица 5. Ключевые факторы и их влияние на прогноз

Фактор	Влияние на рост	Неопределенность	Возможные сценарии отклонения
Темпы роста ВВП и доходов населения	Прямое корреляционное	Высокая	При замедлении роста ВВП до 2–3% годовых пессимистический сценарий становится базовым
Глобальное потепление	Отрицательное для естественных, положительное для искусственных объектов	Очень высокая	При RCP 8.5 (высокий уровень выбросов) к 2060 году закрытие 30–50% низко расположенных курортов
Технологический прогресс (AI, IoT, новые материалы)	Положительное	Средняя–высокая	Прорыв в области энергоэффективного искусственного снега может снизить затраты на 40–60%
Государственная политика и финансирование	Положительное	Низкая–средняя	Высокая степень институциональной преемственности в Китае снижает неопределённость по данному фактору
Демографические изменения и урбанизация	Смешанное	Средняя	Старение населения снижает спрос на активные виды спорта, но увеличивает спрос на wellness-услуги и культурный туризм
Международная конкуренция и экспорт	Положительное для производства оборудования	Высокая	Торговые ограничения могут замедлить экспортный потенциал, но стимулировать импортозамещение

Источник: составлено автором

Проведенный факторный анализ показывает, что долгосрочная траектория развития экономики льда и снега в Китае до 2060 г. определяется сложным взаимодействием нескольких групп факторов, различающихся по степени неопределенности и направленности влияния. Наиболее существенную неопределенность создают глобальное потепление и демографические изменения. При сценарии высоких выбросов (RCP 8.5) ожидается закрытие 30–50% низкорасположенных горнолыжных курортов, что способно кардинально трансформировать пространственную структуру отрасли, сместив акцент на высокогорья Синьцзяна и всесезонные крытые комплексы юга Китая. Одновременно старение населения, снижая спрос на активные зимние виды спорта, формирует новые ниши в оздоровительном туризме и культурных программах, что требует адаптации продуктового портфеля. В противовес этим вызовам технологический прогресс (внедрение AI, IoT, новых материалов) выступает ключевым компенсирующим фактором: потенциальное снижение затрат на искусственное осне-

жение на 40–60% за счет энергоэффективных решений может не только предотвратить закрытие уязвимых курортов, но и сделать их экономически устойчивыми, хотя реализация этого потенциала сопряжена со средней и высокой неопределенностью, зависящей от сроков коммерциализации инноваций. Темпы роста ВВП и доходов населения сохраняют значение классического макроэкономического фактора прямого корреляционного действия: замедление роста до 2–3% в год делает пессимистический сценарий базовым, что особенно критично для сегментов с высокой эластичностью спроса. При этом институциональная преемственность государственной политики в Китае оценивается как фактор с низкой неопределенностью, что обеспечивает надежность прогнозов в части бюджетной поддержки и регуляторной среды. Международная конкуренция и экспортный потенциал производства оборудования находятся в зоне высокой неопределенности: торговые ограничения способны замедлить выход китайской продукции на глобальные рынки, но одновременно стимулируют импортозамещение и технологический суверенитет. Интегральная траектория развития отрасли до 2060 г., таким образом, будет определяться синергией или антагонизмом перечисленных факторов. Наиболее вероятным представляется инерционный сценарий, при котором негативные климатические и демографические эффекты частично компенсируются технологическим прогрессом и активной государственной политикой. Переход к оптимистическому сценарию потребует опережающих инвестиций в климатически устойчивые технологии и диверсификацию продуктового предложения под меняющуюся возрастную структуру населения.

Прогноз занятости и социальных эффектов

Экономика льда и снега к 2060 г. станет значимым работодателем, особенно для северных и сельских территорий. Прогнозируемая численность занятых в отрасли может составить от 3 до 5 млн человек в зависимости от сценария роста (с учетом полной занятости, эквивалентной 8–12 млн сезонных рабочих мест) (табл. 6). При этом структура занятости претерпит значительные изменения: доля высококвалифицированных специалистов (AI, IT, инжиниринг, дизайн, управление) вырастет с текущих 15–20% до 40–50% к 2060 году.

В табл. 6 под «высококвалифицированными специалистами» понимаются работники, занятые в сегментах AI/IT, инженерно-технического обеспечения, промышленного дизайна, стратегического и операционного управления. Количественные оценки на 2060 г. базируются на допущении о продолжении цифровой трансформации и технологической модернизации отрасли в соответствии с целевыми установками достижения углеродной нейтральности и повышения доли добавленной стоимости.

Таблица 6. Структура занятости в экономике льда и снега Китая (2025–2060 гг., прогноз)

Показатель	2025 (оценка)	2030 (план/оценка)	2040 (прогноз)	2060 (прогноз)
Численность занятых (млн чел.)	1,8–2,2	2,5–3,0	3,5–4,0	4,5–5,0
Эквивалентные сезонные рабочие места (млн мест)	4–6	6–8	8–10	10–12
Доля высококвалифицированных специалистов (AI, IT, инжиниринг, дизайн, управление) в общей структуре занятости (%)	15–20	22–28	30–38	40–50
Количество новых профессий и специальностей (накопленным итогом)	>20	~30	~40–45	>50

Источники: 中国冰雪产业发展研究报告 (2024) // 赛迪顾问. 北京 [Доклад о развитии индустрии льда и снега в Китае (2024) // CCID Consulting. Пекин]. URL: https://www.ccidgroup.com (accessed: 08.08.2026); 国务院办公厅关于以冰雪运动高质量发展激发冰雪经济活力的若干意见 // 国务院办公厅 [Мнения Канцелярии Государственного совета по вопросам стимулирования жизнеспособности ледово-снежной экономики путём высококачественного развития ледово-снежного спорта // КГС КНР]. 31.10.2024. URL: https://www.gov.cn/zhengce/zhengceku/202411/content_6985080.htm (accessed: 11.08.2026); 人力资源社会保障部，国家市场监督管理总局，国家统计局联合发布生物工程技术人员等19个新职业 // 中华人民共和国人力资源和社会保障部 [19 новых профессий включены в официальный перечень! «Цифровизация» и «интеллектуализация» стали их новыми метками // Министерство трудовых ресурсов и социального обеспечения КНР]. 31.07.2024. URL: https://www.mohrss.gov.cn/SYrlzyhshbzb/dongtaixinwen/buneiyaowen/rsxw/202407/t20240731_523281.html (accessed: 12.08.2026); 关于发挥人力资源社会保障作用大力支持冰雪经济高质量发展的若干措施 // 吉林省人力资源和社会保障厅 [Ряд мер по использованию потенциала трудовых ресурсов и социального обеспечения для всемерной поддержки высококачественного развития ледово-снежной экономики // Департамент трудовых ресурсов и социального обеспечения провинции Цзилинь]. 21.11.2025. URL: https://xxgk.jl.gov.cn/zcbm/fgw_97992/xxgkmlqy/202511/t20251127_9361504.html (accessed: 12.06.2026)[4]

Прогноз (доля от ВРП, ВВП)

Поскольку единой официальной статистики по доле экономики льда и снега в ВРП (валовом региональном продукте) для всех регионов не существует, данные были рассчитаны на основе имеющихся показателей и прогнозов (табл. 7).

Северо-восточные регионы – это главные центры зимнего туризма Китая, где индустрия является точкой роста, тогда как в экономике огромного юга она пока занимает небольшую часть [Фан и др., 2025]. Поэтому ее доля в структуре ВРП провинций может быть в десятки раз выше, чем в среднем по стране.

[4] Мультипликативные эффекты: 秦朔 (2025) – анализ занятости на одном горнолыжном курорте (3 тыс. прямых и десятки тысяч косвенных рабочих мест); 胡立彪 (2025) – мультипликатор 1:5 и выше. Демографический контекст: 刘振等 (2024) – анализ потерь населения в провинциях Северо-Восточного Китая за 2010–2024 гг. Прогнозные оценки на 2040–2060 гг. рассчитаны автором монографии на основе сценарного моделирования с учетом экстраполяции текущих трендов и целевых ориентиров XV пятилетнего плана (2026–2030 гг.).

Таблица 7. Итоговая таблица, объединяющая рассчитанные доли и общий показатель по стране

Провинция / Регион	Доля в ВРП / ВВП (2025)	Основание расчёта
Провинция Хэйлунцзян	≈ 6,0–6,5%	Суммарный объем экономики достиг 301 млрд юаней. Доля одного лишь туризма составляет 4,7%
Провинция Цзилинь	≈ 6,0%	Совокупный объём производства может составить 250 млрд юаней
Провинция Ляонин	≈ 1,9%	Целевой показатель: 2027 г. – 190 млрд, 2030 г. – 250 млрд
Среднее по 7 ключевым регионам	≈ 3,5–4,0%	Суммарный ВРП регионов-лидеров значительно ниже общенационального
Всего по Китаю	≈ 0,72%	Сегмент достиг 1 трлн юаней при ВВП 140 трлн юаней
Прогноз на 2030 г.	≈ 1,0%	Отрасль вырастет до 1,5–1,54 трлн юаней

Источник: составлено автором

Ограничения исследования

Представленный прогноз развития экономики льда и снега в Китае до 2060 г., несмотря на использование релевантных исходных данных и общепринятых методов сценарного моделирования, имеет ряд ограничений, которые необходимо учитывать при интерпретации результатов и использовании их для принятия управленческих решений. Основные ограничения связаны с высокой степенью неопределенности ключевых внешних факторов, упрощающими допущениями модели и отсутствием в анализе редких, но катастрофических событий.

1. Чувствительность к климатическим сценариям

Прогнозные оценки, особенно касающиеся сокращения естественного снежного покрова, потребности в искусственном оснежении и закрытия низкорасположенных курортов, напрямую зависят от принятого сценария глобальных выбросов парниковых газов. В работе использованы сценарии SSP 2–4.5 (умеренный) и SSP 5–8.5 (высокий уровень выбросов), основанные на текущих моделях Межправительственной группы экспертов по изменению климата (МГЭИК). Однако реальная климатическая траектория может отклоняться от этих сценариев вследствие непредвиденных факторов: резкой акселерации таяния многолетней мерзлоты, изменения характера циркуляции атмосферы или непредсказуемых вулканических событий. Кроме того, региональные климатические модели для территории Китая обладают погрешностью, особенно для горных районов (Алтай, Тянь-Шань), где локальные микроклиматические условия могут существенно отличаться от среднерегиональных прогнозов. Таким образом, количественные оценки закрытия курортов (30–50% к 2060 г. при сценарии RCP 8.5) следует рассматривать как индикативные, а не абсолютные.

2. Допущение о неизменности государственной политики после 2030 года

В прогнозе предполагается, что институциональная среда, сформированная XV пятилетним планом (2026–2030 гг.), будет в основных чертах сохраняться на всем прогнозном горизонте до 2060 г. В частности, допускается, что государственная поддержка экономики льда и снега (бюджетное финансирование, налоговые льготы, программы привлечения талантов) останется на высоком уровне, а приоритеты национальной стратегии «экологической цивилизации» и «двойной углеродной цели» не претерпят кардинальных изменений. Однако на горизонте в 35 лет возможны сдвиги в политической повестке, перераспределение бюджетных ресурсов в пользу иных отраслей (например, оборонной промышленности, биотехнологий или освоения космоса), а также корректировка климатической политики в сторону ужесточения или, напротив, смягчения требований к бизнесу. Такие изменения способны как ускорить, так и замедлить развитие отрасли, что не учтено в инерционном и оптимистическом сценариях.

3. Отсутствие учета «черных лебедей»

Методология сценарного прогнозирования, основанная на экстраполяции текущих трендов и чувствительности к известным факторам (ВВП, технологии, демография), не позволяет системно учитывать редкие, высокоамплитудные события с низкой вероятностью, но катастрофическими последствиями («черные лебеди»). К таким событиям для экономики льда и снега можно отнести:

– пандемию нового типа, приводящую к многолетнему закрытию туристических потоков (аналогично COVID-19, но с большей продолжительностью);
– резкий геополитический конфликт в Северо-Восточной Азии, блокирующий трансграничный туризм и поставки оборудования;
– техногенную катастрофу на крупном горнолыжном комплексе, вызывающую массовый отказ потребителей от зимних видов спорта;
– внезапный климатический «перелом» (например, исчезновение снежного покрова в среднегорьях за 5–7 лет вместо постепенного сокращения).

Такие события по определению не могут быть заложены в количественные модели, однако их наступление способно сделать любой из трех построенных сценариев (инерционный, оптимистический, пессимистический) нереалистичным. Для управления рисками «черных лебедей» требуется не столько уточнение прогнозов, сколько создание институциональной и технологической устойчивости (резервные фонды, диверсификация рынков, гибридные бизнес-модели).

4. Упрощения модели структурной динамики

В прогнозе распределения долей сегментов (зимний туризм, производство оборудования, культура, IT-сервисы) использована линейная экстраполяция трендов 2015–2025 годов с учетом экспертных оценок. Не моделировались внутренние конкурентные взаимодействия между сегментами, эффекты замещения (например, вытеснение традиционного туризма виртуальными VR-путешествиями), а также возможная консолидация рынка и появление принципиально новых технологий (например, экзоскелеты для зимнего спорта или термоядерная энергия для оснежения). Более точные оценки потребовали бы построения многофакторной эконометрической модели с обратными связями, что выходит за рамки данного исследования.

5. Ограничения исходных статистических данных

Официальные данные о доле экономики льда и снега в ВРП провинций отсутствуют в единой методике. Использованные автором оценки (например, для Хэйлунцзяна – 6,0–6,5% ВРП) основаны на агрегировании отраслевых докладов и экспертных интервью. Различия в методиках подсчета (включение или исключение смежных секторов: транспорт, общественное питание, производство экипировки) могут приводить к погрешности до 1–2 процентных пунктов. Кроме того, данные о частных инвестициях и рентабельности курортов относятся к коммерческой тайне, поэтому прогнозы инвестиционной активности опираются на косвенные индикаторы (количество регистраций предприятий, объем выпущенных облигаций).

6. Неполнота учета региональной дифференциации

Хотя в работе выделены пять макрорегионов (Северо-Восток, Пекин–Тяньцзинь–Хэбэй, Синьцзян с Внутренней Монголией, Юг, прочие регионы), внутрирегиональные различия (например, между Харбином и сельскими районами Хэйлунцзяна) не моделировались. Это может приводить к завышению оценок социальных эффектов для северных территорий, если в пределах региона будет сохраняться депрессивность отдельных городов. Дальнейшие исследования должны быть направлены на построение прогнозов на муниципальном уровне с использованием пространственно-эконометрических методов.

Перечисленные ограничения не обесценивают полученные прогнозные оценки, но требуют осторожности при их использовании в стратегическом планировании. Рекомендуется ежегодная калибровка модели по фактическим данным, расширение источников информации (включая спутниковый мониторинг снежного покрова и большие данные мобиль-

ных операторов) и разработка адаптивных стратегий, устойчивых к широкому спектру сценариев. Представленные сценарии следует рассматривать как инструмент для анализа чувствительности и выявления критических факторов, а не как точное предсказание будущего.

Заключение

Проведенный сценарный прогноз развития экономики льда и снега в Китае до 2060 г. позволяет сделать вывод о значительном долгосрочном потенциале отрасли, однако характер этого роста будет кардинально отличаться от экстенсивной модели 2015–2025 годов. Ключевыми характеристиками периода до 2060 г. станут: замедление количественных темпов роста (с 21% до 3–10% годовых в зависимости от сценария) при сохранении абсолютного роста объемов; структурная трансформация в пользу производства оборудования, культурных индустрий, IT-сервисов и новых сегментов; пространственная диверсификация с уменьшением доли северо-восточного ядра и ростом южных и западных регионов; глубокая зеленая трансформация как условие выживания отрасли; качественный сдвиг в занятости в сторону высококвалифицированных специалистов.

Для реализации наиболее благоприятного (оптимистического) сценария и минимизации рисков пессимистической траектории необходимы скоординированные действия со стороны государства и частного бизнеса. Ниже сформулированы адресные рекомендации.

Рекомендации для органов государственной власти и политиков

1. Институциональное обеспечение долгосрочной стратегии.

Разработать и утвердить «Стратегию развития экономики льда и снега до 2060 года», выходящую за рамки пятилетних планов. Закрепить в ней целевые показатели углеродной нейтральности отрасли, квоты на использование возобновляемой энергии для курортов (не менее 50% к 2035 г.) и обязательную экологическую сертификацию всех новых ледово-снежных объектов.

2. Климатическая адаптация и поддержка уязвимых регионов.

Создать государственную программу «Климатически устойчивый зимний туризм», включающую:

– субсидирование перехода низкорасположенных курортов на всесезонные форматы (не менее 30% капитальных затрат);
– приоритетное развитие горнолыжных кластеров в высокогорьях (Синьцзян, Внутренняя Монголия) с предоставлением налоговых каникул на 10 лет;
– формирование резервного фонда для компенсации убытков операторов в случае аномально теплых зим.

3. Финансирование технологических прорывов.

Увеличить долю государственных НИОКР, направленных на энергоэффективное искусственное оснежение, системы улавливания углерода на курортах и AI-прогнозирование снежного покрова, до 15–20% от общего бюджета спортивной и туристической науки. Создать венчурный фонд «Зеленый лед» объемом не менее 50 млрд юаней для поддержки стартапов в области низкотемпературных технологий.

4. Кадровая политика и образовательная инфраструктура.

Ввести обязательную квоту на целевое обучение по ледово-снежным специальностям (AI-инженерия, биомеханика зимних видов спорта, экологический менеджмент курортов) в размере 10 тыс. бюджетных мест ежегодно. Расширить программу «снежных каникул» на все провинции, включив в нее модули по климатической грамотности и цифровым технологиям.

5. Международная кооперация.

Ускорить подписание двусторонних соглашений о взаимном признании профессиональных стандартов в ледово-снежной сфере со странами Северо-Восточной Азии и Европы (Россия, Япония, Норвегия). Создать «Азиатский альянс углеродно-нейтральных курортов» с общей системой торговли квотами на выбросы.

Рекомендации для бизнеса
(операторы курортов, производители оборудования, инвесторы)

1. Диверсификация бизнес-моделей и снижение климатических рисков:

– переходить от монозависимости от естественного снега к круглогодичным форматам: летний туризм (походы, велосипедные трассы), конференц-услуги, wellness-программы;
– инвестировать в системы «умного оснежения» (интеллектуальное дозирование воды и энергии, прогностические алгоритмы) – ожидаемая окупаемость 3–5 лет за счет снижения затрат на электроэнергию на 30–40%;
– заключать долгосрочные контракты на поставку «зеленой» энергии с местными ветро- и солнечными станциями, фиксируя цену на 10–15 лет.

2. Технологическая модернизация производства оборудования:

– сосредоточить R&D на разработке легких композитных материалов (карбон, био-полимеры) для лыж, сноубордов и защитной экипировки – снижение веса на 30% увеличивает экспортный потенциал;
– выходить на рынок решений для искусственного климата (крытые комплексы) с полным циклом «под ключ» – целевые рынки: Юго-

Восточная Азия, Ближний Восток, где спрос на indoor-катание растет на 20% в год;
– участвовать в государственных программах импортозамещения: локализовать производство высокоточных систем оснежения и канатных дорог, заместив не менее 70% импортных компонентов к 2035 г.

3. Управление персоналом и социальная ответственность:
– создавать корпоративные центры обучения с VR-тренажерами для массовой подготовки инструкторов и техников – снижение затрат на обучение на 40%;
– внедрять программы по удержанию молодежи в северных регионах: жилищные сертификаты для сотрудников, работающих более 3 лет, оплачиваемые стажировки для студентов местных вузов;
– инвестировать в медицинскую реабилитацию на базе курортов (восстановление после травм, профилактика сердечно-сосудистых заболеваний с использованием криотерапии) – новый быстрорастущий сегмент с рентабельностью до 25%.

4. Цифровая трансформация и клиентоцентричность:
– внедрять единые мобильные приложения с AI-помощником, интегрирующим бронирование, прогноз погоды, загрузку трасс и лояльностную программу (мили за «зеленое» поведение – отказ от одноразового пластика, использование электромобилей);
– развивать B2B-платформы для обмена данными о снегонакоплении и потоках туристов между курортами – снижение операционных рисков и повышение безопасности;
– использовать цифровые двойники для оптимизации энергопотребления: пилотные проекты на курортах Харбина и Чунли показали экономию электроэнергии до 22%.

Таблица 8. Приоритеты по этапам

Период	Для политиков	Для бизнеса
2026–2030	Принять стратегию до 2060 г., запустить фонд «Зелёный лёд», внедрить экосертификацию	Переход на зелёную энергию, создание VR-центров обучения, старт проектов круглогодичных курортов
2031–2040	Ввести углеродный налог на выбросы >15 кг CO_2/ски-пас, субсидировать высокогорные курорты	Масштабировать производство композитного оборудования, выйти на экспорт в АСЕАН и Персидский залив
2041–2060	Обеспечить полную углеродную нейтральность отрасли, гармонизировать стандарты с OECD	Стать нетто-экспортёром технологий, доминировать в сегменте AI-решений для зимнего спорта

Источник: составлено автором

Прогнозные оценки, представленные в настоящей статье, носят индикативный характер и подлежат ежегодной корректировке. Однако даже при самом пессимистическом сценарии экономика льда и снега сохранит статус одной из динамично развивающихся отраслей китайской экономики, а ее мультипликативный эффект на смежные секторы будет оставаться значимым фактором национального развития на всем прогнозном горизонте до 2060 г. Реализация предложенных рекомендаций позволит не только достичь целевых показателей, но и превратить Китай в глобального лидера устойчивой ледово-снежной индустрии.

Литература / References

1. Fang Y., Scott D., Steiger R. The impact of climate change on ski resorts in China // International Journal of Biometeorology. 2021. 65. P. 677–689. https://doi.org/10.1007/s00484-019-01822-x
2. Mitterwallner V., Steinbauer M., Mathes G., Walentowitz A. Global reduction of snow cover in ski areas under climate change // PLoS ONE. 2024. No. 19 (3). e0299735. https://doi.org/10.1371/journal.pone.0299735
3. Wei Y., Li J., Luo D., Tang X., Wu Z., Wang X. Risks and sustainability of outdoor ski resorts in China under climate changes // npj Climate and Atmospheric Science. 2025. Vol. 8, 26. https://doi.org/10.1038/s41612-025-00917-0
4. Yu J., Cai W., Zhou M. Evaluation and Prediction Model for Ice–Snow Tourism Suitability under Climate Warming // Atmosphere. 2022. Vol. 13 (11). P. 1806. https://doi.org/10.3390/atmos13111806
5. Zou Y., Sun P., Ma Z., Lv Y., Zhang Q. Snow Cover in the Three Stable Snow Cover Areas of China and Spatio-Temporal Patterns of the Future // Remote Sensing. 2022. 14(13):3098. https://doi.org/10.3390/rs14133098
6. Zhu Q., Han C., Zhu R. The Current Status, Challenges, and Policy Orientation of the Ice and Snow Economy in China // Journal of Resources and Ecology. 2025. № 16 (5). P. 1285–1293. https://doi.org/10.5814/j.issn.1674-764x.2025.05.003
7. [Доклад о развитии ледово-снежного туризма в Китае (2026)]. 中国冰雪旅游发展报告 (2026). 中国旅游研究院. 北京: 中国统计出版社, 2026.
8. [Доклад об исследовании развития ледово-снежной индустрии Китая (2025)]. 中国冰雪产业发展研究报告 (2025). 北京：中国旅游出版社, 2026.
9. [Китайский статистический ежегодник – 2025]. 中国统计年鉴2025. 国家统计局, 中国统计出版社, 2025. 608 с.
10. [Ли Ан, Тань Хун. О стратегиях продвижения ледово-снежной спортивной экономики Китая в контексте Пекинской зимней Олимпиады // Инновационные исследования в области ледовых и снежных видов спорта]. 李昂，谭虹. 论北京冬奥会背景下我国冰雪体育经济的推进策略 // 冰雪体育创新研究. 2022. Vol. 15. Pp. 45–47.
11. [Синь Бэньлу, Сун Дунлинь. Отчёт об индексе развития индустрии льда и снега в Китае. Пекин: Издательство «Экономическая наука»]. 辛本禄，宋冬林. 中国冰雪经济发展指数报告. 北京：经济科学出版社. 2025. 152 с.

12. [Фан Янь, Чжан Яо, Цзян Ии, Сюй Хайбинь. Влияние пространственной агломерации предприятий ледово-снежной индустрии в Северо-Восточном Китае на высококачественное экономическое развитие // Географические исследования]. 方琰, 张瑶, 蒋依依, 徐海滨. 东北地区冰雪企业集聚对经济高质量发展的空间效应影响研究 // 地理研究. 2025. № 44 (5). С. 1399–1417. https://doi.org/10.11821/dlyj020241050

13. [Цуй Цзяшэн, Ли Фэнцзяо, Ван Линъэнь, Чжан Шуин, Чжэн Чэньжоуюй. Пространственно-временной отклик ледово-снежной туристической деятельности в трёх провинциях Северо-Восточного Китая в контексте изменения климата // Географические исследования]. 崔家胜, 李凤娇, 王灵恩, 张书颖, 郑陈柔雨. 气候变化背景下东北三省冰雪旅游活动的时空响应研究 // 地理研究. 2025. № 44 (5). С. 1361–1377. https://doi.org/10.11821/dlyj020240679

Электронные ресурсы /Electronic sources

1. [19 новых профессий включены в официальный перечень! «Цифровизация» и «интеллектуализация» стали их новыми метками // Министерство трудовых ресурсов и социального обеспечения КНР]. 人力资源社会保障部, 国家市场监督管理总局, 国家统计局联合发布生物工程技术人员等19个新职业 // 中华人民共和国人力资源和社会保障部. 31.07.2024. URL: https://www.mohrss.gov.cn/SYrlzyhshbzb/dongtaixinwen/buneiyaowen/rsxw/202407/t20240731_523281.html (accessed: 12.08.2026).

2. [30 новых политик по привлечению талантов // Народное правительство провинции Хэйлунцзян]. 人才新政30条 // 黑龙江省人民政府. 23.02.2023. URL: https://www.hlj.gov.cn/hlj/c108587/202302/c00_31546859.shtml (accessed: 22.06.2026).

3. [Доклад о развитии индустрии льда и снега в Китае (2024) // CCID Consulting. Пекин]. 中国冰雪产业发展研究报告 (2024) // 赛迪顾问. 北京. 2024. URL: https://www.ccidgroup.com (accessed: 08.08.2026).

4. [Канцелярия Государственного совета КНР: поддерживать открытие специальностей, связанных с ледово-снежной индустрией, в высших учебных заведениях (включая профессиональные училища), где для этого имеются условия // eol.cn]. 国务院办公厅: 支持有条件的高校 (职业学校) 开设冰雪相关专业 // eol.cn. 06.11.2024. URL: https://www.eol.cn/news/yaowen/202411/t20241106_2640444.shtml (accessed: 08.08.2026).

5. [Мнения Канцелярии Государственного совета по вопросам стимулирования жизнеспособности ледово-снежной экономики путем высококачественного развития ледово-снежного спорта // КГС КНР]. 国务院办公厅关于以冰雪运动高质量发展激发冰雪经济活力的若干意见 // 国务院办公厅. 31.10.2024. URL: https://www.gov.cn/zhengce/zhengceku/202411/content_6985080.htm (accessed: 11.08.2026).

6. [Основные положения пятнадцатого пятилетнего плана социально-экономического развития Китайской Народной Республики // Синьхуа]. 中华人民共和国国民经济和社会发展第十五个五年规划纲要 // 新华社. 13.03.2026. URL: https://www.gov.cn/yaowen/liebiao/202603/content_7062633.htm (accessed: 19.08.2026).

7. [Ряд мер по использованию потенциала трудовых ресурсов и социального обеспечения для всемерной поддержки высококачественного развития ледово-снежной экономики // Департамент трудовых ресурсов и социального обеспечения провинции Цзилинь]. 关于发挥人力资源社会保障作用大力支

持冰雪经济高质量发展的若干措施 // 吉林省人力资源和社会保障厅. 21.11.2025. URL: https://xxgk.jl.gov.cn/zcbm/fgw_97992/xxgkmlqy/202511/t20251127_9361504.html (accessed: 12.06.2026).

8. [Статистический ежегодник провинции Хэйлунцзян (2021–2025) // Статистическое управление провинции Хэйлунцзян]. 黑龙江统计年鉴 (2021–2025) // 黑龙江省统计局. URL: https://tjj.hlj.gov.cn/ (accessed: 12.08.2026).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Стеблянская Алина Николаевна – PhD Китайского нефтяного института (Пекин), старший научный сотрудник Центра изучения современного Китая Института востоковедения Российской академии наук, Москва, Российская Федерация; главный научный сотрудник Дома Русского Зарубежья им. А. Солженицына, г. Москва, Российская Федерация

Steblyanskaya Alina N. – PhD, China University of Petroleum (Beijing), Senior Research Fellowr, Center for Contemporary China Studies Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation; Chief Research Fellow, A. Solzhenitsyn House of Russian Abroad, Moscow, Russian Federation

Раскрытие информации о конфликте интересов
Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Информация о статье
Поступила в редакцию: 24.08.2026.
Одобрена после рецензирования и принята к публикации: 31.08.2026.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Conflicts of Interest Disclosure
The author declares that there is no conflict of interest.

Article info
Submitted: 24.08.2026.
Approved after peer reviewing and accepted for publication: 31.08.2026.

The author has read and approved the final manuscript.

ПОЛИТИКА

POLITICS

Научная статья. Политические науки
УДК 327 (560)
https://doi.org/10.31696/2227-5568-2026-03-116-127

КОНСТРУИРОВАНИЕ «ТЮРКСКОГО МИРА» ВО ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ ТУРЦИИ ПРИ Р. Т. ЭРДОГАНЕ

Владимир Владимирович Анчиков

Институт востоковедения РАН Москва, Россия
vova.anchikov@yandex.ru, https://orcid.org/0009-0008-0237-6526

Аннотация. В статье анализируется дискурсивное конструирование «тюркского мира» как ключевого элемента внешнеполитической стратегии Турции в период правления Р. Т. Эрдогана. На основе конструктивистского подхода и методологии дискурс-анализа автор рассматривает риторические стратегии, символические конструкции и нарративные модели, посредством которых турецкий лидер формирует представление о тюркском мире как о едином цивилизационном и политическом пространстве. Выделяются три основные дискурсивные стратегии: критика существующего миропорядка и обоснование необходимости тюркской консолидации; апелляция к историческому наследию и культурной общности; позиционирование Турции как лидера и «золотого моста» тюркского мира. Анализируется институциональное воплощение дискурса в деятельности Организации тюркских государств и связанных с ней структур. Делается вывод о том, что дискурс «тюркского мира» выполняет двойную функцию: во внешнем измерении он служит инструментом легитимации турецкого присутствия в Центральной Азии и на Кавказе, во внутреннем – средством консолидации электоральной базы и формирования новой национальной идентичности. Выявляются также внутренние противоречия и структурные ограничения данного дискурса, связанные с многовекторной политикой государств Центральной Азии и внутриполитической конкуренцией в самой Турции.

Ключевые слова: Турция, стратегическая культура, тюркский мир, Центральная Азия, пантюркизм, Р. Т. Эрдоган

Для цитирования: Анчиков В. В. Конструирование «тюркского мира» во внешнеполитическом дискурсе Турции при Р. Т. Эрдогане. *Восточная аналитика*. 2026;17(3):116-127. https://doi.org/10.31696/2227-5568-2026-03-116-127

CONSTRUCTING THE «TURKIC WORLD» IN TURKEY'S FOREIGN POLICY DISCOURSE UNDER R. T. ERDOĞAN

Vladimir V. Anchikov

Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
vova.anchikov@yandex.ru, https://orcid.org/0009-0008-0237-6526

Abstract. The article analyzes the discursive construction of the «Turkic World» as a key element of Turkey's foreign policy strategy during the rule of R. T. Erdoğan. Drawing on the constructivist approach and discourse analysis methodology, the author examines the rhetorical strategies, symbolic constructions, and narrative models through which the Turkish leader shapes the perception of the Turkic world as a unified civilizational and political space. Three main discursive

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-ShareAlike 4.0 International (CC BY-SA 4.0).

© Anchikov V. V., 2026
© Eastern Analytics, 2026

strategies are identified: critique of the existing world order and justification of the need for Turkic consolidation; appeal to historical heritage and cultural commonality; and positioning of Turkey as the leader and «golden bridge» of the Turkic world. The institutional embodiment of the discourse in the activities of the Organization of Turkic States and related structures is analyzed. The conclusion is drawn that the discourse of the «Turkic World» performs a dual function: in the external dimension, it serves as a tool for legitimizing Turkey's presence in Central Asia and the Caucasus; in the internal dimension, it serves as a means of consolidating the electoral base and forming a new national identity. The internal contradictions and structural limitations of this discourse, related to the multi-vector policies of Central Asian states and intra-political competition within Turkey itself, are also identified.

Keywords: Turkey, strategic culture, Turkic world, Central Asia, Pan-Turkism, R. T. Erdoğan

For citation: Anchikov V. V. Constructing the «Turkic World» in Turkey's Foreign Policy Discourse under R. T. Erdoğan. *Eastern Analytics*. 2026;17(3):116-127. (In Russ.) https://doi.org/10.31696/2227-5568-2026-03-116-127

В последние годы концепт «тюркского мира» занял центральное место во внешнеполитическом дискурсе Турецкой Республики. Публичные выступления президента Р. Т. Эрдогана, программные документы Организации тюркских государств (ОТГ) и риторика турецких официальных лиц последовательно воспроизводят нарратив о единстве тюркских народов, их общей исторической судьбе и необходимости консолидации перед лицом глобальных вызовов. При этом «тюркский мир» предстает не как объективно существующая данность, а как целенаправленно конструируемый политический и цивилизационный проект.

Актуальность исследования определяется несколькими взаимосвязанными обстоятельствами. Во-первых, дискурс «тюркского мира» стал важнейшим элементом трансформации турецкой стратегической культуры, которая при Р. Т. Эрдогане претерпела существенную эволюцию от кемалистской модели сдерживания к активной пантюркистской экспансии. Во-вторых, данный дискурс непосредственно влияет на внешнеполитические практики Турции в Центральной Азии и на Кавказе, где Анкара последовательно наращивает свое присутствие. В-третьих, анализ дискурсивных стратегий позволяет выявить механизмы, посредством которых политические элиты конструируют идентичности и обосновывают внешнеполитические решения.

Теоретической основой исследования выступает конструктивистский подход, рассматривающий идентичность и интересы государств как социально сконструированные феномены, воспроизводимые через язык, символические практики и институциональные механизмы. Как отмечают И. Нойманн и Х. Хейкка, стратегическую культуру следует понимать как «набор предпосылок для действий», существующий в более или менее

Контент доступен под лицензией Creative Commons «Attribution-ShareAlike» («Атрибуция-СохранениеУсловий») 4.0 Всемирная.

© Анчиков В. В., 2026
© Восточная аналитика, 2026

явной и систематизированной форме и реализуемый на практике [Neumann, Heikka, 2005]. В рамках данного подхода дискурс рассматривается не как простое отражение реальности, а как активный инструмент ее конструирования.

Особое значение для анализа имеет методология дискурс-анализа, позволяющая выявить устойчивые нарративные модели и риторические приемы, через которые политические акторы формируют представления о международной реальности. Как отмечает В. К. Белозеров, дискурс-анализ является одним из ключевых методов исследования стратегических культур, поскольку он позволяет «воспринимать ценностные смыслы, символы и мотивы политических игроков» [Белозеров, 2022].

Дискурс как инструмент конструирования реальности

В рамках конструктивистской парадигмы дискурс понимается не просто как совокупность текстов и высказываний, но как системообразующий механизм производства социальных смыслов. Политические акторы через дискурс не только описывают существующую реальность, но и активно конструируют ее, задавая рамки восприятия, определяя границы допустимого и формируя коллективные идентичности.

Как отмечает Т. А. Алексеева, стратегическая культура может пониматься как «социально сконструированная нормативная система, опирающаяся как на социальные, так и на психологические основания». При этом она не является статичной: «лидеры сплошь и рядом устанавливают баланс между известным и незнакомым, тем самым переформатируя границы возможного» [Алексеева, 2012]. Данное замечание особенно важно для анализа турецкого случая, где личностный фактор играет определяющую роль в трансформации стратегической культуры.

Применительно к анализу турецкой внешней политики это означает, что «тюркский мир» следует рассматривать не как естественную или исторически предопределенную общность, а как дискурсивный конструкт, целенаправленно создаваемый турецкой политической элитой. Как отмечает А. Джонстон, стратегическая культура представляет собой «интегрированную систему символов», которая формирует устойчивые предпочтения в области стратегии [Johnston, 1995]. В данном случае дискурс «тюркского мира» выступает именно такой системой символов, задающей направление внешнеполитического мышления и действий.

Анализ публичных выступлений и программных текстов Р. Т. Эрдогана позволяет выделить три основные дискурсивные стратегии, посредством которых конструируется образ «тюркского мира». Каждая из этих стратегий выполняет специфическую функцию и апеллирует к различным аспектам турецкой идентичности.

Критика существующего миропорядка и обоснование необходимости тюркской консолидации

Первая дискурсивная стратегия заключается в систематической критике существующей международной системы и обосновании тезиса о том, что тюркские государства должны взять на себя ответственность за обеспечение стабильности в своем регионе. В статье «Ключ к миру в Евразии: тюркский мир» Эрдоган характеризует нынешнее состояние международной системы как «серьезное испытание» и пишет, что «все эти вызовы наглядно демонстрируют несостоятельность нынешней международной системы и ее потребность в реформировании»[1].

Острейшим примером этой несостоятельности, по мнению турецкого лидера, является ситуация в секторе Газа: «Израиль своими преступлениями против человечности попирает общечеловеческие ценности»[2]. Эрдоган неоднократно подчеркивает, что существующие глобальные механизмы управления не смогли эффективно ответить на современные вызовы, а международный порядок, основанный на правилах, подвергается дальнейшей эрозии.

В этом контексте тюркский мир позиционируется как альтернативный центр силы, способный предложить более справедливую и эффективную модель регионального управления. Турецкий лидер призывает решать региональные конфликты прежде всего силами самих стран региона – через институциональные инициативы, выделяя Организацию тюркских государств как главный инструмент подобного регионального управления.

Данная риторика органично вписывается в более широкий нарратив о необходимости реформы ООН, который Эрдоган продвигает под лозунгом «мир больше пяти». Как отмечается в его книге «Более справедливый мир возможен!», существующая система постоянного членства в Совете Безопасности и наличие права вето «исключают инклюзивность репрезентации с учетом географического и религиозного распределения населения мира» и ведут к «глубокому кризису представительства» [Эрдоган, 2023, с. 188–192]. Таким образом, критика глобальной институциональной архитектуры становится отправной точкой для обоснования необходимости тюркской консолидации как ответа на системные вызовы.

Апелляция к историческому наследию и культурной общности

Вторая дискурсивная стратегия строится на обращении к общей истории, культуре и языку тюркских народов. Эрдоган последовательно

---

[1] Erdoğan R. T. Avrasya'da Barışın Anahtarı: Türk Dünyası // Anadolu Ajansı. 2024. URL: https://www.aa.com.tr/tr/ (accessed: 05.06.2026).

[2] Там же.

использует исторические аллюзии и символические конструкции, чтобы обосновать идею единства тюркского мира. В своем выступлении на неформальном саммите ОТГ в Туркестане он заявил: «Подобно тому, как наши предки укрепляли мощь тюркского мира путем обеспечения справедливости, так и мы, будучи сильными и суверенными странами, в силах добиться желаемого»[3].

Особое место в этой стратегии занимает языковой вопрос. Эрдоган неоднократно подчеркивает необходимость расширения использования единого тюркского алфавита на основе 34 букв. В его риторике алфавитная гармонизация предстает не как техническая реформа, а как фундаментальный элемент культурной консолидации. «Важно расширять использование тюркского алфавита… а также поддерживать научные и образовательные инициативы в странах-участницах», – заявил он, подчеркнув, что «особое значение имеет развитие технологий искусственного интеллекта для поддержки языков и культурного наследия тюркского мира»[4].

Эрдоган также активно использует образы «Великого Турана» и «золотого века» тюркской цивилизации. В ходе переговоров с президентом Казахстана К.-Ж. Токаевым он заявил: «Надеюсь, что мы сообща превратим предстоящий период в век Тюркского мира»[5]. Статью «Ключ к миру в Евразии» он завершил цитатой средневекового тюркского философа Ходжи Ахмеда Ясави: «Если голодные не насытятся, а сытые не заплачут – мир быстро рухнет»[6]. Такое обращение к символическим фигурам тюркской духовной традиции придает дискурсу сакральный характер и укрепляет его легитимирующий потенциал.

Примечательно, что в данной стратегии акцент делается не на исламской, а именно на тюркской идентичности. Это позволяет включить в орбиту «тюркского мира» те государства Центральной Азии, где исламский компонент не играет доминирующей роли в национальном нарративе, или где он переосмыслен в светском ключе. В то же время этот акцент создает определенное напряжение с неоисламистским компонентом стратегической культуры Турции, о чем будет сказано ниже.

Позиционирование Турции как лидера и «золотого моста»

Третья стратегия связана с позиционированием Турции как естественного лидера тюркского мира и связующего звена между различными

---

[3] Cumhurbaşkanı Erdoğan Türk Devletleri Teşkilatı Gayriresmi Zirvesi'nde konuştu // Anadolu Ajansı. 2025. URL: https://www.aa.com.tr/tr/ (accessed: 12.06.2026).

[4] Там же.

[5] Cumhurbaşkanı Erdoğan Kazakistan Cumhurbaşkanı Tokayev ile görüştü // Anadolu Ajansı. 2025. URL: https://www.aa.com.tr/tr/ (accessed: 12.06.2026).

[6] Erdoğan R. T. Avrasya'da Barışın Anahtarı: Türk Dünyası // Anadolu Ajansı. 2024. URL: https://www.aa.com.tr/tr/ (accessed: 05.06.2026).

регионами и цивилизациями. В официальной риторике Турция предстает как «золотой мост», соединяющий Европу и Азию, «а также весь тюркский мир»[7].

Эрдоган подчеркивает, что Турция, «обладающая мощной экономикой и авторитетной дипломатией», способна играть роль «плеймейкера» на глобальной арене. В 2026 г. Анкара была выбрана туристической столицей Организации тюркских государств, что рассматривается как символическое признание лидирующей роли Турции в тюркском мире. Эрдоган пригласил граждан тюркских государств посетить Анкару и принять участие в культурных и спортивных мероприятиях.

Экономическое измерение также активно вписывается в дискурс лидерства. Эрдоган напоминает, что Турция стала первой страной, признавшей независимость Казахстана в 1991 г., и подчеркивает масштабы двустороннего сотрудничества: товарооборот между двумя странами приближается к 10 млрд долл., прямые инвестиции турецкого бизнеса – к 6 млрд, а турецкие подрядчики реализовали в республике около 550 проектов на сумму свыше 30 млрд долл. «Я твердо верю, что совместными усилиями мы в короткие сроки достигнем целевого показателя товарооборота в 15 млрд долларов», – заявил он[8].

Особое внимание в данной стратегии уделяется транспортным проектам. Эрдоган активно продвигает идею развития Среднего коридора, который он называет «современным эквивалентом Шелкового пути». Этот маршрут, соединяющий Азию и Европу через Центральную Азию, Кавказ и Турцию, приобрел особое значение на фоне сбоев в глобальной торговле. Таким образом, экономическая инфраструктура становится материальным воплощением дискурса «тюркского мира», превращая риторическое единство в практическую взаимозависимость.

Институциональное воплощение дискурса

Дискурс «тюркского мира» не ограничивается риторикой – он находит институциональное воплощение в деятельности Организации тюркских государств и связанных с ней структур. Эрдоган неоднократно подчеркивает необходимость «создания возможностей, которые укрепят нашу организацию в институциональном плане». Он заявляет, что в период председательства Турции в ОТГ будут приложены «большие усилия как для внутреннего укрепления организации, так и на международной арене»[9].

---

[7] Türk Dünyası'nın Altın Köprüsü: Türkiye // TRT. 2025. URL: https://www.trt.com.tr/ (accessed: 12.06.2026).

[8] Cumhurbaşkanı Erdoğan Kazakistan Cumhurbaşkanı Tokayev ile görüştü // Anadolu Ajansı. 2025. URL: https://www.aa.com.tr/tr/ (accessed: 12.06.2026).

[9] Cumhurbaşkanı Erdoğan Türk Devletleri Teşkilatı Gayriresmi Zirvesi'nde konuştu // Anadolu Ajansı. 2025. URL: https://www.aa.com.tr/tr/ (accessed: 12.06.2026).

Особое внимание уделяется расширению сфер сотрудничества. Эрдоган призывает к дальнейшему развитию координации в области кибербезопасности, подчеркивая, что она «стала столь же важной, как безопасность на суше, в воздухе и на море». Также активно продвигается идея развития транспортно-логистических маршрутов, включая Средний коридор.

Важным элементом институционализации дискурса является образовательное и культурное сотрудничество. Эрдоган призывает «сохранять общее наследие тюркского мира и укреплять связи в сфере образования, культуры и туризма». В его риторике образование предстает как ключевой инструмент формирования тюркской идентичности, а культурное сотрудничество – как основа долгосрочной политической интеграции.

Программный документ ОТГ «Видение тюркского мира 2040» закрепляет эти приоритеты на институциональном уровне. Документ структурирует повестку по нескольким направлениям: формирование координированного экономического пространства, конструирование «тюркского бренда» через инструменты культурной дипломатии, образовательная и научная кооперация, гармонизация алфавитов тюркских языков на основе латинской графики. При этом в сфере политической координации формулировки остаются намеренно сдержанными – документ не содержит обязательств по созданию военно-политического союза или глубокой институциональной интеграции[10].

Это позволяет интерпретировать «Видение тюркского мира 2040» как программное закрепление специфической модели. ОТГ позиционируется не как аналог военно-политических структур вроде ОДКБ и не как экономический блок по типу Евразийского экономического союза, а как долгосрочный цивилизационный проект. Его логика строится на постепенной институционализации общей идентичности через образование, культуру, инфраструктуру и повседневные практики взаимодействия.

Двойственная природа дискурса: внешние и внутренние функции

Во внешнем измерении дискурс служит инструментом легитимации турецкого присутствия в Центральной Азии и на Кавказе. Апелляция к общей истории, культуре и языку создает морально-символическое обоснование для турецкой активности в регионе, которая в противном случае могла бы быть воспринята как внешнее вмешательство. Как отмечает С. А. Притчин, «именно культурно-идентификационный фактор позволяет Турции выстраивать отношения с государствами региона на качественно иной основе, чем это делают Россия или Китай» [Притчин, 2024].

[10] Turkic World Vision 2040 // Organization of Turkic States. URL: https://turkicstates.org/en/news/turkic-world-vision-2040 (accessed: 22.06.2026).

Дискурс также служит обоснованием институциональных инициатив – создания ОТГ, Парламентской ассамблеи тюркоязычных стран, ТЮРКСОЙ и других структур. В этом смысле он выполняет функцию «идеологического каркаса», придающего смысл и направленность внешнеполитической деятельности Турции в регионе. Как отмечает В. А. Аватков, «Турция накопила достаточно серьезный опыт в реализации “мягкой силы”, выстраивая систему “притяжения” через схожесть языка, культуры, религии и исторического прошлого» [Аватков, 2023].

Во внутреннем измерении дискурс «тюркского мира» служит средством консолидации электоральной базы Партии справедливости и развития и ее союзников. Он формирует образ «сильной Турции», восстанавливающей историческую справедливость и возвращающей себе лидирующие позиции в тюркском мире. Как показывают опросы, этот нарратив находит отклик у значительной части турецкого общества, особенно среди избирателей националистических партий[11].

Дискурс также выполняет важную функцию внутриполитической легитимации внешнеполитических решений. Как отмечает В. А. Аватков и Р. И. Гузаеров, «внешнеполитические успехи используются для электоральной легитимации» [Аватков, Гузаеров, 2023]. Поддержка Азербайджана в карабахском конфликте, жесткая риторика в отношении Израиля по палестинскому вопросу – всё это одновременно является внешнеполитическими решениями и инструментами внутриполитической мобилизации, укрепляющими образ «сильной Турции» под руководством Эрдогана.

Внутренние противоречия и структурные ограничения дискурса

Несмотря на активное продвижение дискурса «тюркского мира», его реализация сталкивается с рядом объективных ограничений и внутренних противоречий.

Прежде всего, остается нерешенным вопрос о том, в какой степени государства Центральной Азии готовы признать лидирующую роль Турции. Как отмечает С. А. Шерстюков, «Турция воспринимается ими как важный, но не эксклюзивный партнер» [Шерстюков, 2024]. Многовекторная политика Казахстана, Узбекистана и других стран региона предполагает балансирование между несколькими центрами силы, что ограничивает возможности Анкары по превращению дискурса в реальное политическое доминирование. Казахстан одновременно участвует в ОТГ, ЕАЭС и ШОС, что создает сложную систему обязательств и ограничений.

Кроме того, сам дискурс «тюркского мира» содержит внутренние противоречия. С одной стороны, он апеллирует к этнокультурной общ-

[11] Türkiye'nin Dış Politika Öncelikleri Araştırması // PanoramaTR. Ocak 2026. URL: https://www.panoramatr.com/ (accessed: 20.06.2026).

ности тюркских народов, с другой – включает в себя исламский компонент, который связывает Турцию с арабским и персоязычным миром. Эти два вектора не всегда совпадают, и в ряде случаев их сочетание создает напряженность. Как отмечает Е. Г. Гарбузарова, «в Центральной Азии исламский и пантюркистский векторы в целом взаимодополняют друг друга, поскольку большинство населения региона является одновременно тюркским и мусульманским. Однако потенциал конфликта между ними сохраняется, так как ислам объединяет Турцию с персоязычным Ираном и арабским миром, тогда как пантюркизм ориентирован на этнокультурное родство тюркских народов» [Гарбузарова, 2023].

Отдельную проблему представляет культурно-идентификационный компонент в таких странах, как Узбекистан. Узбекская национальная идентичность формируется как синтез тюркских, персидских и исламских элементов, что снижает эффективность односторонней апелляции к «тюркскому единству». Особое значение имеет фигура Тамерлана и связанное с ней тимуридское наследие. В узбекском национальном нарративе Тамерлан выступает прежде всего как национальный герой. Попытки его интерпретации в рамках «общетюркской» истории нередко воспринимаются как внешняя символическая апроприация.

Наконец, следует учитывать, что дискурс «тюркского мира» активно критикуется внешними акторами. Российские аналитики нередко интерпретируют его как попытку создания «тюркского НАТО» в противовес существующим интеграционным структурам, что создает дополнительное напряжение в двусторонних отношениях. Как отмечает В. А. Аватков, «перспективы взаимодействия между ОТГ и ЕАЭС во многом будут зависеть от характера российско-турецких отношений» [Аватков, 2023, с. 176].

Заключение

Проведенный анализ позволяет сделать вывод о том, что дискурс «тюркского мира» во внешнеполитической риторике Р. Т. Эрдогана представляет собой целенаправленно конструируемый нарратив, выполняющий несколько взаимосвязанных функций.

Во-первых, он служит инструментом легитимации внешнеполитической активности Турции в Центральной Азии и на Кавказе. Апелляция к общей истории, культуре и языку создает морально-символическое обоснование для турецкого присутствия в регионе, которое в противном случае могло бы быть воспринято как внешнее вмешательство.

Во-вторых, дискурс «тюркского мира» является элементом более широкой стратегии пересмотра существующего миропорядка. Критика неэффективности международных институтов и обоснование необходимости регионального «владения» проблемами органично вписываются

в турецкую концепцию «мира больше пяти» и позиционируют Турцию как самостоятельный центр силы.

В-третьих, данный дискурс имеет выраженное внутриполитическое измерение. Он служит средством консолидации электоральной базы Партии справедливости и развития и ее союзников, формируя образ «сильной Турции», восстанавливающей историческую справедливость и возвращающей себе лидирующие позиции в тюркском мире. Как показывают опросы, этот нарратив находит отклик у значительной части турецкого общества.

Вместе с тем дискурс «тюркского мира» сталкивается с объективными ограничениями, связанными с многовекторной политикой государств Центральной Азии, внутренними противоречиями между этнокультурной и религиозной составляющими идентичности, а также внутриполитической конкуренцией в самой Турции. Его дальнейшая эволюция будет зависеть от того, в какой степени Анкаре удастся трансформировать риторическое единство в институциональную и экономическую взаимозависимость, а также от реакции других региональных и глобальных акторов.

В перспективе можно ожидать дальнейшего усиления дискурса «тюркского мира» в турецкой внешней политике, особенно в контексте институционального развития ОТГ и реализации «Видения тюркского мира 2040». Однако его трансформация в реальное политическое доминирование остается маловероятной ввиду структурных ограничений и многовекторной политики государств Центральной Азии, стремящихся сохранить стратегическую автономию в отношениях с внешними акторами.

Литература / References

1. Аватков В. А. Россия, Турция и Постсоветский Восток в идейно-ценностной картине мировой политики: монография. М.: Проспект, 2023. 176 с. [Avatkov V. A. Russia, Turkey and the Post-Soviet East in the ideological and value picture of world politics: monograph. Moscow: Prospect, 2023. 176 p. (in Russian)].
2. Аватков В. А., Гузаеров Р. И. «Мир больше пяти», или справедливость по-турецки // Современная Европа. 2023. № 1. С. 194–201. [Avatkov V. A., Guzayev R. I. «The World is Greater than Five,» or Justice in Turkish // Modern Europe. 2023. No. 1. P. 194–201 (in Russian)].
3. Алексеева Т. А. Стратегическая культура: эволюция концепции // Полис. 2012. № 5. С. 130–147. [Alekseeva T. A. Strategic culture: evolution of the concept // Polis. 2012. No. 5. P. 130–147 (in Russian)].
4. Белозеров В. К. Методы анализа стратегических культур // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2022. Т. 15. № 5. С. 29–49. [Belozerov V. K. Methods of analysis of strategic cultures // Contours of global transformations: politics, economics, law. 2022. Vol. 15. No. 5. P. 29–49 (in Russian)].

5. Гарбузарова Е. Г. Роль исламского фактора во внешней политике Турции в Центральной Азии // Исламоведение. 2023. Т. 14. № 3 (57). С. 15–26. [Garbuzarova E. G. The Role of the Islamic Factor in Turkey's Foreign Policy in Central Asia // Islamic Studies. 2023. Vol. 14. No. 3 (57). P. 15–26 (in Russian)].
6. Мавашев Ю. Ю. Новая Турция: между Ататюрком и Эрдоганом: монография. М.: Кавказский геополитический клуб, 2024. 308 с. [Mavashev Yu. Yu. New Türkiye: between Ataturk and Erdogan: monograph. Moscow: Caucasian Geopolitical Club, 2024. 308 p. (in Russian)].
7. Притчин С. А. Турецкая стратегия в отношении Центральной Азии на современном этапе: сильные стороны и ограничители // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2024. № 2. С. 52–62. [Pritchin S. A. Turkish strategy towards Central Asia at the present stage: strengths and limitations // Oikumena. Regional studies. 2024. No. 2. Pp. 52–62 (in Russian)].
8. Шерстюков С. А. Турция в Центральной Азии: «Третья сила»? // Мировая экономика и международные отношения. 2024. Т. 68. № 9. С. 101–112. [Sherstyukov S. A. Türkiye in Central Asia: «The Third Force»? // World Economy and International Relations. 2024. Vol. 68. No. 9. Pp. 101–112 (in Russian)].
9. Эрдоган Р. Т. Более справедливый мир возможен! Актуальное предложение по реформе Организации Объединённых Наций / пер. с тур. С. Учгюль; под ред. Л. У. Звонаревой. М.: Проспект, 2023. 192 с. [Erdogan R. T. A more just world is possible! A current proposal for reform of the United Nations / trans. from Turkish by S. Uçgül; edited by L. U. Zvonareva. Moscow: Prospect, 2023. 192 p. (in Russian)].
10. Johnston A. I. Thinking about Strategic Culture // International Security. 1995. Vol. 19. № 4. Pp. 32–64.
11. Neumann I. B., Heikka H. Grand Strategy, Strategic Culture, Practise: The Social Roots of Nordic Defence // Cooperation and Conflict. 2005. № 40 (1). Pp. 5–23.

Электронные ресурсы / Electronic sources

1. PanoramaT R. Türkiye'nin Dış Politika Öncelikleri Araştırması. Ocak 2026. URL: https://www.panoramatr.com/ (accessed: 20.06.2026).
2. Erdoğan R. T. Avrasya'da Barışın Anahtarı: Türk Dünyası // Anadolu Ajansı. 2024. URL: https://www.aa.com.tr/tr/ (accessed: 05.06.2026).
3. Anadolu Ajansı. Cumhurbaşkanı Erdoğan Türk Devletleri Teşkilatı Gayriresmi Zirvesi'nde konuştu. 2025. URL: https://www.aa.com.tr/tr/ (accessed: 12.06.2026).
4. Anadolu Ajansı. Cumhurbaşkanı Erdoğan Kazakistan Cumhurbaşkanı Tokayev ile görüştü. 2025. URL: https://www.aa.com.tr/tr/ (accessed: 12.06.2026).
5. Anadolu Ajansı. Ankara 2026 Türk Dünyası Turizm Başkenti seçildi. 2025. URL: https://www.aa.com.tr/tr/ (accessed: 12.06.2026).
6. TRT. Türk Dünyası'nın Altın Köprüsü: Türkiye. 2025. URL: https://www.trt.com.tr/ (accessed: 12.06.2026).
7. Министерство иностранных дел Турецкой Республики. Отношения между Турцией и Казахстаном. URL: https://www.mfa.gov.tr/relations-between-turkiye-and-kazakhstan.ru.mfa (accessed: 18.06.2026).
8. Turkic World Vision 2040 // Organization of Turkic States. URL: https://turkicstates.org/en/news/turkic-world-vision-2040 (accessed: 22.06.2026).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Анчиков Владимир Владимирович – лаборант-исследователь Центра научно-аналитической информации Института востоковедения РАН, Москва, Российская Федерация

Anchikov Vladimir V. – Research assistant of the Center for Scientific and Analytical Information, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Раскрытие информации о конфликте интересов
Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Информация о статье
Поступила в редакцию: 30.06.2026.
Одобрена после рецензирования и принята к публикации: 07.07.2026.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Conflicts of Interest Disclosure
The author declares that there is no conflict of interest.

Article info
Submitted: 30.06.2026.
Approved after peer reviewing and accepted for publication: 07.07.2026.

The author has read and approved the final manuscript.

Научная статья. Политические науки
УДК 327.8
https://doi.org/10.31696/2227-5568-2026-03-128-142

РОЛЬ ПАКИСТАНА В СОВРЕМЕННЫХ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЯХ

Вячеслав Яковлевич Белокреницкий

Институт востоковедения РАН, Москва, Россия
enitsky@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0001-8471-928X

Аннотация. В статье отмечается неожиданное выдвижение Пакистана на роль одного из основных посредников в дипломатических усилиях по прекращению военных действий на Ближнем Востоке, развернувшихся после ударов США и Израиля по Ирану в последний день февраля 2026 г. Кратко охарактеризован конфликт Пакистана с Индией в мае 2025 г. и его последствия для пакистано-американских отношений. Основная часть статьи посвящена особенностям современной внешней политики Пакистана, ее связи с историческим наследием и географическим положением страны. Последовательно рассмотрены отношения с соседними государствами, с соседями соседей и нерегиональными глобальными державами. Три пласта взаимосвязей образуют концентрические круги с центром в Пакистане, от внутренней ситуации в котором во многом зависит успех или неудача внешнеполитического курса. В заключительной части статьи коротко охарактеризованы история, состояние и перспективы пакистано-российских взаимоотношений.

Ключевые слова: внешняя политика Пакистана, Индия, Афганистан, Иран, Китай, Саудовская Аравия, США, СССР, Россия

Для цитирования: Белокреницкий В. Я. Роль Пакистана в современных международных отношениях. *Восточная аналитика*. 2026;17(3):128-142. https://doi.org/10.31696/2227-5568-2026-03-128-142

ROLE OF PAKISTAN IN CONTEMPORARY INTERNATIONAL RELATIONS

Vyacheslav Ya. Belokrenitsky

Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
enitsky@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0001-8471-928X

Abstract. The article underlines Pakistan's unexpected emergence as one of the main mediators in diplomatic efforts to end hostilities in the Middle East initiated by the US and Israeli strikes on Iran on the last day of February 2026. The armed conflict between Pakistan and India in May 2025 and its impact of the Pakistani-American relations are briefly discussed. The major part of the article is devoted to the features of Pakistan's modern foreign policy, its connection with the historical heritage and geographical location of the country. Relations with neighboring countries, with neighbors of neighbors and non-regional global powers are sequentially considered. Three layers of interconnections form concentric circles with the center in Pakistan, on the internal situation in which the success or failure of the foreign policy largely depends. In the conclusion, the history, state and prospects of Pakistani-Russian relations are shortly characterized.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-ShareAlike 4.0 International (CC BY-SA 4.0).

© Belokrenitsky V. Ya., 2026
© Eastern Analytics, 2026

Keywords: Foreign Policy of Pakistan, India, Afghanistan, Iran, China, Saudi Arabia, USA, USSR, Russia

For citation: Belokrenitsky V. Ya. Role of Pakistan in Contemporary International Relations. *Eastern Analytics*. 2026;17(3):128-142. (In Russ.) https://doi.org/10.31696/2227-5568-2026-03-128-142

Введение

28 февраля 2026 г. США и Израиль нанесли внезапный удар по Ирану, в результате чего погиб Верховный лидер Исламской Республики аятолла Али Хаменеи, многие члены его семьи, а в последующие дни погибли и пострадали другие руководители государства и его вооруженных сил. Иран ответил ударами по Израилю и арабским союзникам США, на чьей территории располагались американские базы. Военные действия против Ирана, вторые менее чем за год (первые – в июне 2025 г.) были временно прекращены 8 апреля, и объявленное перемирие использовано сторонами конфликта для поиска путей по заключению мира. Другая Исламская Республика, Пакистан, неожиданно оказалась местом проведения переговоров между посланцами президента США Дональда Трампа вице-президентом Дж. Д. Венсом, советниками С. Уиткоффом и Дж. Кушнером с одной стороны и представителями иранского руководства, спикером парламента М. Б. Галибафом и министром иностранных дел А. Арагчи – с другой.

Пакистан впервые в своей истории стал ареной таких значимых для международных дел переговоров на высоком уровне. Их организация потребовала немалых усилий и, хотя переговоры в Исламабаде, состоявшиеся 11 апреля, не завершились заключением мирного соглашения, Иран и после них предпочитал иметь контакты с США при посредстве пакистанской дипломатии. То же самое можно сказать о Вашингтоне, готовом использовать посреднические усилия военного и гражданского руководства Пакистана для сохранения условий, позволяющих на время не прибегать к широкому использованию военных методов достижения своих целей.

В чем причины этого? Ведь известно, что Д. Трамп, особенно во время первого своего пребывания на посту президента в 2017–2021 гг., не слишком жаловал Пакистан, предпочитая развивать контакты с руководством соседней Индии и ее бесспорным харизматическим лидером Н. Моди. Однако ситуация изменилась после событий весны 2025 г., когда в индийской части Кашмира в местечке Пахалгам неизвестные боевики напали на туристический автобус и на глазах у членов семей убили 26 туристов-

Контент доступен под лицензией Creative Commons «Attribution-ShareAlike» («Атрибуция-СохранениеУсловий») 4.0 Всемирная.

© Белокреницкий В. Я.,2026
© Восточная аналитика, 2026

индусов. Официальный Пакистан утверждал, что не имеет к убийству никакого отношения. Но Индия этому не поверила и обещала отомстить. В ночь с 6 на 7 мая индийские ВВС атаковали обнаруженные ими лагеря террористов на территории Пакистана, развернулись ответные действия, которые остановились 10 мая. Пакистан согласился с тем, что главную роль в прекращении конфликта сыграл Трамп. Индия решительно не согласилась, а потом, наверное, пожалела об этом, поскольку дала возможность Пакистану сыграть упомянутую выше роль посредника на переговорах между США и Ираном.

Особое отношение Трампа к руководству Пакистана проявилось уже летом 2025 г., когда он принял в своем кабинете в Белом Доме главу вооруженных сил начальника штаба армии фельдмаршала С. А. Мунира. Показав, что в Вашингтоне разбираются, какое место занимает военная бюрократия в делах управления страной, Трамп вскоре высоко отозвался и о премьер-министре Ш. Шарифе, называя их обоих в своих публичных электронных записях «фантастическими людьми».

Помимо этих непосредственных причин повышения международной роли относительно небольшой страны, впрочем, обладающей ядерным оружием, есть ряд факторов, объясняющих воспринятое в пакистанском обществе с одобрением признание международным сообществом его нового статуса. Задача статьи – в анализе некоторых сторон геополитического положения страны, ее отношений с соседями, региональными и глобальными державами, в том числе с Россией.

Особенности геополитического положения страны и отношения с соседями

Отец истории Фукидид исходил из того, что внешняя политика любого государства зиждется на трех китах – страхе, интересе и амбициях. Страхи вызывают обычно отношения с соседями. Пакистану главный страх внушает его восточный сосед – Республика Индия. Два государства воевали пять раз: 1) в 1947–48 гг. из-за спора вокруг принадлежности полунезависимого княжества колониальных времен Джамму и Кашмир; 2) в 1965 г. – вновь из-за спора по поводу Кашмира; вторая кашмирская война была самой масштабной по интенсивности и ожесточению [Топычканов, 2025]; 3) в 1971 г. – ввиду поддержки Индией политических сил в Пакистане, выступавших за отделение Восточной Бенгалии; эта война имела самые серьезные последствия – распад созданной в 1947 г. страны на две, Пакистан и Бангладеш; помимо восточного имелся и западный, в основном кашмирский фронт, где Пакистан также проиграл; 4) в 1999 г. – длившееся три месяца противостояние на линии контроля в Кашмире, главным образом в северном секторе Каргил [Mazari, 2003]; 5) о пятом конфликте 2025 г.

уже шла речь выше, но до него были еще столкновения в 2016 и 2019 г., протекавшие по сходному сценарию нанесения индийской авиацией ударов по базам террористов на пакистанской территории [Пакистан за рамками стереотипов, 2019]. Кроме того, с конца 1980-х до конца 1990-х годов, в период кашмирской интифады (вооруженных выступлений сепаратистов исламистского толка), регулярно происходили артиллерийские перестрелки на линии контроля в Кашмире, уносившие жизни военнослужащих и мирных жителей. Наконец, в 2001, 2006 и 2008 гг. диверсанты, действующие с территории Пакистана, совершили акты массового террора, направленные против Индии, поставив две соседние страны перед выбором между войной и миром.

В мае прошлого года многие задавались вопросом, не развернется ли широкомасштабная война между Индией и Пакистаном. Но большинство экспертов правильно посчитали, что войны не будет, хотя Индия сохраняет ощутимый перевес сил, тратит на оборону в 10 раз больше (75 млрд долл. США против 7,5), вооруженные силы Индии (1,4 млн) в два раза больше пакистанских (650 тыс.), а с резервистами – в три раза больше. Превосходство в военно-технической области соответствует превосходству в расходах, хотя по некоторым видам вооружений (современные самолеты-истребители, артиллерийские самоходные установки) Пакистан фактически имеет паритет, а возможно и некоторое превосходство, но главный паритет для него – в ядерной области. В мае 1998 г. сначала Индия, а потом Пакистан произвели подземные ядерные испытания. У Индии к настоящему времени по открытым данным 180 бомб, у Пакистана – 170, но приводятся и другие оценки. Имеются и средства доставки – баллистические ракеты и сверхзвуковые самолеты, а также тактическое оружие: у Пакистана – самонаводящиеся ракеты «Бабур», у Индии – «Брахмос», совместного с Россией производства. В обеих странах, очевидно, налажено производство дронов и электронных средств боя и разведки. Индия наращивает сотрудничество с США и Израилем, о чем свидетельствует, в частности, визит Моди в Израиль в марте 2026 г., в разгар его войны с Ираном. Превосходство Индии правомерно соотносить с тем, что у нее два виртуальных противника – Пакистан и Китай. Траты Индии на оборону надо соотносить не только с пакистанскими, но и с китайскими. Это не умаляет страх Пакистана перед Индией, который ведет к его дальнейшей милитаризации (по импорту вооружений Пакистан находится на 10-м месте в мире, тогда как Индия – на первом).

Другой сосед Пакистана – Афганистан (с 2021 г. – Исламский Эмират) тоже подпитывает страхи. При том что на северо-западном направлении у Исламабада безусловное преимущество, военное и экономическое. Вместе с тем угроза эта столь же экзистенциальная, что и со стороны Индии.

Афганистан – запертая на суше (land locked) страна, ее верхи всегда мечтали прорваться к морю. Пакистан служит препятствием, но его можно расколоть, поддержав сепаратизм пуштунов и белуджей. Они составляют большинство в двух пакистанских западных провинциях – Хайбер-Пахтунхва и Белуджистан. Как пуштунский, так и белуджский этнонационализм зародился еще до образования Пакистана. Существенно, что на пакистанской территории вдоль границы с Афганистаном пролегает полоса расселения горных пуштунских племен, которая служит главной опорой и очагом действий боевиков, использующих оружие террора и придерживающихся радикальных исламских взглядов. Поскольку некоторая часть пуштунов (из племен тури, оракзаи) принадлежит к последователям шиизма, ситуацию в полосе осложняют межсектантские споры и столкновения. Соотношение между суннитами и шиитами среди пакистанских мусульман (96% жителей) обычно оценивается как 3:1.

Повторный приход к власти в Афганистане Движения Талибан мог бы, казалось, усилить воздействие Пакистана на ситуацию в соседней стране, поскольку он на протяжении ряда десятилетий оказывал разнообразную помощь талибам, но события приняли другой оборот. Афганские талибы не захотели или не смогли примирить своих собратьев по идеологии, выходцев из подконтрольной Пакистану полосы племен, с властями по ту сторону от границы. Уже к весне 2022 г. отношения между Кабулом и Исламабадом из-за этого необратимо испортились.

Пакистан утверждает, что, используя лагеря и тренировочные базы на приграничной территории, боевики из созданной еще в 2007 г. зонтичной (многосоставной) организации «Техрик-е талибан Пакистан»[1] («Пакистанское движение талибов») наращивают усилия по подрыву спокойствия и порядка в Хайбер-Пахтунхва (по решению парламента от 2018 г. полоса племен присоединена к провинции). Террористическая активность, направленная прежде всего против сил правопорядка – полиции, полувоенных формирований и армии – особенно усилилась с осени 2024 г.

Наряду с пуштунскими боевиками в западных провинциях действовали и расположившиеся в Афганистане белуджские повстанцы из «Белуджистанской армии освобождения» и других группировок. Пакистанская армия и другие силы безопасности с трудом удерживают под контролем ситуацию с разгулом терроризма на западных своих рубежах[2].

Осенью 2025 г. и зимой 2026 г. развернулась настоящая приграничная война, пакистанские самолеты и ракеты бомбили лагеря и опорные пун-

[1] Эта организация признана террористической и запрещена в России.

[2] Khan S.I. A border that weakens state, how Pakistan can fix it // The Express Tribune. 01.12.2025. URL: https://www.tribune.com.pk//story/2579936/a-border-that-weakens-state-how-pakistan-can-fix-it (accessed 01.12.2025).

кты террористов, атаковали Кабул, афганцы пытались отвечать[3]. Наступившее весной 2026 г. замирение весьма шатко и пакистано-афганское военное противостояние может возобновиться.

Таким образом, с соседями по географическому региону, отношения у Пакистана крайне сложные и часто враждебные. Единственное исключение, да и то далеко не бесспорное, – Иран, сосед в юго-западной оконечности страны. По протяженности пакистано-иранская граница (около 1000 км) почти не уступает рубежам с Афганистаном (1500 км) и с Индией (1300 км., не считая линию контроля в Кашмире), но пролегает по безлюдной местности. С обеих сторон от границы проживают белуджские племена. Проблема белуджского сепаратизма – постоянная головная боль для Ирана и Пакистана. В Иране белуджи составляют второе по численности (после курдов) суннитское меньшинство, а в Пакистане сильными являются традиции этнической обособленности и собственного идентитета. Пакистано-иранские отношения долгое время отличались совпадением интересов. Оно было особенно явным в 1970-х гг., когда пакистанская армия вела длительную кровопролитную войну с белуджскими повстанцами, главным образом из племен марри и менгал.

Однако наличие общей белуджской проблемы не снимало подозрений в ее использовании в ущерб друг другу. Исламабад настораживало сближение Ирана с Индией, ставшее весьма заметным с приходом к власти в последней Н.Моди. Внешние силы в лице США не раз пытались разыграть карту противоречий, возникающих между соседями с целью ослабить региональные позиции Ирана [Vatanka, 2017]. С середины 2010-х годов соседям пришлось столкнуться с усилением террористической активности в пограничных районах. В начале 2024 г. Иран нанес ракетный удар по дому одного из лидеров иранских боевиков, проживавшего в Пакистане[4]. Исламабад нанес ответный удар, и на этом стороны договорились остановиться. В 2025 г. отношения заметно улучшились и было, в частности, достигнуто соглашение о возобновлении прямого воздушного сообщения после перерыва в 60 лет. Несмотря на перепады во взаимосвязях и сложности, связанные с фактором Индии, у добрососедского настроя вплоть до последнего времени сохранился запас прочности, сыгравший свою роль в приемлемости для иранской стороны Пакистана в качестве посредника в переговорах с США весной 2026 г. Существенное значение, по-видимому, имело то, что на пакистанской территории нет американских военных баз.

---

[3] Mehmood K. Pakistan launches cross-border strikes on seven terrorist camps after bombings // The Express Tribune. 22.02.2026. URL: https://www.tribune.com.pk/story/2593921/Pakistan-launches-crossborder-strikes-on-seven-terrorist-camps-after-bombings (accessed 22.12.2026).

[4] Shahid S. Iran ‘attacks militant bases’ in Panjgur // Dawn. 17.01.2024. URL: https://www.dawn.com/news/1806404 iran-attacks-militan-bases-in-panjgur (accessed 17.01.2024).

Регионально-глобальный пласт отношений, участие в международных организациях

Помимо регионального пласта международных отношений можно выделить регионально-глобальный. Если для первого, географического или геополитического, уровня главное значение имеют соседи, то для второго – соседи соседей, которые нередко оказываются друзьями. Это наблюдение известно еще со времен индийца Каутилья, автора трактата «Артхашастра» IV в. до н. э. Для Пакистана главным таким государством является Китай, сосед Индии. На первом этапе своего существования (до 1971 г.), когда Пакистан состоял из двух территориальных «крыльев», западного и восточного, удаленных друг от друга по прямой на полторы тысячи километров, Пакистан почти вплотную соприкасался с Китаем благодаря Восточному Пакистану, нынешней Народной Республике Бангладеш. Но и Западный Пакистан территориально соединялся с Китаем (Синьцзян-Уйгурским автономным районом) благодаря пакистанскому контролю над западной частью Джамму и Кашмира. Связи через «голову Индии» с начала 1960-х годов были для Пакистана воздушными, а в 1970–1980-х годах дополнились наземными благодаря сооружению высокогорного Каракорумского шоссе. Шоссе, построенное ценой потерь и напряжения сил китайской и пакистанской армиями, имело в первую очередь военно-стратегическое назначение. Со временем, впрочем, оно приобрело и ограниченную движением в летнее время торгово-экономическую функцию [Ispahani, 1989].

Новое дыхание пакистано-китайский сухопутный мост получил в начале нынешнего столетия, когда были сделаны солидные китайские инвестиции в строительство порта Гвадар на Макранском побережье Пакистана в 100 км от его границы с Ираном [Замараева, 2025]. После некоторой паузы, вызванной, в частности, обострившейся во второй половине 2010-х годов террористической обстановкой в провинции Белуджистан, сотрудничество Пакистана с КНР возобновилось с удвоенной энергией. В 2015 г. приехавший в Исламабад председатель Си Цзиньпин подписал с пакистанскими властями соглашение о «Китайско-Пакистанском экономическом коридоре». КПЭК был призван стать одним из важных проектов в рамках пекинской «Инициативы пояса и пути», широкомасштабной программы мультинациональных и кросснациональных инфраструктурных вложений. Инвестиции в КПЭК первоначально оценивались в 46 млрд долл. США, к концу десятилетия увеличились до 62 млрд, но фактически составили пока несколько больше 20 млрд[5].

[5] Shaikh M. A. Development: What the Chinese are saying about CPEC // Dawn. 02.06.2024. URL: https://www.dawn.com/news/1837268/development-what-the-chinese-are-saying-about-cpec (accessed 2.06.2024).

Снижение темпов сооружения объектов КПЭК в конце 2010-х – начале 2020-х годов обусловлено целым рядом причин – это и пандемия COVID-19 с ее тяжелыми последствиями для Пакистана, и последовавший в ее «хвосте» экономический, а затем и политический кризисы; это и малая эффективность вложений в порт Гвадар, поскольку он лежит в стороне от хорошо освоенных и удобных морских путей; это и неблагоприятная обстановка с безопасностью в Белуджистане. Ко всему надо добавить коррупцию, незаконные махинации посредников и чиновников. Пакистанское руководство, однако, не теряет надежды на придание нового импульса сотрудничеству с Китаем. Не случайно только за апрель и май 2026 г. туда совершили официальные визиты министр иностранных дел И. Дар, президент страны А. А. Зардари и, наконец, премьер-министр Ш. Шариф[6].

Королевство Саудовская Аравия выступает другим исключительно значимым соседом соседа для Пакистана. При этом в качестве соседа выступает Иран, отношения с которым у Пакистана никогда не были столь обостренными и недружественными, как с Индией. Не абсолютизируя использованный нами древний афоризм относительно непременности врага как соседа и друга как его соседа, надо заметить, что Саудовская Аравия вплоть до начала 1960-х годов поддерживала лучшие отношения с Индией, нежели с Пакистаном. И только с наступлением эры подъема исламизма в мире и вступления на саудовский престол короля Фейсала в 1964 г. между Исламабадом и Эр-Риядом установились тесные взаимосвязи.

Регионально-глобальный пласт внешней политики любого государства обычно сопряжен с сочетанием двусторонних связей с многосторонними. Это хорошо видно на примере пакистано-саудовских отношений. Зародившийся на рубеже 1960–1970-х годов форум исламских государств вывел Пакистан на высокий регионально-глобальный уровень. В феврале 1974 г. в пакистанском Лахоре состоялся второй саммит Организации «Исламская конференция» со штаб-квартирой в столице Саудовской Аравии Эр-Рияде[7]. На призыв премьер-министра Пакистана З. А. Бхутто откликнулись саудовский король Фейсал, шах Ирана, лидер революционной Ливийской Джамахирии М. Каддафи, премьер Бангладеш М. Рахман и другие руководители многочисленных мусульманских государств.

Личные контакты между Бхутто и Фейсалом заложили основу дальнейшим тесным взаимосвязям лидеров двух государств. Внезапную смерть

---

[6] PM Shehbaz lands in Hangzhou, kicking off 4-day China visit // Dawn. 23.05.2026. URL: https://www.dawn.com/news/20002474/pm-sehbaz-lands-in-hangzhou-kickinf-off-4-day-china-visit (accessed 23.05.2026).

[7] Организация возникла в 1969 г. на первой конференции в Рабате (Марокко), в 2011 г. переименована в Организацию исламского сотрудничества (ОИС).

короля, убитого в 1975 г. родным племянником, восприняли в Пакистане как свою трагедию. Бхутто распорядился переименовать третий по величине город Лаялпур в Фейсалабад. Отношения между государствами еще более укрепились после отстранения Бхутто от власти при длительном правлении генерала М. Зия уль-Хака, развернувшего скоординированную с саудовцами кампанию исламизации. Она затронула все стороны жизни общества и увеличила влияние религиозных партий и организаций. Сближению содействовала также географическая близость Пакистана к священным местам поклонения мусульман, Мекке и Медине, расположенным на территории СА, а потому и относительная легкость совершения паломничества, хаджа, и малого хаджа – умры.

В Саудовскую Аравию и другие арабские страны Залива с начала нефтяного бума устремились в поисках работы сотни тысяч пакистанцев, в основном деревенских жителей, но также и городских, в том числе квалифицированные кадры рабочих и служащих. Вооруженные силы королевства, особенно авиация, долгое время пополнялись за счет пакистанских офицеров.

Связи между военными кругами продолжали укрепляться в конце XX и начале XXI в. В 2017 г. пакистанский генерал Р. Шариф, возглавлявший предыдущие три года пакистанскую армию, получил разрешение от правительства выехать в Саудовскую Аравию, чтобы встать во главе многонациональной мусульманской военной группировки со штаб-квартирой в Эр-Рияде[8]. Это решение далось Пакистану нелегко, поскольку осложняло его взаимосвязи с Ираном. Тем не менее Исламабад пошел на это, а в последние годы тесное взаимодействие между ним и Эр-Риядом только укреплялось. В сентябре 2025 г. две страны заключили пакт о взаимной обороне, согласно которому нападение на одну из них трактуется как атака на другую. В апреле 2026 г. уже после начала войны против Ирана Пакистан, согласно индийским источникам, направил в Королевство группировку численностью 13 тыс. военнослужащих, а также реактивные самолеты с целью усилить координацию и оперативную готовность вооруженных сил союзников[9].

Подобно тому как продолжением связей с Саудовской Аравией явилась ОИС, отношения с Китаем переросли в многосторонние благодаря Шанхайской Организации Сотрудничества (ШОС). Организация, как

[8] Retired Pakistani General in Riyadh to Lead Saudi Coalition. URL: https://web.archive.org/20170424043231/https://tpnews.com/coverage/04/retired-pakistani-general-riyadh-lead-saudi-coalition) (accessed 21.05.2026).

[9] Pakistan to send troops to Saudi Arabia to train and advise // The Siasat Daily. URL: https://www.siasat.com/pakistan-deploys-13000-troops-fighter-jets-to-saudi-arabia-3451219 (accessed: 21.05.2026).

известно, возникла в 2001 г. и состояла сначала из России, бывших советских республик Средней Азии и Китая. Пекин сыграл главную роль в процессе включения Пакистана в состав этой организации. Завершился этот процесс в 2017 г., когда отношения между Пакистаном и Индией, другим новым членом ШОС, уже неуклонно ухудшались. Возможности КНР вершить дела в другой похожей на ШОС организации, БРИКС, ограничены Россией и Индией. ШОС можно считать регионально-глобальной организацией не только из-за влияния в ней Китая, но и ввиду состава участников, а БРИКС – подлинно глобальной, хотя и выросшей из регионального содружества стран-основательниц – России, Индии и Китая.

Взаимосвязи с глобальными державами. Курс на равноудаленность

Глобальный срез внешнеполитических связей Пакистана с самого начала их существования был, как, впрочем, и для других постколониальных государств, наиважнейшим. После Второй мировой войны вплоть до окончания Холодной войны этот уровень отношений определяли связи с США и СССР. Для Пакистана основное значение имели узы, связывающие его с Америкой. Уже «отец-основатель» государства М. А. Джинна четко определил проамериканский фарватер пакистанской внешней политики, хотя руководил страной всего чуть больше года. Несмотря на такую генеральную линию, двусторонние связи складывались неровно, периоды взлетов сменялись эпизодами падений. На первом этапе, в 1950-х – первой половине 1960-х годов США оказали Пакистану экономическую помощь, которую трудно переоценить. Отсталая даже по колониальным меркам экономика сделала рывок, обогнав по темпам роста такие страны, как Южная Корея, Таиланд, а в Южноазиатском регионе – Индию. Помимо экономической, США предоставили Пакистану военную помощь, сделав ее армию сопоставимой по мощи с индийской. Пакистан ценил оказанную поддержку и с готовностью, особенно после военного переворота 1958 г., участвовал в блоковой политике США, направленной против СССР. На пике такого политического курса в начале 1962 г. пакистанский президент фельдмаршал М. Айюб Хан назвал свою страну «самым союзным из союзников» США (most allied ally).

Разошедшаяся на цитаты фраза скоро стала восприниматься с иронией. В военном конфликте с Индией в сентябре 1965 г. президент США демократ Л. Б. Джонсон, следуя курсу своего предшественника Д. Ф. Кеннеди, предпочитавшего Индию Пакистану, поставил обе воевавшие между собой страны на одну доску, лишив их поставок оружия и боеприпасов, а затем и отказавшись от обязательств по оказанию Пакистану военной и экономической помощи. Решение американской администрации тяжело

отразилось на социально-экономическом положении в Пакистане, что подготовило почву для внутриполитического кризиса в 1971 г. и распада государства с отделением от него Бангладеш.

Пакистану пришлось проглотить горькую пилюлю, поскольку зависимость от США оставалась чувствительной. Но еще и на предшествующем этапе правящие круги страны осознавали пагубность односторонней ориентации. Как выше упоминалось, с начала 1960-х годов Пакистан сблизился с КНР, которая в тот момент воспринималась как часть антиимпериалистического лагеря. Становление Китая как зарождающегося центра силы мирового масштаба подвигло пакистанское руководство на следование курсом на равноудаленность от всех глобальных держав и выстраивание отношений с каждой из них на двусторонней основе без втягивания в комплекс взаимосвязей между ними. Такой курс на «двусторонность» (bilateralism) был теоретически и идейно разработан З. А. Бхутто в пору его пребывания на посту министра иностранных дел в 1963–1966 гг. и служил обоснованием политики в отношении США, СССР и КНР в 1972–1977 гг., когда он возглавлял администрацию страны [Raja, 2024, p. 145–151].

Стремление к равноудаленности осталось теоретически идеалом для всех последующих правительств Пакистана, но претворить его в реальность удавалось далеко не всем. Отношения с США и в целом с Западом оставались и остаются приоритетными для Пакистана вплоть до последнего времени. На этом фоне случались сложные эпизоды, такие как в начале 2010-х и начале 2020-х годов. В первом случае они были следствием открытого нарушения Вашингтоном пакистанского суверенитета в ходе операции по ликвидации 2 мая 2011 г. лидера «Аль-Каиды» Усамы бен Ладена, проживавшего в городке Абботабад, недалеко от столицы – Исламабада. К высадке десанта без уведомления пакистанских властей добавился 26 ноября того же года инцидент с нарушением воздушного пространства Пакистана расположенными в Афганистане ВВС США, атаковавшими по ошибке пакистанский пограничный пост, в результате чего погибло 28 и ранено 12 военнослужащих [Raja, 2024, p. 193–194].

Второй эпизод охлаждения отношений между Пакистаном и США вызван позицией пакистанского правительства во главе с Имран Ханом, сформированного после выборов 2018 г. Пытаясь дистанцироваться от политики односторонней ориентации на Запад, И. Хан после визита в КНР посетил в феврале 2022 г. Москву, встретившись с президентом В. В. Путиным в день начала СВО. Недовольство Вашингтона привело в движение механизм подрыва позиций премьера. В результате парламент вынес ему впервые в истории страны вотум недоверия, и правительство его партии в апреле того года уступило место кабинету оппозиции. Сам он в следующем году оказался в тюрьме. Отношения с США при новых пакистанских

властях улучшились и увенчались посреднической ролью в переговорах Вашингтона и Тегерана, о которой упоминалось в начале статьи.

Историю пакистано-американских отношений часто уподобляют «американским/русским горкам», а классической на эту тему считают монографию Д. Какса под названием «Разочарованные союзники» [Kux, 2001]. Взаимосвязи с СССР тоже отличались чередованием спусков и подъемов. Не повторяя зеркально отношения с США, они находились с ними в противофазе – низкий уровень в 1950-х годах, кризис в отношениях в 1960 г. после перехваченного над территорией СССР 1 мая американского самолета-разведчика, стартовавшего с пакистанского аэродрома в Пешаваре, расширение взаимосвязей во второй половине 1960-х, обрушение в 1971 г., особенно к концу того года, когда СССР полностью поддержал действия Индии в войне с Пакистаном, почти немедленное, как и после инцидента 10-летней давности, повышение уровня двустороннего взаимодействия, а затем его понижение в связи с превращением Пакистана в тыл для борьбы с советским военным присутствием в Афганистане.

Характерно, что несмотря на кризисы Пакистан оставлял открытой дверь для контактов, а СССР оказал ему немалую экономическую помощь, построив на льготных условиях металлургический завод полного цикла, несколько крупных объектов в области энергетики и производственной инфраструктуры. На той же доброжелательной основе формируются отношения с Пакистаном у Российской Федерации, причем с наступлением нового века они неуклонно развиваются по восходящей и охватывают, помимо экономической, военную, с прицелом на борьбу с терроризмом и обеспечение безопасности, и гуманитарную сферы [Белокреницкий, Серенко, 2025, с. 273–440].

Контакты между представителями двух государств достигли максимума в 2024 г., но не увенчались приемом Пакистана в БРИКС из-за оппозиции Индии. В начале марта 2026 г. должен был состояться официальный визит в Москву премьер-министра Пакистана, но был отложен после ударов США и Израиля по Ирану.

Исламская Республика Пакистан при определенных условиях вполне может стать для России одной из опорных точек для продвижения своих интересов в Азии. Нельзя недооценивать богатства пакистанских природных ресурсов, к разработке которых всерьез еще не приступали. Обещающим представляется и сотрудничество нашей страны с Пакистаном в области современных научных технологий. Исключительно молодая структура пакистанского населения (средний возраст по медиане 21 год) может обеспечить, при увеличении вложений в человеческий капитал, уверенный подъем экономики и ее возможностей в сфере международных многосторонних и двусторонних проектов.

Заключение

Завершая, коснемся вопроса о перспективах Пакистана не только с точки зрения связей с Россией, но шире, с позиции его возможной роли в системе МО. Напрашиваются, как это часто бывает с прогнозами, два варианта будущей эволюции, первый из которых видится сейчас более реальным. Он предполагает консолидацию в Пакистане государственной власти на основе нынешней военно-гражданской, «гибридной» модели вкупе с постепенным улучшением экономического фона и ситуации с общественной безопасностью. Очевидно, что такой вариант возможен лишь при достаточно благоприятных внешних условиях, ослаблении давления на Пакистан со стороны террористических группировок, скрывающихся на территории Афганистана, а также Ирана. Преобладание позитивных тенденций внутри страны и на его границах с соседями упрочит статус Пакистана как державы среднего уровня, способной оказывать услуги модератора в деле урегулирования острых международных конфликтов.

Второй вариант, менее вероятный и малоблагоприятный, связан с ухудшением региональной обстановки, усилением напряженности в пакистано-индийских и пакистано-афганских отношениях и неудачей в разрешении острых внутриполитических проблем. В этом случае возрастет зависимость Пакистана от внешних сил, в первую очередь от США, Китая и Саудовской Аравии. Из посредника Пакистан сам может превратиться в страну, нуждающуюся в посреднических услугах, и ему, возможно, потребуется накопленный сегодня опыт их оказания.

Литература/References

1. Белокреницкий В. Я., Серенко И. Н. Пакистан во внешней политике России. Геополитические императивы и динамика двусторонних отношений. М.: ИВ РАН, 2025. 628 с. [Belokrenitsky V. Y., Serenko I. N. Pakistan in the Foreign Policy of Russia. Geopolitical Imperatives and Dynamics of Bilateral Relations. Moscow: IOS RAS, 2025. 628 p. (In Russian)].
2. Замараева Н. А. Пакистано-китайские отношения (1951–2022 гг.) М.: ИВ РАН, 2025. 236 с. [Zamaraeva N. A. Pakistan-Chinese Relations (1951–2022). Moscow: IOS RAS, 2025. 236 p. (in Russian)].
3. Пакистан за рамками стереотипов. В память о Л. В. Шебаршине / отв. ред. Т. В. Борисов, К. В. Макиенко. М.: Центр анализа стратегий и технологий, 2019. 208 с. [Pakistan Beyond The Frame of Stereotypes. Dedicated to the Memory of L. V. Shebarshin / ed. T. V. Borisov, K. V. Makienko. Moscow: Centre for the Study of Strategies and Technologies, 2019. 208 p. (In Russian)].
4. Топычканов П. Война и мир в Кашмире // Экспорт вооружений. 2025. Март–апрель 2025. С. 26–34. [Topychkanov P. War and Peace in Kashmir // Export of Arms. 2025. March-April 2025. P. 26–34 (In Russian)].

5. Ispahani M. Z. Roads and Rivals. The Politics of Access in the Borderlands of Asia. London: I. B. Tauris, 1989.
6. Kux D. The United States and Pakistan 1947–2000. The Disenchanted Allies. Washington: Woodrow Wilson Center Press, 2001.
7. Mazari S. M. The Kargil Conflict 1999. Separating Fact From Fiction. Islamabad: Ferozsons, 2003.
8. Raja S. H. Foreign Policy of Pakistan. History, Challenges and Response 1947–2024. Amazon Edition, 2024.
9. Vatanka A. Iran and Pakistan. Security, Diplomacy and American Influence. London and New York: I. B. Tauris, 2017.

Электронные ресурсы / Electronic Sources

1. Khan S. I. A border that weakens state, how Pakistan can fix it // The Express Tribune. 01.12.2025. URL: https://www.tribune.com.pk//story/2579936/a-border-that-weakens-state-how-pakistan-can-fix-it (accessed 01.12.2025).
2. Mehmood K. Pakistan launches cross-border strikes on seven terrorist camps after bombings // The Express Tribune. 22.02.2026. URL: https://www.tribune.com.pk/story/2593921/Pakistan-launches-crossborder-strikes-on-seven-terrorist-camps-after-bombings (accessed 22.12.2026).
3. Pakistan to send troops to Saudi Arabia to train and advise // Latest News from Hyderabad, Telangana, Bollywood, India | The Siasat Daily. URL: https://www.siasat.com/pakistan-deploys-13000-troops-fighter-jets-to-saudi-arabia-3451219 (accessed: 21.05.2026).
4. PM Shehbaz lands in Hangzhou, kicking off 4-day China visit // Dawn. 23.05.2026. URL: https://www.dawn.com/news/20002474/pm-sehbaz-lands-in-hangzhou-kickinf-off-4-day-china-visit (accessed 23.05.2026).
5. Retired Pakistani General in Riyadh to Lead Saudi Coalition. URL: https://web.archive.org/20170424043231/https://tpnews.com/coverage/04/retired-pakistani-general-riyadh-lead-saudi-coalition) (accessed 21.05.2026).
6. Shahid S. Iran 'attacks militant bases' in Panjgur' // Dawn. 17.01.2024. URL: https://www.dawn.com/news/1806404 iran-attacks-militan-bases-in-panjgur (accessed 17.01.2024).
7. Shaikh M. A. Development: What the Chinese are saying about CPEC // Dawn. 02.06.2024. URL: https://www.dawn.com/news/1837268/development-what-the-chinese-are-saying-about-cpec (accessed 02.06.2024).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Белокреницкий, Вячеслав Яковлевич – д-р ист. наук, канд. экон. наук, профессор, главный научный сотрудник, зав. Центром изучения стран Ближнего и Среднего Востока Институт востоковедения Российской Академии наук, Москва, Российская Федерация

Belokrenitsky Vyacheslav Y. – Dr. of Sc. (Hist.), PhD (Econ), Professor, Chief Researcher, Head, Department for the Study of Countries of Near and Middle East, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Раскрытие информации о конфликте интересов
Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Информация о статье
Поступила в редакцию: 13.07.2026.
Одобрена после рецензирования и принята к публикации: 20.07.2026.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Conflicts of Interest Disclosure
The author declares that there is no conflict of interest.

Article info
Submitted: 13.07.2026.
Approved after peer reviewing and accepted for publication: 20.07.2026.

The author has read and approved the final manuscript.

Научная статья. Политические науки
УДК 341.229 + 327
https://doi.org/10.31696/2227-5568-2026-03-143-153

РОССИЙСКО-КИТАЙСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО В КОММЕРЧЕСКОМ КОСМОСЕ – ВЭНЬЧАН КАК ТОЧКА СБОРКИ

Мария Юрьевна Ульянова
Институт востоковедения РАН, Москва, Россия
m.ulyanova@ivran.ru, https://orcid.org/0009-0004-4051-074X

Аннотация. Статья посвящена проблематике российско-китайского сотрудничества в коммерческом (частном, гражданском) космосе на примере рассмотрения перспектив взаимодействия на базе первого в Китае коммерческого космодрома, позиционируемого как «международное окно развития космической отрасли», – Международного космического города Вэньчан (порт свободной торговли Хайнань, Китай). Рассматриваются географические, политические и инфраструктурные преимущества Вэньчан как площадки для международной кооперации, среди которых низкая широта (экономия топлива до 20%), статус космопорта свободной торговли, многоуровневые политические преференции (от Госкомитета по развитию и реформам КНР до провинциального уровня) и реализуемая модель «завод → пуск → возврат → повторное использование».
В центре внимания автора находится трансформация российско-китайского сотрудничества в космической сфере от научно-образовательных проектов к системной промышленной интеграции на площадке Международного космического г. Вэньчан. Вэньчан рассматривается как «точка сборки», критический узел, где сходятся инфраструктура, кадры, капитал и международная кооперация. Автор показывает, что при наличии развитой инфраструктуры (ракетная, спутниковая и сервисная цепочки) и многоуровневых политических преференций (нулевые пошлины, низкие налоги, упрощенное налогообложение) российские компании пока еще не представлены на уровне отраслевых резидентов, что определяет актуальность поиска новых механизмов интеграции. В качестве таких механизмов предлагаются 1) институциональный (размещение Совета по космосу стран БРИКС в Вэньчан), 2) социокультурный (проект «Комплекс космического театра» как интегративная многоуровневая модель формирования международной среды технологического доверия (вовлечение → образование → промышленность → предпринимательство) и 3) ценностный (переход от классической коммерческой эффективности к проектам с высокой коммерческой и социальной отдачей, базирующихся на общей этической платформе). Выдвигается тезис о необходимости выдвижения совместных межцивилизационных «сверхзадач» – проектов постоянной лунной базы и межорбитального транспорта (космического лифта) с использованием квази-тросовых систем – как объединяющего ядра для сотрудничества дружественных стран в системе ШОС, БРИКС, АТЭС.

Ключевые слова: российско-китайское научно-технологическое сотрудничество, российско-китайское сотрудничество в сфере коммерческого (частного) гражданского космоса, коммерческий (частный, гражданский) космос, Международный космический город Вэньчан (Китай), порт свободной торговли Хайнань, Совет БРИКС по космосу, Комплекс космического театра, международная среда технологического доверия, постоянная лунная база, космический лифт

Для цитирования: Ульянова М. Ю. Российско-китайское сотрудничество в коммерческом космосе – Вэньчан как точка сборки. *Восточная аналитика*. 2026;17(3):143-153. https://doi.org/10.31696/2227-5568-2026-03-143-153

Контент доступен под лицензией Creative Commons «Attribution-ShareAlike» («АтрибуцияСохранениеУсловий») 4.0 Всемирная.

© Ульянова М. Ю., 2026
© Восточная аналитика, 2026

RUSSIA-CHINA COOPERATION IN COMMERCIAL SPACE – WENCHANG AS AN INTEGRATION HUB

Maria Yu. Ulyanova
Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
m.ulyanova@ivran.ru, https://orcid.org/0009-0004-4051-074X

Abstract. The article is devoted to the challenges of Russian-Chinese cooperation in commercial (private, civil) space, using the example of examining the prospects for interaction based on the first commercial spaceport in China, positioned as an «international window for the development of the space industry» – the Wenchang International Space City (Hainan Free Trade Port, Chian). The study analyses the geographical, political and infrastructural advantages of Wenchang as a platform for international cooperation, including its low latitude (saving up to 20% of fuel), the status of a spaceport within a free trade zone, multi level policy preferences (from the National Development and Reform Commission of the PRC to the provincial level), and the implemented «factory → launch → return → reuse» model.
The author focuses on the transformation of Russia–China cooperation in the space sector – from scientific and educational projects to systemic industrial integration at the Wenchang International Space City. Wenchang is examined as an «assembly point» – a critical node where infrastructure, human capital, financial resources and international cooperation converge. The author demonstrates that, despite the existence of developed infrastructure (rocket, satellite and service chains) and multi level policy preferences (zero tariffs, low tax rates, simplified taxation), Russian companies are not yet represented at the level of industrial residents, which determines the relevance of seeking new mechanisms for integration. Among such mechanisms, the author proposes: (1) an institutional one – the establishment of a BRICS Space Council in Wenchang; (2) a socio cultural one – the «Outer Space Theater Complex» project as an integrative multi level model for fostering an international trust based technological environment (engagement → education → industry → entrepreneurship); and (3) a value based one – a shift from conventional commercial efficiency towards projects with high commercial and social returns, grounded in a shared ethical platform. The article puts forward the thesis that joint cross civilisational «grand challenges» are needed – projects of a permanent lunar base and an inter orbital transport (space elevator) using quasi tether systems – as a unifying core for cooperation among friendly countries within the frameworks of the SCO, BRICS and APEC.

Keywords: Russian-Chinese scientific and technological cooperation, Russian-Chinese commercial space cooperation (private/civil space sector), commercial (private/civil) space, Wenchang International Space City (PRC), Hainan Free Trade Port, BRICS Space Council, Outer Space Theater Complex, international trust-based technological ecosystem, permanent lunar base, space elevator

For citation: Ulyanova M. Yu. Russia-China Cooperation in Commercial Space – Wenchang as an Integration Hub. *Eastern Analytics*. 2026;17(3):143-153. (In Russ.) https://doi.org/10.31696/2227-5568-2026-03-143-153

Понятие «точка сборки» в инженерном дискурсе обозначает критический узел, определяющий функциональность всей системы. В данном исследовании автор ставит целью ответить на вопрос, почему именно Вэньчан рассматривается как международная площадка для Российско-Китайского взаимодействия в космической отрасли. В первую очередь,

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-ShareAlike 4.0 International (CC BY-SA 4.0).

© Ulyanova M. Yu., 2026
© Eastern Analytics, 2026

необходимо выделить международный статус Вэньчань. В г. Вэньчан создан первый в Китае Международный космический город с коммерческим космодромом[1]. Порт свободной торговли Хайнань в купе с космическим кластером Вэньчан образует уникальный «Космо-Порт свободной торговли» как пространство, где преференциальный режим свободной экономической зоны сочетается с космической технологической инфраструктурой полного цикла[2].

Географические, политические и инфраструктурные приоритеты Международного космического г. Вэньчан

В соответствии с документом Государственного Комитета развития и реформ КНР (2021) № 479 «Особые меры по поддержке строительства порта свободной торговли Хайнань в области расширения доступа на рынок» от 8 апреля 2021 г.[3] предусмотрены меры «по оптимизации среды доступа на рынок коммерческого космоса, комплексному обновлению механизмов управления и допуска в коммерческой космической отрасли, а также поддержка создания открытого и интернационализированного Международного космического города Вэньчан на Хайнань» как международного окна Китая по развитию коммерческой космической отрасли в мире, что создает институциональные предпосылки для привлечения иностранных партнеров, включая российские космические компании и организации.

Для Международного космического города характерна уникальность месторасположения, обусловленная близостью к экватору. Низкая широта (19° с. ш.) создает условия экономии 15–20% топлива для вывода ракет. Выход к морю обеспечивает безопасность пусков и посадок многоразовых ракет, а также удобную транспортную морскую логистику. Отраслевая направленность высокотехнологичной зоны Вэньчан, определенная Комитетом реформ и развития при Госсовете КНР, позволяет ей развиваться как интеграционной космической промышленной базе[4].

---

[1] 海南商业航天« 向天图强» // 人民日报 [Хайнаньская коммерческая космонавтика: «устремляясь ввысь во имя силы» // Жэньминь жибао]. 29.03.2024. URL: https://mp.weixin.qq.com/s/qH3OzVTE7uByZGBwpSxhMw (accessed: 04.04.2026).

[2] 当商业航天遇上»封关»，这是海南的机遇，也是中国的机遇 // 人民画报 [Когда коммерческая космонавтика встречается с «закрытием» острова: это возможность для Хайнань и возможность для Китая // Жэньминь хуабао]. 15.01.2026. URL: https://mp.weixin.qq.com/s/VXcAtL_-g4_L9I2uhQ99sQ (accessed: 04.04.2026).

[3] 关于支持海南自由贸易港建设放宽市场准入若干特别措施的意见（发改体改〔2021〕479号 [Особые меры по поддержке строительства порта свободной торговли Хайнань в области расширения доступа на рынок. Утв. Гос. комитетом по делам развития и реформ КНР, Министерством коммерции КНР от 7 апр. 2021 г.]. URL: https://www.ndrc.gov.cn/xxgk/zcfb/tz/202104/t20210408_1271896_ext.html (accessed: 04.04.2026).

[4] 海南加速打造商业航天新高地 // 海南日报 [Хайнань ускоряет создание новой вершины коммерческой космонавтики // Хайнань жибао]. 06.12.2025. URL: https://mp.weixin.qq.com/s/Pwc1zY6Q3FZVKOV1rwLRuA (accessed: 15.04.2026).

Отраслевая направленность развития высокотехнологичной зоны Вэньчан как инновационной, интеграционной демонстрационной космической промышленной базы

Ключевыми направлениями развития промышленных технологических кластеров Международного космического города являются следующие отрасли:

1) новые материалы, разработка на стыке аэрокосмических технологий. В приоритете – высокопрочные металлоконструкции и композитные материалы, востребованные в ракетостроении, авиации и смежных отраслях;
2) новая энергетика, водородные технологии (производство, хранение, применение). Водород рассматривается как топливо будущего для космической и тяжелой транспортной техники;
3) высокотехнологичное оборудование включает различные стенды для испытаний, робототехнику (сервисные, роботы, применяемые в космосе); БПЛА для специальных задач (мониторинг, доставка, охрана);
4) электронная информатика и ИИ база для цифровизации городского управления и логистики[5].

Также в приоритете направления, обеспечивающие сервисные кластеры:

1. Международное сотрудничество, отраслевые форумы, выставки, конгрессы. Вэньчан создается как площадка для глобального диалога, проведения международных мероприятий с целью формирования центра притяжения для иностранных партнёров и инвесторов.
2. Образование и подготовка кадров лежит в основе приоритетов развития международного космического города и включает задачи по профессиональной подготовке и повышению квалификации в космической сфере. Создаётся среда популяризации науки, вовлечению молодежи, созданию образовательных кластеров для взращивания инженерных и исследовательских кадров.
3. Фонды (финансовые услуги). План развития города включает создание специализированного финансового кластера для поддержки космических и высокотехнологичных проектов. Предполагается

[5] 省航天领导小组会议：坚持»以场带产»»产城融合»，推进海南商业航天创新开放高质量发展 // 海南日报 [Заседание Руководящей группы по космической деятельности провинции: придерживаясь курса «развитие промышленности через космодром» и «интеграция производства и города», продвигать инновационное, открытое и высококачественное развитие коммерческой космонавтики Хайнань // Хайнань жибао]. 20.01.2025. URL: https://www.hainan.gov.cn/hainan/szfldhd/202501/95eb8eb697ce4b199ff4399963f76080.shtml (accessed: 04.04.2026).

венчурное финансирование, страхование, инвестиционные фонды, сопровождение стартапов и промышленных предприятий, использование инструмента «бирж технологий».

Вэньчан как промышленная и кооперационная точка сборки

Международный космический город формируется не просто как производственная база, а как экосистема, включающая технологии, кадры, капитал и глобальную кооперацию. Интегрированная модель замкнутого цикла, включающая ускоренное сращивание трех ключевых звеньев позволяет синхронизировать 1) цепочки инноваций (научные исследования, разработки, лаборатории); 2) промышленные и технологические цепочки (производство комплектующих и компонентов полезной нагрузки, спутников и ракет) и 3) цепочки финансирования и инвестиций (инвестиционные фонды и финансовые механизмы). Вэньчан также реализует многоуровневые политические преференции от уровня Государственного комитета по развитию и реформам до провинциального уровня: нулевые импортные пошлины, низкие налоговые ставки, упрощенное налогообложение.

Планы развития инфраструктуры и международного взаимодействия Международного космического города до 2045 г.

Вэньчан является точкой сборки, где сходятся промышленность, наука, образование, и финансы для международной кооперации в целях мирного освоения Космоса. Перечислим, что достигнуто Вэньчаном в развитии космической отрасли на текущий момент:

– получен статус космодрома и запущена пусковая инфраструктура замкнутого цикла;
– подготовлена инфраструктура для пилотируемой программы и лунной миссии;
– частично построена научно-техническая и образовательная инфраструктура, которая включает Центр данных и приложений стран БРИКС по спутникам ДЗЗ (Центр БРИКС), как институциональную платформу для международного сотрудничества и резидентства;
– готовится к запуску Научно-инновационная база космической отрасли площадка инкубации инновационных проектов с целью интеграции производства, образования и исследований;
– реализуются международные научные и образовательные проекты, например, МЭИ – Хайнань (закладка первого камня состоялась в январе 2024 г.).

В услуги, которые уже реализует Вэньчан, входят пусковые услуги (в рамках инициативы «Пояс и путь» и для стран БРИКС), экспорт спутниковых данных, вывод спутников на орбиту («под ключ»)[6].

Планы развития инфраструктуры и международного взаимодействия космического г. Вэньчан, согласно данным открытых источников, распределены по трем ключевым периодам: 2025 г., 2035 г. и 2045 г.

К 2025 г. было запланировано создание международного космического города первого класса, открытого для взаимодействия с зарубежными компаниями и организациями, с инновационной и интегрированной структурой с акцентом на синергии между наукой, технологиями и производством. Достижение начального этапа формирования городской структуры по типу «промышленная агломерация + городская среда + экологическое благополучие (лесные и морские парковые зоны)».

К 2035 г. планируется завершение строительства открытого, интернационализированного, инновационного и интегрированного Международного космического города. Тем самым должен быть внесен важный вклад в поддержку стратегии развития Китая как космической державы, должно свершиться ускорение инновационной интеграции и внедрение смежных космических производств, что, в том числе, среди целей обозначено в «15-й пятилетнем плане экономического и социального развития КНР» Госсовета КНР.

К 2045 г. должно завершиться полное создание Международного космического города Вэньчан, сочетающего открытость, интернационализацию, инновации и интеграцию.

Впечатляет с профессиональной точки зрения, каким образом Вэньчан планирует развить пусковую инфраструктуру на ближайшую перспективу. Третий и четвертый стартовые комплексы как вторая очередь коммерческого космодрома завершены в 2026 г. Суммарная годовая мощность после завершения второй очереди составляет до 60 пусков в год (4 стартовых комплекса). В части пилотируемой миссии Лунной программы стоят амбициозные планы, включающие полномасштабную летную верификацию ракеты «Чанчжэн-10» (长征十号全箭飞) к 2027 г.[7] Планируются беспилотные окололунные испытания корабля «Мэнчжоу» (梦舟) и посадочного

---

[6] 航天快讯 | 海南商业航天发射场春节建设全速推进 // 文昌航天观礼中心 [Космическая сводка: Строительство Хайнаньского коммерческого космодрома полностью ускорено в период праздника Весны // Центр наблюдения за космическими запусками Вэньчан]. 24.02.2026. URL: https://mp.weixin.qq.com/s/T0SGtXqTflfTFyaQ50dblA (accessed: 15.04.2026).

[7] 航天快讯 | 长八甲火箭首飞入选2025年中国重大工程进展 // 文昌航天观礼中心 [Космическая сводка: Первый полёт ракеты «Чанчжэн-8A» вошtl в число крупных инженерных достижений Китая за 2025 год // Центр наблюдения за космическими запусками Вэньчан]. 24.03.2026. URL: https://mp.weixin.qq.com/s/upIPkb4Bk2VAeNOZut2-Gg (accessed: 15.04.2026).

модуля «Ланьюэ» (揽月) к 2028 г. До 2030 г. планируется высадка китайских космонавтов на Луну с отправкой с космодрома Вэньчан[8].

Механизмы формирования системного партнерства – от «точки сборки компонентов» к «точке сборки систем»: сегодня Международный космический город это точка сборки компонентов, но еще не систем. Для выстраивания системного партнерства с зарубежными, в том числе российскими организациями, нужны действующие механизмы создания среды резидентства и предпринимательства. При том что в Вэньчане создана полная цепочка «ракета – спутник – данные», российские компании еще не представлены на уровне промышленных резидентов в отличие от китайских частных компаний[9].

Как известно, в апреле 2025 г. в Бразилии в ходе встречи глав космических агентств стран БРИКС генеральным директором Госкорпорации «Роскосмос» Д. В. Бакановым была официально выдвинута инициатива о необходимости создания Совета по космосу стран БРИКС как эффективного механизма взаимодействия по реализации новых инициатив и крупных проектов. Задачами такого органа могли бы стать контроль за выполнением уже реализуемых совместных проектов, рассмотрение предложений и принятие решений о создании новых перспективных проектов по различным направлениям космической деятельности. Но данная инициатива еще не локализована.

Международный космический город в Китае, в свою очередь, уже обладает уникальной инфраструктурой космической отрасли, институциональной базой БРИКС (Центр данных и приложений стран БРИКС по спутникам ДЗЗ), разрешениями для международного сотрудничества в коммерческой космической отрасли, что позволяет говорить о целесообразности размещения в Вэньчане международной структуры по типу Совета БРИКС по космосу для более полной и эффективной реализации международных программ и проектов. При реализации механизма Совета по космосу стран БРИКС в Вэньчане видится необходимым включение в состав Совета экспертов (представителей) трех сред: государственной (подведомственные организации космических агентств), академической (научно-исследовательские и образовательные организации), и бизнес-среды (международные частные космические компании).

---

[8] 航天快讯 | 2026文昌航天重磅突破！中国载人登月主发射场全面提速 // 文昌航天观礼中心 [Космическая сводка: Прорыв 2026 года в Вэньчан! Главный стартовый комплекс пилотируемой высадки на Луну полностью ускорен // Центр наблюдения за космическими запусками Вэньчан]. 04.03.2026. URL: https://mp.weixin.qq.com/s/z6-SaM0sSqQEjTt3OOrI8Q (accessed: 15.04.2026).

[9] 中国运载火箭技术研究院海南新区在文昌揭牌 // 海南日报 [Хайнаньский филиал Китайской академии технологий ракет-носителей открыт в Вэньчан // Хайнань жибао]. 11.02.2026. URL: https://mp.weixin.qq.com/s/eA042k67nw6CTxrCR9M4kg (accessed: 04.04.2026).

Космос является стратегическим приоритетом для всех государств. Однако известно, что геополитические факторы могут работать на разъединение. Объединение возможно только коллективными усилиями дружественных стран, на основе единой движущей этики. Эта логика восходит к идее классика отечественной фантастики Ефремова – «Эра объединившихся рук» и «Лучистого Человечества» Циолковского [Ефремов, 1968; Циолковский, 1977].

Задействование социокультурного механизма в Международном космическом городе безусловно имеет приоритет для популяризации международной науки и технологий космической отрасли. Реализуемый российско-китайский проект «Комплекс космического театра» как инструмент формирования среды технологического доверия также является своего рода «сборкой» культуры, искусства, науки и технологий[10]. Доверие выступает фундаментальным условием устойчивого международного сотрудничества, тем более в космической сфере. Формированию доверия предшествует среда вовлечения, которая отвечает за формирование эмоциональной связи Человека с Космосом (закладывает мечту) как базы для задействования научно-популярных и образовательных механизмов (летние и зимние школы, космоклассы, конструкторские бюро, конкурсы, аттракционы с технологиями дополненной реальности)[11]. Так совершается переход к подготовке увлечtнных мечтой квалифицированных кадров для двустороннего и многостороннего сотрудничества.

Завершающий уровень рассматриваемой модели включает конгрессную деятельность, коммерческие космические проекты, совместные опытно-конструкторские разработки и общественно значимые инициативы. На этом этапе происходит практическая реализация совместных проектов, что предваряет уверенный шаг человечества в Космос. Для этого необходима объединяющая идея – сверхзадача. В условиях нарастающих геополитических вызовов традиционный драйвер сотрудничества – коммерческая эффективность (стоимость) – обнаруживает свою недостаточность. Устойчивое объединение усилий дружественных стран возможно только на основе общей этической платформы, где движущей силой выступает не стоимость, а общие ценности и цели.

---

[10] Научный сотрудник Центра изучения современного Китая ИВ РАН Ульянова М. Ю. выступила с докладом на 62-й сессии Научно-технического подкомитета УВКП ООН // Институт востоковедения Российской Академии Наук. 09.02.2025. URL: https://www.ivran.ru/novosti?artid=220330 (дата обращения: 05.04.2026).

[11] Technical Presentations made at the Scientific and Technical Subcommittee: Sixty-second session (2025). Russian and Chinese project of the complex Russian outer space theater. Mr. Iurii Babanov and Ms. Maria Ulyanova (Russian Federation) // United Nations Office for Outer Space Affairs. URL: https://www.unoosa.org/oesa/en/ourwork/copuos/stsc/technical-presentations.html (accessed: 05.04.2026).

В качестве конкретных ценностно-ориентированных проектов предлагается всерьез задуматься над созданием инфраструктуры на Луне, включающей проекты постоянных лунных баз (ПЛБ). На Луне, которая имеет как ресурсные, так и научные цели, необходимо развитие постоянных лунных баз, что может осуществляться параллельно с уже реализуемым государственным российско-китайским проектом Международной научной лунной станции. Строительство ПЛБ роботизированными методами может быть начато в ближайшей перспективе, поскольку современные технологии и научный задел использования имеющихся на Луне ресурсов (базальт и реголит) для строительства сооружений, а также средства доставки материалов на Луну, позволяют это сделать. Проектирование уже ведется несколькими российскими научными коллективами, рассматриваются различные технические решения [Леонов, 2021].

Также предлагается подойти более внимательно к рассмотрению идеи[12] создания космического (межорбитального) лифта (своеобразного буксира) с использованием квази-тросовых систем [Багров, Леонов, 2020]. Наиболее перспективной площадкой для реализации такого рода проектов видится космический кластер Вэньчан в рамках БРИКС. Такой формат позволит России и Китаю как ведущим космическим державам взять на себя координирующую роль в проведении научно-исследовательских работ и апробации демонстрационной модели с последующим поэтапным привлечением всех стран БРИКС. Таким образом, проект лунной базы и межорбитального буксира может стать такой объединяющей «космической» сверхзадачей, реализуемой на площадке БРИКС с ядром Россия – Китай.

Литература / References

1. Багров А. В., Леонов В. А. Проблемы перехода от исследований Луны к ее освоению // Воздушно-космическая сфера. 2020. № 3. С. 22–33. [Bagrov A. V., Leonov V. A. Problems of Transition from Lunar Research to Lunar Exploration // Aerospace Sphere Journal. 2020. No. 3. P. 22–33 (in Russian)].
2. Ефремов И. А. Час Быка. М.: Молодая гвардия, 1968. 432 с. [Efremov I. A. Hour of the Ox. Moscow: Molodaya Gvardiya, 1968. 432 p. (in Russian)].
3. Леонов В. А. Постоянная лунная станция как приоритет России в освоении ресурсов космоса // Воздушно-космическая сфера. 2021. № 4 (109). С. 56–67. [Leonov V. A. A permanent lunar station as Russia's priority in space resource development // Aerospace Sphere Journal. 2021. No. 4 (109). P. 56–67. (in Russian)]
4. Циолковский К. Э. Теория космических эр // Химия и жизнь. 1977. № 1. С. 84–87. [Tsiolkovsky K. E. Theory of Cosmic Eras // Chemistry and Life.1977. No. 1. P. 84–87 (in Russian)].

[12] Лев Зелёный назвал «космический лифт» прорывным проектом на II Международном симпозиуме «Создавая будущее» // Институт космических исследований РАН. 09.10.2025. URL: https://iki.cosmos.ru/en/news/space-future (дата обращения: 06.03.2026).

Электронные ресурсы / Electronic Sources

1. Институт космических исследований РАН. Лев Зелёный назвал «космический лифт» прорывным проектом на II Международном симпозиуме «Создавая будущее». 09.10.2025. URL: https://iki.cosmos.ru/en/news/space-future (дата обращения: 06.03.2026).
2. Научный сотрудник Центра изучения современного Китая ИВ РАН Ульянова М. Ю. выступила с докладом на 62-й сессии Научно-технического подкомитета УВКП ООН / Институт востоковедения РАН // Институт востоковедения Российской Академии Наук · Официальный сайт. 09.02.2025. URL: https://www.ivran.ru/novosti?artid=220330 (дата обращения: 05.04.2026).
3. Заседание Руководящей группы по космической деятельности провинции: придерживаясь курса «развитие промышленности через космодром» и «интеграция производства и города», продвигать инновационное, открытое и высококачественное развитие коммерческой космонавтики Хайнань / 省航天领导小组会议：坚持»以场带产»»产城融合»，推进海南商业航天创新开放高质量发展 // Хайнань жибао / 海南日报. 20.01.2025. URL: https://www.hainan.gov.cn/hainan/szfldhd/202501/95eb8eb697ce4b199ff4399963f76080.shtml accessed: 04.04.2026).
4. Когда коммерческая космонавтика встречается с «закрытием» острова: это возможность для Хайнань и возможность для Китая / 当商业航天遇上»封关»，这是海南的机遇，也是中国的机遇 // Жэньминь хуабао / 人民画报. 15.01.2026. URL: https://mp.weixin.qq.com/s/VXcAtL_-g4_L9I2uhQ99sQ (accessed: 04.04.2026).
5. Космическая сводка: Первый полёт ракеты «Чанчжэн-8А» вошёл в число крупных инженерных достижений Китая за 2025 год / 航天快讯 | 长八甲火箭首飞入选2025年中国重大工程进展 // 文昌航天观礼中心 / Центр наблюдения за космическими запусками Вэньчан. 24.03.2026. URL: https://mp.weixin.qq.com/s/upIPkb4Bk2VAeNOZut2-Gg (accessed: 15.04.2026).
6. Космическая сводка: Прорыв 2026 года в Вэньчан! Главный стартовый комплекс пилотируемой высадки на Луну полностью ускорен / 航天快讯 | 2026文昌航天重磅突破！中国载人登月主发射场全面提速 // 文昌航天观礼中心 / Центр наблюдения за космическими запусками Вэньчан. 04.03.2026. URL: https://mp.weixin.qq.com/s/z6-SaM0sSqQEjTt3OOrI8Q (accessed: 15.04.2026).
7. Космическая сводка: Строительство Хайнаньского коммерческого космодрома полностью ускорено в период праздника Весны / 航天快讯 | 海南商业航天发射场春节建设全速推进 // 文昌航天观礼中心 / Центр наблюдения за космическими запусками Вэньчан. 24.02.2026. URL: https://mp.weixin.qq.com/s/T0SGtXqTflfTFyaQ50dblA (accessed: 15.04.2026).
8. Особые меры по поддержке строительства порта свободной торговли Хайнань в области расширения доступа на рынок / 关于支持海南自由贸易港建设放宽市场准入若干特别措施的意见 （发改体改〔2021〕479号）: утв. Гос. комитетом по делам развития и реформ КНР, Министерством коммерции КНР от 7 апр. 2021 г. URL: https://www.ndrc.gov.cn/xxgk/zcfb/tz/202104/t20210408_1271896_ext.html (accessed: 04.04.2026).
9. Хайнань ускоряет создание новой вершины коммерческой космонавтики / 海南加速打造商业航天新高地 // Хайнань жибао / 海南日报. 06.12.2025. URL: https://mp.weixin.qq.com/s/Pwc1zY6Q3FZVKOV1rwLRuA (accessed: 15.04.2026).

10. Хайнаньская коммерческая космонавтика: «устремляясь ввысь во имя силы» / 海南商业航天»向天图强» // Жэньминь жибао / 人民日报. 29.03.2024. URL: https://mp.weixin.qq.com/s/qH3OzVTE7uByZGBwpSxhMw (accessed: 04.04.2026).
11. Хайнаньский филиал Китайской академии технологий ракет-носителей открыт в Вэньчан / 中国运载火箭技术研究院海南新区在文昌揭牌 // Хайнань жибао / 海南日报. 11.02.2026. URL: https://mp.weixin.qq.com/s/eA042k67nw6CTxrCR9M4kg (accessed: 04.04.2026).
12. United Nations Office for Outer Space Affairs. Technical Presentations made at the Scientific and Technical Subcommittee: Sixty-second session (2025). Russian and Chinese project of the complex Russian outer space theater. Mr. Iurii Babanov and Ms. Maria Ulyanova (Russian Federation). URL: https://www.unoosa.org/oesa/en/ourwork/copuos/stsc/technical-presentations.html (accessed: 05.04.2026).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Ульянова Мария Юрьевна – кандидат филологических наук, научный сотрудник Института Востоковедения РАН, Центр изучения современного Китая; Москва

Maria Yu. Ulyanova – PhD (Philology), Researcher at the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, Center for the Study of Modern China; Moscow

Раскрытие информации о конфликте интересов
Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Информация о статье
Поступила в редакцию: 18.05.2026.
Одобрена после рецензирования и принята к публикации: 25.05.2026.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Conflicts of Interest Disclosure
The author declares that there is no conflict of interest.

Article info
Submitted: 18.05.2026.
Approved after peer reviewing and accepted for publication: 25.05.2026.

The author has read and approved the final manuscript.

EASTERN ANALYTICS
Peer-reviewed academic journal

Computer layout *Nadezhda V. Makeeva*

Languages in which articles in the journal can be printed: Russian, English, Arabic, Yiddish, Chinese, Korean, Turkish, Farsi, Hindi, Japanese

Signed in the press on 30.09.2026. Format 70×100/16.
Typeface Noto Serif. Circulation 500 copies. Order No.
Website: https://analitika.ivran.ru

The Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences.
The Science Publishing Centre, head of *A. O. Zakharov*
12, Rozhdestvenka str., Moscow, 107031. Website: www.ivran.ru

Printed in accordance with the materials provided

ВОСТОЧНАЯ АНАЛИТИКА
Научный рецензируемый журнал

Верстальщик и корректор *Н. В. Макеева*

Языки, на которых могут быть напечатаны статьи в журнале: русский, английский, арабский, идиш, китайский, корейский, турецкий, фарси, хинди, японский

Подписано в печать 30.09.2026. Формат 70×100/16. Гарнитура Noto Serif.
Усл. печ. л. 12,7. Уч.-изд. л. 10,3. Тираж 500 экз. Заказ №
Веб-сайт: https://analitika.ivran.ru

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт востоковедения Российской академии наук (ФГБУН ИВ РАН).
Научно-издательский центр, заведующий *А. О. Захаров*
107031, г. Москва, ул. Рождественка, д. 12. Веб-сайт: www.ivran.ru

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами